М.Ю.
ЛЕРМОНТОВ
4
М.Ю.
ЛЕРМОНТОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · Ленинград
1961

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
1828–1841

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · Ленинград
1961

Печатается на основе

Собрания сочинений М Ю Лермонтова

изданного Академией наук СССР

в 1954—1957 гг.

М. Ю. Лермонтов.

Автопортрет. Акварель, 1837.
Копия О. А. Кочетовой, 1880 г.

В основу настоящего собрания сочинений М. Ю. Лермонтова положен текст его произведений, критически установленный в последнем академическом издании.[1] Отдельные замеченные неточности устранены после проверки текста по первоисточнику. В соответствии с требованиями массового издания, справочный аппарат, сопровождающий тексты Лермонтова в академическом собрании сочинений поэта, облегчен: отсутствует полный свод вариантов и черновых редакций произведений (основные из них приводятся в примечаниях), отсутствует подробное описание рукописей Лермонтова и других источников текста, значительно сокращены библиографические сведения. В то же время расширен круг сведений, входящих в реальный комментарий.

В примечаниях к произведениям Лермонтова сообщаются год и место первой публикации произведения, текст собственных примечаний и помет Лермонтова, если они имеются в автографе; указываются случаи, когда автограф не

[1] М. Ю. Лермонтов. Сочинения в шести томах, издание Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. М.—Л., 1954—1957.

сохранился; сообщается время написания произведения; приводятся обстоятельства, при которых создавалось произведение; даются наиболее важные с историко-литературной точки зрения оценки произведения; дается разъяснение авторского подтекста, игры слов, поддающихся раскрытию намеков; сообщаются краткие сведения о малоизвестных лицах и географических названиях.

Собрание состоит из 4 томов: в первый том входят стихотворения, во второй том — поэмы и повести в стихах, в третий — драмы, в четвертый — художественная проза, письма, планы и заметки. Внутри каждого тома произведения располагаются в хронологическом порядке. Перед разделом примечаний в конце тома дается краткая вступительная статья, характеризующая особенности произведений данного жанра.

Тексты Лермонтова печатаются по новой орфографии, но с сохранением особенностей языка, характерных для эпохи 30—40-х годов прошлого века.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1828 — 1841

1828

ОСЕНЬ

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит, меж цветов,
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь, отважный, поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

ЗАБЛУЖДЕНИЕ КУПИДОНА

Однажды женщины Эрота отодрали;
Досадой раздражен, упрямое дитя,
Напрягши грозный лук и за обиду мстя,
Не смея к женщинам, к нам ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей, стремит.
Ваш подлый род один! — безумный говорит.

С тех пор-то женщина любви не знает! . .
И точно как рабов считает нас она. . .
Так в наказаниях всегда почти бывает:
Которые смирней, на тех падет вина! . .

ЦЕВНИЦА

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз и граций,
И куст прелестных роз, взлелеянных весной.
Там некогда, кругом черемухи млечной
Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь
Питала сердце мне и волновала кровь! . .
Сокрылось всё теперь: так, поутру, туманы
От солнечных лучей редеют средь поляны.
Исчезло всё теперь; но ты осталось мне,
Утеха страждущих, спасенье в тишине,
О милое, души святое вспоминанье!
Тебе ж, о мирный кров, тех дней, когда
страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может грозный рок,
Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчивой цевницей!

ПОЭТ

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал,
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его младой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призра́к бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

1829

К П.....НУ

Забудь, любезный П‹етерсо›н,
Мои минувшие сужденья;
Нет! недостоин бедный свет презренья,
Хоть наша жизнь минута сновиденья,
Хоть наша смерть струны порванной звон.
Мой ум его теперь ценить иначе станет.
Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит,
Где дружба дружбы не обманет,
Любовь любви не изменит.
Зачем же всё в сем мире бросить,
Зачем и счастья не найти:
Есть розы, друг, и на земном пути!
Их время злобное не все покосит! . .
Пусть добродетель в прах падет,
Пусть будут все мольбы творцу бесплодны,
Навеки гений пусть умрет, —
Везде утехи есть толпе простонародной;
Но тот, на ком лежит уныния печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые! . .

К Д. . . .ВУ

Я пробегал страны России,
Как бедный странник меж людей;
Везде шипят коварства змии;
Я думал: в свете нет друзей!
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незванный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю —
И больше им не доверяюсь! . .

ПОСВЯЩЕНИЕ N. N.

Вот, друг, плоды моей небрежной музы!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...
Я знаю всё: ты ветрен, безрассуден,
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..
Готов на всё для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозренья,
Словам моим поверить не хотел...
Но час придет, своим печальным взором
Ты всё прочтешь в немой душе моей;
Тогда: беги, не трать пустых речей, —
Ты осужден последним приговором!..

ПИР

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций.
Не мясо тучного тельца,
Не фрукты Греции счастливой
Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;
Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снедь — кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

(Стихи в оригинале найдены во Франции на стенах одной государственной темницы)

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз
Слезой мои ресницы!..
Ликуйте вы одне
И чаши осушайте,
Любви в безумном сне
Как прежде, утопайте;
Но в пламенном вине
Меня воспоминайте!..

Я также в вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлеб черствый стану есть
И воду пить гнилую!..
Пред мной отличный стол,
И шаткий и старинный;

И музыкой ослиной
Скрыпит повсюду пол.
В окошко свет чуть льется;
Я на стене кругом
Пишу стихи углем,
Браню кого придется,
Хвалю кого хочу,
Нередко хохочу,
Что так мне удается!

Иль если крыса в ночь
Колпак на мне сгрызает,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяет
Ее бесплодный труд.
Я повернусь — и тут! . .
Послыша глас тревоги,
Она — давай бог ноги! . .

Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смешу — и тем сытей
Всегда почти бываю.
. . . . . .
. . . . . .
Тогда я припеваю
. . . . . .
. . . . . .
«Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час! . .»

К ДРУЗЬЯМ

Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.

*

Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.

*

Но нередко средь веселья
Дух мой страждет и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.

ЭПИГРАММА

Дурак и старая кокетка — всё равно.
Румяны, горсть белил — всё знание его!..

МАДРИГАЛ

«Душа телесна!» — ты всех уверяешь смело;
Я соглашусь, любовию дыша:
Твое прекраснейшее тело —
Не что иное, как душа!..

РОМАНС

Коварной жизнью недовольный,
Обманут низкой клеветой,
Летел, изгнанник самовольный,
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, сказал он, други?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?

*

«Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?
Душа души моей! тебя ли
Загладят в памяти моей
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?

*

«Нет! и под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах,

И в граде Рима многолюдном
Всё будешь ты в моих очах!»

*

В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
Звенел, звенел и пропадал!

ПОРТРЕТЫ

1

Он некрасив, он невысок,
Но взор горит, любовь сулит,
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем как смоль черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Лиют без слов язык богов.
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной.
Не любит он и славы дым.
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще вновь
Клянет он мир, где вечно сир,
Коварность, зависть и любовь,
Всё бросил он как лживый сон!
Не знал он друга меж людей,
Везде один, природы сын.
Так жертву средь сухих степей
Мчит бури ток сухой листок.

2

Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще скучен,
Любезен, горд, сердит порой.
Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса
Летает в мир мечтанья он.
Глаза не слишком говорливы,
Всегда по моде он одет.
А щечки — полненькие сливы,
Так говорит докучный свет.

3

Лукав, завистлив, зол и страстен,
Отступник бога и людей;
Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение — злодей! . .

4

Всё в мире суета, он мнит, или отрава,
Возвышенной души предмет стремленья —
слава.

5

Всегда он с улыбкой веселой,
Жизнь любит и юность румяну,
Но чувства глубоки питает, —
Не знает он тайны природы.

Открытен всегда, постоянен;
Не знает горячих страстей.

6

Он любимец мягкой лени,
Сна и низких всех людей;
Он любимец наслаждений,
Враг губительных страстей!
Русы волосы кудрями
Упадают средь ланит.
Взор изнежен, и устами
Он лишь редко шевелит!..

К ГЕНИЮ

Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор
Без цели бродит вкруг, прошедших дней укор
Когда зовет меня, невольно, к вспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью! . .
О сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней, и любви свидетелей! . . Люблю!
Твержу забывшись им. Но полный весь
тоскою
Неверной девы лик мелькает предо мною. . .
Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!
Но я тебя молю, мой неизменный *Гений:*
Дай раз еще любить! дай жаром вдохновений
Согреться миг один, последний, и тогда
Пускай остынет пыл сердечный навсегда.
Но прежде там, где вы, души моей царицы,
Промчится звук моей задумчивой цевницы!
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Над яблоней мой тирс и с лирой золотой
Повесь и начерти: здесь жили вдохновенья!
Певец знавал любви живые упоенья. . .
. . .И я приду сюда, и не узнаю вас,
О струны звонкие! . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Но ты забыла, друг! когда порой ночной
Мы на балконе там сидели. Как немой,
Смотрел я на тебя с обычною печалью.
Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью
Сокрывши, голову на грудь твою склонял —
И был ответом вздох, твою я руку жал —
И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!
И месяц был один свидетель молчаливый
Последних и невинных радостей моих! . .
Их пламень на груди моей давно затих! . .
Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,
Как я почти забыл и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня к себе? . .
Забудь любовь мою! покорна будь судьбе!
Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость! . .
Забудь! . . пускай другой твою украсит младость! . .
Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,
Где стелется эфир, как вечный океан,
И совесть чистая с беспечностью драгою,
Хранители души, останьтесь ввек со мною!
И будет мне луны любезен томный свет,
Как смутный памятник прошедших, милых лет! . .

ПОКАЯНИЕ

Дева

— Я пришла, святой отец,
Исповедать грех сердечный,
Горесть, роковой конец
Счастья жизни скоротечной!..

Поп

— Если дух твой изнемог,
И в сердечном покаянье
Излиешь свои страданья:
Грех простит великий бог!..

Дева

— Нет, не в той я здесь надежде,
Чтобы сбросить тягость бед:
Всё прошло, что было прежде, —
Где ж найти уплывших лет?
Не хочу я пред небесным
О спасенье слезы лить
Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть;

Я спешу перед тобою
Исповедать жизнь мою,
Чтоб не умертвить с собою
Всё, что в жизни я люблю!
Слушай, тверже будь... скрепися,
Знай, что есть удар судьбы;
Но над мною не молися:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юных, нежных дней;
Я не знала о покое,
О невинности детей:
Пылкой страсти вожделенью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!..
Но любови тайна сладость
Укрывалася от глаз;
Вслед за ней бежала младость,
Как бежит за часом час.
Вскоре бедствие узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала;
И не ведала ее.
Исповедать грех сердечный
Я пришла, святой отец!
Счастья жизни скоротечной
Вечный роковой конец.

Поп

Если таешь ты в страданье,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаянье:
Не простит великий бог!..

ПИСЬМО

Свеча горит! дрожащею рукою
Я окончал заветные черты,
Болезнь и парка мчались надо мною,
И много в грудь теснилося — и ты
Напрасно чашу мне несла здоровья,
(Так чудилось) с веселием в глазах,
Напрасно стала здесь у изголовья,
И поцелуй любви горел в устах.
Прости навек! — Но вот одно желанье:
Приди ко мне, приди в последний раз,
Чтоб усладить предсмертное страданье,
Чтоб потушить огонь сомкнутых глаз,
Чтоб сжать мою хладеющую руку...
Далеко ты! не слышишь голос мой!
Не при тебе узнаю смерти муку!
Не при тебе оставлю мир земной!
Когда ж письмо в очах твоих печальных
Откроется... прочтешь его... тогда,
Быть может, я, при песнях погребальных,
Сойду в мой дом подземный навсегда!..
Но ты не плачь: мы ближе друг от друга,
Мой дух всегда готов к тебе летать
Или, в часы беспечного досуга,

Сокрыты прелести твои лобзать...
Настанет ночь; приедешь из собранья
И к ложу тайному придешь одна;
Посмотришь в зеркало и жар дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огнь на девственны ланиты,
К груди младой прильнет безвестный дух,
И над главой мелькнет призрак забытый,
И звук влетит в твой удивленный слух.
Узнай в тот миг, что это я из гроба
На мрачное свиданье прилетел:
Так, душная земли немой утроба
Не всех теней презрительный удел!..
Когда ж в санях, в блистательном катанье,
Проедешь ты на паре вороных;
И за тобой в любви живом страданье
Стоит гусар безмолвен, мрачен, тих;
И по груди обоих вас промчится
Невольный хлад, и сердце закипит,
И ты вздохнешь, гусара взор затмится,
Он черный ус рукою закрутит;
Услышишь звук военного металла,
Увидишь бледный цвет его чела:
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш навела!..
Ах! много, много я сказать желаю;
Но медленно слабеет жизни дух.
Я чувствую, что к смерти подступаю,
И — падает перо из слабых рук...
Прости!.. Я бегал за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любил,
Всё изменило мне, везде отравы,
Лишь лиры звук мне неизменен был!..

ВОЙНА

Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венок небренной славы!

РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

1

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой, —
И рушилось неверное созданье! . .

2

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой,
И бескорыстный, и свободный! . .

3

Он громкий звук внезапно раздает,
В честь девы, милой сердцу и прекрасной, —
И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни! — но напрасно! —
Никто конца ее не допоет! . .

ПЕСНЯ

Светлый призрак дней минувших
Для чего ты
Пробудил страстей уснувших
И заботы?
Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но где взять былое счастье
И беспечность? . .
Где вы, дружески обеты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага! . .
Щеки бледностью, хоть молод,
Уж покрылись;
В сердце ненависть и холод
Водворились!

К.....

Не привлекай меня красой!
Мой дух погас и состарелся.
Ах! много лет как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!..
Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной;
Но я теперь как нищий сир,
Брожу один, как отчужденный!
Так путник в темноте ночной,
Когда узрит огонь блудящий,
Бежит за ним... схватил рукой...
И — пропасть под ногой скользящей!..

РОМАНС

Невинный нежною душою,
Не знавши в юности страстей прилив,
Ты можешь, друг, сказать с какой-то простотою:
Я был счастлив!..

Кто, слишком рано насладившись,
Живет, в душе негодованье скрыв,
Тот может, друг, еще сказать забывшись:
Я был счастлив!..

Но я, в сей жизни скоротечной,
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я был счастлив!

ТРИ ВЕДЬМЫ

(Из «Макбета» Ф. Шиллера)

Первая

Попался мне один рыбак:
  Чинил он весел сети!
Как будто в рубище, бедняк,
  Имел златые горы!
И с песнью день и ночи мрак
Встречал беспечный мой рыбак.
Я ж поклялась ему давно,
Что всё сердит меня одно...
Однажды рыбу он ловил,
  И клад ему попался;
Клад блеском очи ослепил,
  Яд черный в нем скрывался.
Он взял его к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Другие две

Он взял врага к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Первая

И вот где он: там пир горой,
  Толпа увеселений;
И прочь, как с крыльями, покой
  Быстрей умчался тени.
Не знал безумец молодой,
Что деньги ведьмы — прах пустой!

Вторая и третья

Не знал, глупец, средь тех минут,
Что наши деньги в ад ведут!..

Первая

Но бедность скоро вновь бежит,
  Друзья исчезли ложны;
Он прибегал, чтоб скрыть свой стыд,
  К врагу людей, безбожный!
И на дороге уж большой
Творил убийство и разбой...
Я ныне близ реки иду
  Свободною минутой:
Там он сидел на берегу,
  Терзаясь мукой лютой!..
Он говорил: «Мне жизнь пуста!
  Вы отвращений полны,
Блаженства, злата!.. вы мечта!..»
  И забелели волны.

К НИНЕ

(Из Шиллера)

Ах! сокрылась в мрак ненастный
Счастья прошлого мечта!..
По одной звезде прекрасной
Млею, бедный сирота.
Но, как блеск звезды моей,
Ложно счастье прежних дней.

. . . . . .

Пусть, навек с златым мечтаньем,
Пусть тебе глаза закрыть,
Сохраню тебя страданьем:
Ты для сердца будешь жить.
Но увы! ты любишь свет:
И любви моей как нет!

. . . . . .

Может ли любви страданье,
Нина! некогда пройти?
Бури света волнованье
Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар,
Как земли ничтожный дар?..

. . . . . .

К N. N.

Ты не хотел! но скоро волю рока
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
Предстану я без горького упрека,
Но ты тогда совсем мой взор поймешь;
Но он тебе, как меч, как яд, опасен;
Захочешь ты проступку вновь помочь;
Нет, поздно, друг, твой будет труд напрасен:
Обратно взор тебя отгонит прочь!..
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу как во сне;
Никто со мной делить не будет скуку;
Таких друзей не надо больше мне;
Ты хладен был, когда я зрел несчастье
Или удар печальной клеветы;
Но придет час: и будешь в горе ты,
И не пробудится в душе моей участье!..

ЭПИГРАММЫ

1

Есть люди странные, которые с друзьями
Обходятся как с сертуками:
Покуда нов сертук: в чести — а там
Забыт и подарен слугам!..

2

Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.

3

Поэтом (хоть и это бремя)
Из журналиста быть тебе не суждено;
Ругать и льстить, и лгать в одно и то же время,
Признаться, — очень мудрено!

4. Г-ну П....

Аминт твой на глупца походит,
Когда за счастием бежит;

А под конец так крепко спит,
Что даже сон другим наводит.

5

Стыдить лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной, — всё то же,
Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, боже!..

6

Дамон, наш врач, о друге прослезился,
Когда тот кончил жизнь; поныне он грустит;
(Но не о том, что жизни друг лишился):
Пять раз забыл он взять *билеты за визит!*..

К ГРУЗИНОВУ

Скажу, любезный мой приятель,
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый друг! коварных
К себе не приманишь никак;
Ведь музы женщины — итак,
Кто ж видел женщин благодарных?..

НАПОЛЕОН

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой —
Там спит герой, друзья! — Наполеон! . .
Вещают так: и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных
стон! . .

Но вот полночь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребрила.
Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны. . .

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;

А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!

«Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
Зачем шутил граждан спокойных кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал? . .

«Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов — но. . . воин дерзновенный! . .
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами. . .
Бежал! . . и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.

. . . . . .

«Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас:
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки! . .

«Когда уже едва свет дневный отражен
Кристальною играющей волною
И гаснет день: усталою стопою
Идет рыбак брегов на тихий склон,

Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...»

. . . . . .

Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему предстала.
«Умолкни, о певец! спеши отсюда прочь,
С хвалой иль язвою упрека:
Мне всё равно; в могиле вечно ночь,
Там нет ни почестей, ни счастия, ни рока!
Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки;
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

ПАН

(В древнем роде)

Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
Укрывшися лесов в таинственную сень
Или под ветвями пустынныя рябины,
Смотреть на синие, туманные равнины.
Тогда приходит Пан с толпою пастухов;
И пляшут вкруг меня на бархате лугов.
Но чаще бог овец ко мне в уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкает легкий хмель,
В одной руке его стакан, в другой свирель!
Он учит петь меня; и я в тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

ЖАЛОБЫ ТУРКА

(Письмо К другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
И где являются порой
Умы и хладные и твердые как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

*

P. S. Ах! если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? — Все мы человеки!..

К N. N.***

Не играй моей тоской,
И холодной, и немой.
Для меня бывает время:
Как о прошлом вспомню я,
Сердце (бог тому судья)
Жмет неведомое бремя! . .

*

Я хладею и горю,
Сам с собою говорю;
Внемлю смертному напеву;
Я гляжу на бег реки,
На удар моей руки,
На поверженную деву!

*

Я ищу в ее глазах,
В изменившихся чертах
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно! злобный рок
Начертать сего не мог,
Чтоб мое спокоить мщенье! . .

ЧЕРКЕШЕНКА

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, —
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальных скал...

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид;
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

ОТВЕТ

Кто муки знал когда-нибудь
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Он любит мрак уединенья,
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лесной,
Постигнут молньей, догорает,
Погас — и скрылся жизни сок,
Он мертвых ветвей не питает, —
На нем печать оставил рок.

ДВА СОКОЛА

Степь синея расстилалась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов.
И, тряхнувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».
— Ах! я свет возненавидел
И безжалостных людей.
«Что ж ты видел там худого?»
— Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска милóго,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся, как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!
«Свет и я возненавидел

И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена;
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрасной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!..»

ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился;
Ах! ею старый армянин
Гордился!..

Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
У старика?
Его рука
Ласкает деву всякий день:
И что же?
Скрываются красы как тень.
О боже!..

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но всё любовь
Презрела. Вновь

Румянец на щеках живой
Явился.
И перл между ресниц порой
Не бился...

Но армянин открыл коварность.
Измену и неблагодарность
Как перенесть!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал! —
И труп преступницы волнам
Он предал.

МОЙ ДЕМОН

Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших,
Стоит его недвижный трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

ЖЕНА СЕВЕРА

Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны,
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И Финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов;
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;
И пробужден немым виденьем
Был строен их невнятный глас!..

К ДРУГУ

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой,
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна.
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.
Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою;
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшия дубравы
Не кается еще в своих грехах;
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей
К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому, в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...

ЭЛЕГИЯ

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я верно не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живят хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..

Забывши волнения жизни мятежной,
Один жил в пустыне рыбак молодой.
Однажды на скале прибрежной,
Над тихой прозрачной рекой,
Он с удой беспечно
Сидел
И думой сердечной
К протекшему счастью летел.

К ***

Глядися чаще в зеркала,
Любуйся милыми очами,
И света шумная хвала
С моими скромными стихами
Тебе покажутся ясней...
Когда же вздох самодовольный
Из груди вырвется невольно,
Когда в младой душе своей
Самолюбивые волненья
Не будешь в силах утаить,
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ N. N.

Чего тебе, мой милый, пожелать?
Учись быть счастливым на разные манеры
И продолжай беспечно пировать
Под сенью Марса и Венеры...

К ***

Мы снова встретились с тобой...
Но как мы оба изменились!..
Года унылой чередой
От нас невидимо сокрылись.
Ищу в глазах твоих огня,
Ищу в душе своей волненья.
Ах! как тебя, так и меня
Убило жизни тяготенье!..

МОНОЛОГ

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем
свете.
К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное теченье...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжко, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

ВСТРЕЧА

(Из Шиллера)

1

Она одна меж дев своих стояла,
Еще я зрю ее перед собой;
Как солнце вешнее, она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрел на милый рой;
Но вдруг, как бы летучие перуны,
Мои персты ударились о струны.

2

Что я почувствовал в сей миг чудесный,
И что я пел, напрасно вновь пою.
Я звук нашел, дотоле не известный,
Я мыслей чистую излил струю.
Душе от чувств высоких стало тесно,
И вмиг она расторгла цепь свою,
В ней вспыхнули забытые виденья
И страсти юные и вдохновенья.

БАЛЛАДА

Над морем красавица-дева сидит;
И, к другу ласкаяся, так говорит:

«Достань ожерелье, спустися на дно;
Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.

О счастье! он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен как был.

Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно. —

Возьми!» — и печальный он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.

Ответ был: «О милый, о юноша мой!
Достань, если любишь, коралл дорогой».

С душой безнадежной младой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл, иль конец.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.

ПЕРЧАТКА

(Из Шиллера)

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
  Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают,
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обозрев,
Ложится лев.

И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком

Взлетел опасный
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
    Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
  Он рядом с ним.

Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.

И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

*

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад.

Отвсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
Недальнего счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылая в огне,
  Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!»
  И гордую тотчас покинул.

ДИТЯ В ЛЮЛЬКЕ

(Из Шиллера)

Счастлив ребенок! и в люльке просторно ему:
но дай время
Сделаться мужем, и тесен покажется мир.

К *

(Из Шиллера)

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне чёрт душа твоя!..

МОЛИТВА

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя,
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.

1830

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, воспомня тот взор:
Люблю я Кавказ! . .

К ***

Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен.
К нему лишь с чувством я глубоким
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых
Безумцем порицаем он;
Внимая шум воды прибрежной,
В изгнанье дальном он погас —
И что ж? — Конец его мятежный
Не отуманил наших глаз!..

ОПАСЕНИЕ

Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.

Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... летун седой
Укажет вечную разлуку...

И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...

Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

СТАНСЫ

Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя:
Так перед вихрем и грозою
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит:
Звук тихий арфы златострунной
Так с хладным ветром говорит.

Но слаще встретить средь моленья
Ее слезу очам моим:
Так, зря спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.

Н. Ф. И...ВОЙ

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;

Счастливцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный,
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели.

* *
*

Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались позднею порою?
Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали,
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.

Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем, как чередой
Глушит волнами их седыми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними...

ВЕСНА

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля,
И мгла ложится облаками
На полуюные поля,
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей.
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.

НОЧЬ. I

Я зрел во сне, что будто умер я;
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б яснее
Весь мир — но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее; я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо
(И мнилося, не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство)
Виднелось; и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не могло,
Которые по нем мелькали;
И два противных диких звуков,
Два отголоска целыя природы,
Боролися — и ни один из них
Не мог назваться побежденным. Страх
Припомнить жизни гнусные деянья,
Иль о добре свершенном возгордиться
Мешал мне мыслить; и летел, летел я
Далеко без желания и цели —
И встретился мне светозарный ангел;
И так, сверкнувши взором, мне сказал:
«Сын праха, ты грешил — и наказанье

Должно тебя постигнуть, как других;
Спустись на землю — где твой труп
Зарыт; ступай и там живи, и жди,
Пока придет спаситель — и молись...
Молись — страдай... и выстрадай прощенье...»
И снова я увидел край земной;
Досадой вид его меня наполнил,
И боль душевных ран, на краткий миг
Лишь заглушенная боязнью, с новой силой
Огнем отчаянья возобновилась;
И (странно мне), когда увидел ту,
Которую любил так сильно прежде,
Я чувствовал один холодный трепет
Досады горькой — и толпа друзей
Ликующих меня не удержала,
С презрением на кубки я взглянул,
Где грех с вином кипел — воспоминанье
В меня впилось когтями, — я вздохнул,
Так глубоко, как только может мертвый —
И полетел к своей могиле. Ах!
Как беден тот, кто видит наконец
Свое ничтожество, и в чьих глазах
Всё, для чего трудился долго он,
На воздух разлетелось...
И я сошел в темницу, узкий гроб,
Где гнил мой труп — и там остался я;
Здесь кость была уже видна — здесь мясо
Кусками синее висело — жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью...
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу;
Червяк то выползал из впадин глаз,

То вновь скрывался в безобразный череп,
И каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее земные муки —
И я помочь ему желал — но тщетно —
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем — и черви умножались;
Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли,
Остались кости — и они исчезли;
В гробу был прах... и больше ничего...
Одною полон мрачною заботой,
Я припадал на бренные останки,
Стараясь их дыханием согреть...
О сколько б я тогда отдал земных
Блаженств, чтоб хоть одну — одну минуту
Почувствовать в них теплоту. — Напрасно,
Они остались хладны — хладны, как презренье!
Тогда я бросил дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей, —
И мне блеснула мысль (творенье ада):
Что если время совершит свой круг
И погрузится в вечность невозвратно,
И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить меня?..
— И я хотел изречь хулы на небо —
Хотел сказать:...
Но голос замер мой — и я проснулся.

РАЗЛУКА

Я виноват перед тобою,
Цены услуг твоих не знал.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощенье умолял,
Готов был, ставши на колени,
Проступком называть мечты:
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.
Зачем так рано, так ужасно
Я должен был узнать людей,
И счастьем жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?..
Свершилось! вечную разлуку
Трепеща вижу пред собой...
Ледяную встречаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людях, в чужой стране,
Не принесло тебе страданье
При сожаленье обо мне...

НОЧЬ. II

Погаснул день! — и тьма ночная своды
Небесные, как саваном, покрыла.
Кой-где во тьме вертелись и мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась наша;
На ней, спокойствием объятой тихим,
Уснуло всё — и я один лишь не спал.
Один я не спал... страшным полусветом,
Меж радостью и горестью срединой,
Мое теснилось сердце — и желал я
Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..

Вот с запада *Скелет* неизмеримый
По мрачным водам начал подниматься
И звезды заслонил собою...
И целые миры пред ним уничтожались,
И всё трещало под его шагами, —
Ничтожество за ними оставалось!
И вот приблизился к земному шару
Гигант всесильный — всё на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило — единый,

Единый смертный видел, что́ не дай бог
Созданию живому видеть...

И вот *он* поднял костяные руки —
И в каждой *он* держал по человеку,
Дрожащему — и мне они знакомы были —
И кинул взор на них я — и заплакал!..
И странный голос вдруг раздался: «Малодушный!
Сын праха и забвения, не ты ли,
Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне взывал — я здесь: я смерть!..
Мое владычество безбрежно!..
Вот двое. — Ты их знаешь — ты любил их...
Один из них погибнет. — Позволяю
Определить неизбежимый жребий...
И ты умрешь, и в вечности погибнешь —
И их нигде, нигде вторично не увидишь —
Знай, как исчезнет время, так и люди,
Его рожденье — только бог лишь вечен...
— Решись, несчастный!..»

Тут невольный трепет
По мне мгновенно начал разливаться,
И зубы, крепко застучав, мешали
Словам жестоким вырваться из груди;
И наконец, преодолев свой ужас,
К скелету я воскликнул: «Оба! оба!..
Я верю: нет свиданья — нет разлуки!..
Они довольно жили, чтобы вечно
Продлилося их наказанье.
Ах! — и меня возьми, земного червя —
И землю раздроби, гнездо разврата,
Безумства и печали!..

Всё, всё берет она у нас обманом
И не дарит нам ничего — кроме рожденья!..
Проклятье этому подарку!..
Мы без него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бедной жизни,
Где нет надежд — и всюду опасенья.
Да гибнут же друзья мои, да гибнут!..
Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети!..»

И видел я, как руки костяные
Моих друзей сдавили — их не стало —
Не стало даже призраков и теней...
Туманом облачился образ смерти,
И — так пошел на север. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на творца роптал, страшась молиться!..

В старинны годы жили-были
Два рыцаря, друзья;
Не раз они в Сион ходили,
Желанием горя,
С огромной ратью, с королями
Его освободить
И крест священный знаменами
Своими осенить...

HAD WE NEVER LOVED SO KINDLY[1]

Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданьем бы не знались.

[1] Если бы мы не любили так нежно (*Англ.*). — Ред

НЕЗАБУДКА

(Сказка)

В старинны годы люди были
Совсем не то, что в наши дни;
(Коль в мире есть любовь) любили
Чистосердечнее они.
О древней верности, конечно,
Слыхали как-нибудь и вы,
Но как сказания молвы
Всё дело перепортят вечно,
То я вам точный образец
Хочу представить наконец.
У влаги ручейка холодной,
Под тенью липовых ветвей,
Не опасаясь злых очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидел с любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою
Беседа мирная текла.

«Друг, не клянися мне напрасно, —
Сказала дева: верю я,

Ясна, чиста любовь твоя,
Как эта звонкая струя,
Как этот свод над нами ясный;
Но как она в тебе сильна,
Еще не знаю. — Посмотри-ка,
Там рдеет пышная гвоздика,
Но нет: гвоздика не нужна;
Подалее, как ты унылый,
Чуть виден голубой цветок...
Сорви же мне его, мой милый:
Он для любви не так далек!»

Вскочил мой рыцарь, восхищенный
Ее душевной простотой;
Через ручей прыгнув, стрелой
Летит он цветик драгоценный
Сорвать поспешною рукой...
Уж близко цель его стремленья,
Как вдруг под ним (ужасный вид)
Земля неверная дрожит,
Он вязнет, нет ему спасенья!..
Взор кинув полный весь огня
Своей красавице безгласной,
«Прости, не позабудь меня!»
Воскликнул юноша несчастный;
И мигом пагубный цветок
Схватил рукою безнадежной;
И сердца пылкого в залог
Его он кинул деве нежной.

Цветок печальный с этих пор
Любови дорог; сердце бьется,
Когда его приметит взор.
Он незабудкою зовется;

В местах сырых, вблизи болот,
Как бы страшась прикосновенья,
Он ищет там уединенья;
И цветом *неба* он цветет,
Где смерти нет и нет забвенья...

Вот повести конец моей;
Судите: быль иль небылица.
А виновата ли девица —
Сказала, верно, совесть ей!

СОВЕТ

Если, друг, тебе сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Всё с годами пронесется —
Улыбнись и разгрустись.
Дев измены молодые
И неверный путь честей,
И мгновенья скуки злые
Стоят ли тоски твоей?

Не ищи страстей тяжелых;
И покуда бог дает,
Нектар пей часов веселых;
А печаль сама придет.
И, людей не презирая,
Не берись учить других;
Лучшим быть не воображая,
Скоро ты полюбишь их.

Сердце глупое творенье,
Но и с сердцем можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...
Беден! кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытав,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв.

ОДИНОЧЕСТВО

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье все готовы —
Никто не хочет грусть делить.
Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;
И вновь приходят с позлащенной,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлить над землей?
Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

В АЛЬБОМ

1

Нет! — я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных лет
От жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался след.

2

Быть может, некогда случится,
Что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится,
И вы промолвите: он прав;
Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
Как близ дороги столбовой
Пришельца — памятник могилы!..

ГРОЗА

Ревет гроза, дымятся тучи
Над темной бездною морской,
И хлещут пеною кипучей,
Толпяся, волны меж собой.
Вкруг скал огнистой лентой вьется
Печальной молнии змея,
Стихий тревожный рой мятется —
И здесь стою недвижим я.

Стою — ужель тому ужасно
Стремленье всех надземных сил,
Кто в жизни чувствовал напрасно
И жизнию обманут был?
Вокруг кого, сей яд сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Как вкруг скалы остроконечной,
Губитель-пламень, вьешься ты?

О нет! — летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над главой;
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет не знаком со мной.

* *
*

Гроза шумит в морях с конца в конец.
Корабль летит по воле бурных вод,
Один на нем спокоен лишь пловец,
Чело печать глубоких дум несет,
Угасший взор на тучи устремлен —
Не ведают, ни кто, ни что здесь он!..

Конечно, он живал между людей
И знает жизнь от сердца своего;
Крик ужаса, моленья, скрып снастей
Не трогают молчания его.

ЗВЕЗДА

Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда;
Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несет мечты душе моей больной;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко...

Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но, как к тебе, к нему еще лечу;
И хоть нельзя, — смотреть его хочу...

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Я видал иногда, как ночная звезда
  В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях, и серебряный прах
  От нее рассыпаясь бежит.

Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
  Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней,
  Отойди ж — и заблещет она.

Светлой радости так беспокойный призрак
  Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить — он шутя убежит от тебя!
  Ты обманут — он вновь пред тобой.

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прощальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе, как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав...
Один меж них приметил я цветок,
Как будто перл, покинувший восток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных очей,
Но помнит всё о красоте своей.

НАПОЛЕОН

(Дума)

В неверный час, меж днем и темнотой,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей образ там,
На берегу, склонивши взор к волнам,
Стоит вблизи нагбенного креста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышенным челом
И две руки, сложенные крестом.

*

Пред ним лепечут волны и бегут,
И вновь приходят, и о скалы бьют;
Как легкие ветрилы, облака
Над морем носятся издалека.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брезжит день;
Там Франция! — там край ее родной
И славы след, быть может скрытый мглой;
Там, средь войны, ее неслися дни...
О! для чего так кончились они!..

*

Прости, о слава! обманувший друг.
Опасный ты, но чудный, мощный звук;
И скиптр... о вас забыл Наполеон;
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный в морях,
Где сгнил его и червем съеден прах,
Где он страдал, покинут от друзей,
Презрев судьбу с гордыней прежних дней,
Где стаивал он на брегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав крестом.

*

О! как в лице его еще видны
Следы забот и внутренней войны,
И быстрый взор, дивящий слабый ум,
Хоть чужд страстей, всё полон прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце проникал,
И тайные желанья узнавал,
Он тот же всё; и той же шляпой он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но — посмотри — уж день блеснул
в струях...
Призрака нет, всё пусто на скалах.

*

Нередко внемлет житель сих брегов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гремит,
Мгновенный луч нередко озарял

Печальну тень, стоящую меж скал.
Один пловец, как не был страх велик,
Мог различить недвижный смуглый лик,
Под шляпою, с нахмуренным челом,
И две руки, сложенные крестом.

ЭПИТАФИЯ НАПОЛЕОНА

Да тень твою никто не порицает,
Муж рока! ты с людьми, что над тобою рок;
Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть мог:
Великое ж ничто не изменяет.

К ГЛУПОЙ КРАСАВИЦЕ

Тобой пленяться издали
Мое всё зрение готово,
Но слышать, боже сохрани,
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех, иль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье...

Так смерть красна издалека;
Пускай она летит стрелою.
За ней я следую пока;
Лишь только б не она за мною...
За ней я всюду полечу
И наслажуся в созерцанье.
Но сам привлечь ее вниманье
Ни за полмира не хочу.

ОЧИ. N. N.

Нет смерти здесь; и сердце вгорит нет;
Для смерти слишком весел этот свет.
И не твоим глазам творец судил
Гореть, играть для тленья и могил...
Хоть всё возьмет могильная доска,
Их пожалеет смерти злой рука;
Их луч с небес, и, как в родных краях,
Они блеснут звездами в небесах!

КАВКАЗУ

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое·
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

УТРО НА КАВКАЗЕ

Светает — вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит одна.
Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск и светит там и там:
Так девушки, купаяся в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют взор:
Но как бежать, коль близок милый вор! . .

* *
*

Прости, мой друг! .. как призрак, я лечу
В далекий край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не пред тобой.
Ты можешь жить, не слыша голос мой;
Из всех блаженств, отнятых у меня,
Осталось мне одно: видать тебя,
Тот взор, что небо жалостью зажгло.
Всё кончено! — ни бледное чело,
Ни пасмурный и недовольный взгляд
Ничем, ничем его не омрачат! ..
Меня забыть прекрасной нет труда, —
И я тебя забуду навсегда;
Я мучусь, если мысль ко мне придет,
Что и тебя несчастие убьет,
Что некогда с ланит и с уст мечта
Как дым слетит, завянет красота,
Забьется сердце медленней, свинец
Тоски на нем — и что всему конец! ..
Однако ж я желал бы увидать
Твой хладный труп, чтобы себе сказать:
«Чего еще! желанья отняты,
Бедняк — теперь совсем, совсем оставлен ты!»

ЧЕЛНОК

Воет ветр и свистит пред недальной грозой;
  По морю, на темный восток,
Озаряемый молньей, кидаем волной,
  Несется неверный челнок.
Два гребца в нем сидят с беспокойным челом
И что-то у ног их под белым холстом.

*

И вихорь сильней по волнам пробежал,
  И сорван летучий покров.
Под ним человек неподвижно лежал
  И бледный, как жертва гробов;
Взор мрачен и дик, как сражения дым,
Как тучи на небе иль волны под ним.

*

В чалме он богатой, с обритой главой,
  И цепь на руках и ногах,
И рана близ сердца, и ток кровяной
  Не держит опасности страх;
Он смерть равнодушнее спутников ждет,
Хотя его прежде она уведет.

*

Так с смертию вечно: чем ближе она,
  Тем менее жалко нам свет;
Две могилы не так нам страшны, как одна,
  Потому что надежды здесь нет.
И если б не ждал я счастливого дня,
Давно не дышала бы грудь у меня!..

ОТРЫВОК

На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?

*

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.

*

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви и славы путь,

Всё, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть;
Беднейший средь существ земных,
Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

*

Две жизни в нас до гроба есть,
Есть грозный дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть:
Всё, всё подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

*

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;
Он точит жизнь, как скорпион.
Ему поверил я — и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный цвет;
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

*

И скоро старость приведет
Меня к могиле — я взгляну
На жизнь, на весь ничтожный плод —

И о прошедшем вспомяну:
Придет сей верный друг могил,
С своей холодной красотой:
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

*

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?
Как знать: тогда, быть может, смех
Полмертвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поныне в словаре моем:
И я об юности златой
Не погорюю пред концом.

*

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгибнем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон;
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам.
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.

*

Не будут проклинать они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;

Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..

*

К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. — А мы
Увидим этот рай земли
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целию одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.

1

Оставленная пу́стынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощне в сей мирный час!
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни — и кругом
Высокая полынь, — всё, всё без слов
Нам говорит о таинствах гробов.
. . . . . .
Таков старик, под грузом тяжких лет
Еще хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нем печать могил
Тех юношей, которых пережил.

2

Пред мной готическое зданье
Стоит, как тень былых годов;
При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,

Что выше теплого участья,
Святей любви, спокойней счастья.

Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,

Где образ божеской могилы
Между златых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.

И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни клобук
Не облегчают наших мук.

Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы
За речи истинны почтет,
Не мысля, что в сем месте сгнили
Сердца, которые любили!..

К ...

«Простите мне, что я решился к вам
Писать. Перо в руке, могила —
Передо мной. — Но что ж? всё пусто там.
Всё прах, что некогда она манила
К себе. — Вокруг меня толпа родных,
Слезами жалости покрыты лица.
И я пишу — пишу — но не для них.
Любви моей не холодит гробница.
Любви — но вы не знали мук моих.
Я чувствую, что это труд ничтожный:
Не усладит последних он минут.
Но так и быть — пишу — пока возможно —
Сей труд души моей любимый труд!
Прими письмо мое. — Твой взор увидит,
Что я не мог стеснить души своей
К молчанью — так ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидит...
Я в жизни — много — много испытал,
Ошибся в дружбе — о! храни моих мучений
Слова — прости — и больше нет волнений,
Прости, мой друг» — и подписал:
«Евгений».

НОЧЬ III

Темно. Всё спит. Лишь только жук ночной
Жужжа в долине пролетит порой;
Из-под травы блистает червячок,
От наших дум, от наших бурь далек.
Высоких лип стал пасмурней навес,
Когда луна взошла среди небес. . .
Нет, в первый раз прелестна так она!
Он здесь. Стоит. Как мрамор, у окна.
Тень от него чернеет по стене.
Недвижный взор поднят, но не к луне;
Он полон всем, чем только яд страстей
Ужасен был и мил сердцам людей.
Свеча горит, забыта на столе,
И блеск ее с лучом луны в стекле
Мешается, играет, как любви
Огонь живой с презрением в крови!
Кто ж *он*? кто ж он, сей нарушитель сна?
Чем эта грудь мятежная полна?
О если б вы умели угадать
В его очах, что хочет он скрывать!
О если б мог единый бедный друг
Хотя смягчить души его недуг!

FAREWELL[1]

(Из Байрона)

Прости! коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там,
И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать?
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..

Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд, —
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь, —
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь, —
Лишь чувствую — прости! — прости!

---

[1] Прощай (*Англ.*). — *Ред.*

ЭЛЕГИЯ

Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай брега в туманной мгле.
Я здесь, стою близ моря на скале;
Стою, задумчивость питая.
Один; покинув свет и чуждый для людей
И никому тоски поверить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Меж них блестит огонь гостеприимный;
Семья беспечная сидит вкруг огонька;
И, внемля повесть старика,
Себе готовит ужин дымный!
Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой столицы,
Веселий пагубных невозвратимый рой.
И что ж? — слеза бежит с ресницы,
И сожаление мою тревожит грудь,
Года погибшие являются всечасно;
И этот взор, задумчивый и ясный —
Твержу, твержу душе: забудь.
Он всё передо мной: я всё твержу напрасно! . .
О если б я в сем месте был рожден,
Где не живет среди людей коварность:
Как много бы я был судьбою одолжен —

Теперь у ней нет прав на благодарность!
Как жалок тот, чья младость принесла
Морщину лишнюю для старого чела
Й, отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовал, как я, — чтоб чувствовать страданья,
Кто рано свет узнал — и с страшной пустотой,
Как я, оставил брег земли своей родной
Для добровольного изгнанья!

ЭПИТАФИЯ

Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.

Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.

И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

SENTENZ[1]

Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь с надеждами, мечтами —
Не что иное как тетрадь
С давно известными стихами.

[1] Сентенция. (*Нем.*) — *Ред.*

ГРОБ ОССИАНА

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

ПОСВЯЩЕНИЕ

Прими, прими мой грустный труд
И, если можешь, плачь над ним;
Я много плакал — не придут
Вновь эти слезы — вечно им
Не освежать моих очей.
Когда катилися они,
Я думал, думал всё об ней.
Жалел и ждал другие дни!
Уж нет ее, и слез уж нет —
И нет надежд — передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!
Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал;
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.
Одним высоким увлечен
Он только жертвует любви:
Принесть тебе лишь может он
Любимые труды свои.

КЛАДБИЩЕ

Вчера до самой ночи просидел
Я на кладбище, всё смотрел, смотрел
Вокруг себя; — полстертые слова
Я разбирал. Невольно голова
Наполнилась мечтами; — вновь очей
Я не был в силах оторвать с камней.
Один ушел уж в землю, и на нем
Всё стерлося; там крест к кресту челом
Нагнулся, будто любит, будто сон
Земных страстей узнал в сем месте он...
Вкруг тихо, сладко всё, как мысль о *ней*;
Краснеючи волнуется пырей
На солнце вечера. Над головой
Жужжа со днем прощаются игрой
Толпящиеся мошки, как народ
Существ с душой, уставших от работ!..
Стократ велик, кто создал мир! велик!..
Сих мелких тварей надмогильный крик
Творца не больше ль славит иногда,
Чем в пепел обращенные стада?
Чем человек, сей царь над общим злом,
С коварным сердцем, с ложным языком?..

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе я некогда вверял
Души взволнованной мечты;
Я беден был — ты это знал —
И бедняка не кинул ты.

Ты примирил меня с судьбой,
С мятежной властию страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я стал, чем был с давнишних дней.

И муза по моей мольбе
Сошла опять с святой горы. —
Но верь, принадлежат тебе
Ее венок, ее дары! . .

МОЯ МОЛЬБА

Да охранюся я от мушек,
От дев, не знающих любви,
От дружбы слишком нежной и —
От романтических старушек.

К СУ‹ШКОВОЙ›

Вблизи тебя до этих пор
Я не слыхал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор —
Не билось сердце у меня.

И что ж? — разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю — зачем скрывать!

Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

ГОСТЬ

Как прошлец иноплеменный,
В облаках луна скользит.
Колокольчик отдаленный
То замолкнет, то звенит.
«Что за гость в ночи морозной?»
Мужу говорит жена,
Сидя рядом, в вечер поздный
Возле тусклого окна...

Вот кибитка подъезжает...
На высокое крыльцо
Из кибитки вылезает
Незнакомое лицо.
И слуга вошел с свечою,
Бедный вслед за ним монах:
Ныне позднею порою
Заплутался он в лесах.

И ему ночлег дается —
Что ж стоишь, отшельник, ты?
Свечки луч печально льется
На печальные черты.
Чудным взор огнем светился,

Он хозяйку вдруг узнал,
Он дрожит — и вот забылся
И к ногам ее упал.

Муж ушел тогда. О! прежде
Жил чернец лишь для нее,
Обманулся он в надежде,
Погубил он с нею всё.
Но промчалось исступленье;
Путник в комнате своей,
Чтоб рыданья и мученье
Схоронить от глаз людей.

Но рыдания звучали
Вплоть до белыя зари,
Наконец и замолчали.
Поутру к нему вошли:
На полу он посинелый
Как замученный лежал;
И бесчувственное тело
Плащ печальный покрывал!..

1830. МАЙЯ. 16 ЧИСЛО

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет;
Хочу — и снова затрудненье!
Зачем? что пользы будет мне?
Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж *вами*
По разрушении! — Творец,
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти —
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет —
И там, и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!..

К ***

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны; — нет;
Нет! все мои жестокие мученья —
Одно предчувствие гораздо больших бед.

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки;
О если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды,
И бурь земных и бурь небесных вой.

Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад — прошедшее ужасно;
Гляжу вперед — там нет души родной!

ЭПИТАФИЯ

(Утонувшему игроку)

Кто яму для других копать трудился,
Тот сам в нее упал — гласит писанье так.
Ты это оправдал, бостонный мой чудак,
Топил людей — и утопился.

ДЕРЕВУ

Давно ли с зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад два талисмана
Светилися в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей!..

Детей! — о! да, я был ребенок! —
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флёр был слишком тонок —
В единый миг прорвался он.
И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвесть;
Я жизнь его купил бы кровью, —
Но как переменить, что *есть?*

Ужели также вдохновенье
Умрет невозвратимо с ним?
Иль шуму светского волненья
Бороться с сердцем молодым?

Нет, нет, — мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит;
И эти ветви над могилой
Певца-страдальца освятит.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

Всё тихо — полная луна
Блестит меж ветел над прудом,
И возле берега волна
С холодным резвится лучом.

Никто, никто, никто не усладил
В изгнанье сем тоски мятежной!
Любить? — три раза я любил,
Любил три раза безнадежно.

1830 ГОД. ИЮЛЯ 15-ГО

(Москва)

Зачем семьи родной безвестный круг
Я покидал? Всё сердце грело там,
Всё было мне наставник или друг,
Всё верило младенческим мечтам.
Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю к облакам!
Готов лобзать уста друзей был я,
Не посмотрев, не скрыта ль в них змея.

Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевный талисман.
Чтобы никто теперь не говорил:
Он будет друг мне! — боль старинных ран
Из груди извлечет не речь, но стон;
И не привет, упрек услышит он.

Ах! я любил, когда я был счастлив,
Когда лишь от любви мог слезы лить.
Но эту грудь, страданьем напоив,

Скажите мне, возможно ли любить?
Страшусь, в объятья деву заключив,
Живую душу ядом отравить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенник, сгоревший от огня.

Но лучше я, чем для людей кажусь,
Они в лице не могут чувств прочесть;
И что молва кричит о мне... боюсь! —
Когда б я знал, не мог бы перенесть.
Противу них во мне горит, клянусь,
Не злоба, не презрение, не месть.
Но... для чего старалися они
Так отравить ребяческие дни?..

Согбенный лук, порвавши тетиву,
Гремит — но вновь не будет прям, как был.
Чтоб цепь их сбросить, я, подняв главу,
Последнее усилие свершил;
Что ж. — Ныне жалкий, грустный я живу
Без дружбы, без надежд, без дум, без сил,
Бледней, чем луч бесчувственной луны,
Когда в окно скользит он вдоль стены.

БУЛЕВАР

С минуту лишь с бульвара прибежав,
Я взял перо — и право очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав
Узнает вновь бульварный маскерад;
Сатиров я для помощи призвав —
Подговорю, — и всё пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то — . . . ко всем чертям твое перо! . .

Приди же из подземного огня,
Чертенок мой, взъерошенный остряк,
И попугаем сядь вблизи меня.
«Дурак» скажу — и ты кричи «дурак».
Не устоит бульварная семья —
Хоть морщи лоб, хотя сожми кулак,
Невинная красотка в 40 лет —
Пятнадцати тебе всё нет как нет!

И ты, мой старец с рыжим париком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жеребцом,
Как кровь ему из всех пускают жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сентябрем,

Хоть там княжна лепечет: как он мил!
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в Ч**** извинить!..

Подалее на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли;
Он как знаток глядит в лорнет двойной;
Власы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти могли.
Но я клянусь (пусть кончив — буду прах),
Она тонка, когда в его ногах.

И что ж? — он прав, он прав, друзья мои.
Глупец, кто жил, чтоб на диэте быть;
Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил: чтобы любить.
Замен души он находил в крови.
Но тот блажен, кто может говорить,
Что он вкушал до капли мед земной,
Что он любил и телом и душой!..

И я любил! — опять к своим страстям!
Брось, брось свои безумные мечты!
Пора склонить внимание на дам,
На этих кандидатов красоты,
На их наряд — как описать всё вам?
В наряде их нет милой простоты,
Всё так высоко, так взгромождено,
Как бурею на них нанесено.

Приметна спесь в их пошлой болтовне,
Уста всегда сказать готовы: *нет*.

И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки портрет;
Когда гляжу, то, право, жалко мне,
Что вкус такой имеет модный свет.
Ведь думают тенетом лент, кисей,
Как зайчиков, поймать моих друзей.

Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита, и в чепчике простом —
Но как божественна была она.
Уста и взор — стыжусь! в уме моем
Головка та ничем не изгнана;
Как некий сон младенческих ночей
Или как песня матери моей.

И сколько лет уже прошло с тех пор! . .
О верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательный ваш головной убор
Вскружить не в силах нашей головы.
Все платья, шляпы, букли ваши вздор.
Такой же вздор, какой твердите вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.

Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то поймет,
И сам Башуцкий объяснит тотчас.
Комета за собою хвост влечет;
И это всеми признано у нас,
Хотя — что́ в нем, никто не разберет:
За вами ж хвост оставленных мужьев,
Вздыхателей и бедных женихов!

О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чаду;
Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше всё не думав говорить,
Чем глупо думать и глупей судить.

Он чванится, что точно русский он;
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.
И то сказать, чудесный патриот;
Лишь своему языку обучен,
Он этим край родной не выдает:
А то б узнали всей земли концы,
Что есть у нас подобные глупцы.

ПЕСНЬ БАРДА

I

Я долго был в чужой стране,
  Дружин Днепра седой певец,
И вдруг пришло на мысли мне
  К ним возвратиться наконец.
Пришел — с гуслями за спиной —
  Былую песню заиграл...
Напрасно! — князь земли родной
  Приказу ханскому внимал...

II

В пустыни, где являлся враг,
  Понес я старую главу,
И попирал мой каждый шаг
  Окровавленную траву.
Сходились к брошенным костям
  Толпы зверей и птиц лесных,
Затем что больше было там
  Число убитых, чем живых.

III

Кто мог бы песню спеть одну?
  Отчаянным движеньем рук

Задев дрожащую струну,
  Случалось, исторгал я звук;
Но умирал так скоро он!
  И если б слышал сын цепей,
То гибнущей свободы стон
  Не тронул бы его ушей.

IV

Вдруг кто-то у меня спросил:
  Зачем я часто слезы лью,
Где человек так вольно жил?
  О ком бренчу, о ком пою?
Пронзила эта речь меня —
  Надежд пропал последний рой;
На землю гусли бросил я
  И молча раздавил ногой.

10 ИЮЛЯ. (1830)

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося, победы мрачный знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворов был его сильнейший враг.

БЛАГОДАРЮ!

Благодарю!.. вчера мое признанье
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твое притворное вниманье

Благодарю!

*

В другом краю ты некогда пленяла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказала:

Благодарю!

*

Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо слов
Язвительной, жестокой укоризны:

Благодарю!

*

О, пусть холодность мне твой взор укажет,
Пусть он убьет надежды и мечты
И всё, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь скажет:

Благодарю!

НИЩИЙ

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

К ...

Не говори: я трус, глупец! ..
О! если так меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же должен быть конец? ..

ЧУМА В САРАТОВЕ

I

Чума явилась в наш предел;
Хоть страхом сердце стеснено,
Из миллиона мертвых тел
Мне будет дорого одно.
Его земле не отдадут,
И крест его не осенит;
И пламень, где его сожгут,
Навек мне сердце охладит.

II

Никто не прикоснется к ней,
Чтоб облегчить последний миг;
Уста волшебницы очей
Не приманят к себе других;
Лобзая их, я б был счастлив,
Когда б в себя яд смерти впил,
Затем что, сластость их испив...
Я деву некогда забыл.

* *
*

Плачь! плачь! Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет —
И будет мрак в земном краю;
По крайней мере есть *один*,
Который всё с ней потерял;
Без дум, без чувств среди долин
Он тень следов ее искал!..

30 ИЮЛЯ. — (ПАРИЖ). 1830 ГОДА

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. — Ты полагал
Народ унизить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.

И загорелся страшный бой,
И знамя вольности как дух
Идет пред гордою толпой.
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь.
О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан.

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба,
И прах свой прежний вид возьмет;
Когда появятся весы,

И их подымет судия...
Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?..

Глупец! что будешь ты в тот день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,
Призрак, обманутый судьбой!
Бессмертной раною убит,
Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
Он виноват! он виноват!

СТАНСЫ

I

Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с нею думы светлых дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот час,
На смех подосланный судьбой.

II

Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал —
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой. . .
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой

III

Я жертвовал другим страстям,
Но если первые мечты

Служить не могут снова нам, —
То чем же их заменишь ты? . .
Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть и в небесах? . .

ЧУМА

(Отрывок)

79

Два человека в этот страшный год,
Когда всех занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь их, род
Незнания хранила тишина.
Толпами гиб отчаянный народ,
Вкруг них валялись трупы — и страна
Веселья — стала гроб — и в эти дни
Без страха обнимались они! . .

80

Один был юн годами и душой,
Имел блистающий и быстрый взор,
Играла кровь в щеках его порой,
В движениях и в мыслях он был скор,
И мужествен с лица. Но он с тоской
И ужасом глядел на гладный мор,
Молился, плакал он, и день и ночь
Отталкивал и сон и пищу прочь!

81

Другой узнал, казалось, жизни зло;
И разорвал свои надежды сам.
Высокое и бледное чело
Являло наблюдательным очам,
Что сердце много мук перенесло
И было прежде отдано страстям.
Но, несмотря на мрачный сей удел,
И он как бы невольно жить хотел.

82

Безмолвствуя, на друга он взирал,
И в жилах останавливалась кровь;
Он вздрагивал, садился. Он вставал,
Ходил, бледнел и вдруг садился вновь,
Ломал в безумье руки — но молчал.
Он подавлял в груди своей любовь
И сердца беспокойный вещий глас,
Что скоро бьет неизбежимый час!

83

И час пробил! его нежнейший друг
Стал медленно слабеть. Хоть говорить
Не мог уж юноша, его недуг
Не отнимал еще надежду жить;
Казалось, судрожным движеньем рук
Старался он кончину удалить.
Но вот утих... взор ясный поднял он,
Закрыл — хотя б один последний стон!

Как сумасшедший, руки сжав крестом,
Стоял его товарищ. Он хотел
Смеяться... и с открытым ртом
Остался — взгляд его оцепенел.
Пришли к ним люди: зацепив крючком
Холодный труп, к высокой груде тел
Они без сожаленья повлекли,
И подложили бревен, и зажгли...

Нередко люди и бранили,
И мучили меня за то,
Что часто им прощал я то,
Чего б они мне не простили.

И начал рок меня томить.
Карал безвинно и за дело —
От сердца чувство отлетело:
И я не мог ему простить.

Я снова меж людей явился
С холодным, сумрачным челом;
Но взгляд, куда б ни обратился,
Встречался с радостным лицом!

РОМАНС

В те дни, когда уж нет надежд,
А есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо наших вежд,
И легче на груди страданье.

ОТРЫВОК

Приметив юной девы грудь,
Судьбой случайной, как-нибудь,
Иль взор, исполненный огнем,
Недвижно сердце было в нем,
Как сокол, на скале морской
Сидящий позднею порой,
Хоть недалеко и блестят
(Седой пустыни вод наряд)
Ветрила бедных челноков,
Движенье дальних облаков
Следит его прилежный глаз.
И так проходит скучный час!
Он знает: эти челноки,
Что гонят мимо ветерки,
Не для него сюда плывут,
Они блеснут, они пройдут!..

БАЛЛАДА

(Из Байрона)

Берегись! берегись! над бургосским путем
  Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке ночном,
  Панихиду о прошлых годах.
Когда *Мавр* пришел в наш родимый дол,
  Оскверняючи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех чернецов;
  Одного только выгнать не мог.

Для добра или зла (я слыхал не один,
  И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест господин,
  Он никак не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по замку блуждал
  Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный рассказ,
  Который страшусь повторять.

Рождался ли сын, он рыдал в тишине,
  Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной луне
  Бродил и взад и вперед.

НОЧЬ

Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит;
Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.

Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.

Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... но нет — с тех пор
Я всё любил — я всё страдал.
Сей взор невыносимый, он

Бежит за мною, как призрак;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.

О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне, как свинец:
Он плод сердечной пустоты.
О боже! вот что наконец,
Я вижу, мне готовил ты.

Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет!
Кто устоит противу них?

К ***

Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищей будет кровь,
И стану жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей;

Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при разлуке я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если, если наконец
Моя лишь грудь поражена,
То верно прежде знал творец,
Что ты терпеть не рождена!

* *
*

Передо мной лежит листок
Совсем ничтожный для других,
Но в нем сковал случайно рок
Толпу надежд и дум моих.
Исписан он твоей рукой,
И я вчера его украл,
И для добычи дорогой
Готов страдать — как уж страдал!

Свершилось! полно ожидать
Последней встречи и прощанья!
Разлуки час и час страданья
Придут — зачем их отклонять!
Ах, я не знал, когда глядел
На чудные глаза прекрасной,
Что час прощанья, час ужасный,
Ко мне внезапно подлетел.
Свершилось! голосом бесценным
Мне больше сердца не питать,
Запрусь в углу уединенном
И буду плакать... вспоминать!

* *
*

Итак, прощай! впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь мою.
Прощай! — шесть букв приносят столько мук!
Уносят всё, что я теперь люблю!
Я встречу взор ее прекрасных глаз,
И, может быть, как знать... в последний раз!

НОВГОРОД

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем? . . Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали! . .
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит! . .
Есть бедный град, там видели народы
Всё то, к чему теперь ваш дух летит.

ГЛУПОЙ КРАСАВИЦЕ

1

Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испить его вина —
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.

2

Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страстной,
Как голова твоя, — пуста.

МОГИЛА БОЙЦА

(Дума)

I

Он спит последним сном давно,
  Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,
  Зеленый дерн кругом.

II

Седые кудри старика
  Смешалися с землей;
Они взвевались по плечам,
  За чашей пировой,

III

Они белы, как пена волн,
  Бьющихся у скал;
Уста, любимицы бесед,
  Впервые хлад сковал.

IV

И бледны щеки мертвеца,
Как лик его врагов
Бледнел, когда являлся он
Один средь их рядов.

V

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
Ползет через чело.

VI

На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?

VII

Хотя певец земли родной
Не раз уж пел об нем,
Но песнь — всё песнь; а жизнь — всё жизнь!
Он спит последним сном.

СМЕРТЬ

Закат горит огнистой полосою,
Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может, завтра он заблещет надо мною,
Безжизненным, холодным мертвецом;
Одна лишь дума в сердце опустелом,
То мысль об *ней*. — О, далеко она;
И над моим недвижным, бледным телом
Не упадет слеза ее одна.
Ни друг, ни брат прощальными устами
Не поцелуют здесь моих ланит;
И сожаленью чуждыми руками
В сырую землю буду я зарыт.
Мой дух утонет в бездне бесконечной! . .
Но ты! — О, пожалей о мне, краса моя!
Никто не мог тебя любить, как я,
Так пламенно и так чистосердечно.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

1

Клоками белый снег валится,
Что ж дева красная боится
С крыльца сойти
Воды снести?
Как поп, когда он гроб несет,
Так песнь метелица поет,
Играет,
И у тесовых у ворот
Дворовый пес всё цепь грызет
И лает...

2

Но не собаки лай печальный,
Не вой метели погребальный
Рождают страх
В ее глазах:
Недавно милый схоронен,
Бледней снегов предстанет он
И скажет:
«Ты изменила» — ей в лицо,
И ей заветное кольцо
Покажет!..

1831

1831-го ЯНВАРЯ

Редеют бледные туманы
Над бездной смерти роковой,
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.
Они зовут, они манят,
Поют — и я пою за ними,
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад, —

Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки;
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит всё печать проклятья.
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.

* *
*

Послушай! вспомни обо мне,
Когда, законом осужденный,
В чужой я буду стороне —
Изгнанник мрачный и презренный.

И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,
Сидеть с свечой... и тайно грудь
Вздохнет — и вдруг заплачут очи;

И молвишь ты: когда-то он,
Здесь, в это самое мгновенье,
Сидел тоскою удручен
И ждал судьбы своей решенье!

1831-го ИЮНЯ 11 ДНЯ

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен.

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнию иной,
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! всё было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу, и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.

4

Известность, слава, что они? — а есть
У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву всё принесть,
И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;
Но верю им! — неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и живой
Я смерти отдал всё, что дар земной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?

6

К погибшим люди справедливы; сын
Боготворит, что проклинал отец.
Чтоб в этом убедиться, до седин
Дожить не нужно. Есть всему конец;
Не много долголетней человек
Цветка; в сравненье с вечностью их век
Равно ничтожен. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна.

7

Так и ее созданья. Иногда,
На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода
Синея гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой;
И я глядел, и мыслию иной
Я не был занят, и пустынный шум
Рассеивал толпу глубоких дум.

8

Тут был я счастлив... О, когда б я мог
Забыть, что незабвенно! женский взор!
Причину стольких слез, безумств, тревог!
Другой владеет ею с давных пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить, — и небеса молю
О новых муках: но в груди моей
Всё жив печальный призрак прежних дней.

9

Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость, как другим;

Тоска блуждает на моем челе,
Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь иль сумрак там — ей всё равно.

10

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он вырываясь обращает в прах
Всё, что ни встретит. С дивной быстротой
Блеснет и снова в облаке укрыт;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? они исчезнут без следов.

11

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос мой
Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я, порок,
И вижу, я слабей любить не мог.

12

Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,

Расстройство мозга иль виденье сна.
Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

13

И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.

14

И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Так лишь в разбитом сердце может страсть
Иметь неограниченную власть.

15

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением дыша

Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей...

16

Как нравились всегда пустыни мне.
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь табун,
И кровожадный тешится летун
Под синевой, и облако степей
Свободней как-то мчится и светлей.

17

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.

18

Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,

Кругом всё горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят
И странные верхи в лучах горят.

19

И сердце полно, полно прежних лет,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нем почти всё та же красота.
Так любим мы глядеть на свой портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей.

20

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.

21

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит пыль;
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречает взгляд березы две иль три,

Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

22

Так жизнь скучна, когда боренья нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цвете лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

23

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! — жажда бытия
Во мне сильней страданий роковых,
Хотя я презираю жизнь других.

24

Есть время — леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпленье дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна.
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом всё зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

26

Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко брегу возвратиться не сильна.

27

Когда, гонима бурей роковой,
Шипит и мчится с пеною своей,
Она всё помнит тот залив родной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять придет
В другой залив, но там уж не найдет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибрежных скал.

28

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все: созданье есть одно,
Способное любить, — хоть не меня;
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мненьем, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем и молвой
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда.

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн.

32

И мой курган! — любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость есть
Во всем, что не сбылось, — есть красоты
В таких картинах; только перенесть
Их на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей!

РОМАНС К И...

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокую кручину,
Мои обманчивые сны,
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой,
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

*

О, будь! .. о, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! чтоб вовсе радость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнанья:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страданья,
Где мир их очернить не мог.

ЗАВЕЩАНИЕ

1

Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребренные луной...
Мой друг! ты знаешь ту поляну;
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!

2

Могиле той не откажи
Ни в чем, последуя закону;
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи;
Когда гроза тот лес встревожит,
Мой крест пришельца привлечет;
И добрый человек, быть может,
На диком камне отдохнет.

Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим.
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как легкий дым,
Туман окрестность одевает,
И хладный ветер по листам
Высоких лип перебегает.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. — А как узнать? быть может,
Приход нежданный нас встревожит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю... чу! — шорох,
В развалинах... и крик! — но нет!
То мышь летучая промчалась!
То птица ночи испугалась!
На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет.
Спокоен я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает.
Ничто... волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою;
Хоть не твоей любовью дан,
Он освящен *твоей* рукою!

К ***

Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно всё оценит.
Он знает, и ему лишь можно знать,
Как нежно, пламенно любил я,
Как безответно всё, что мог отдать,
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И мне, польстив любовию сперва,
Ты изменила — бог с тобою!
О нет! я б не решился проклянуть!
Всё для меня в тебе святое:
Волшебные глаза и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.
Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья, —
С невинных уст твоих в прощальный час
Непринужденное лобзанье;
Я знал: то не любовь — и перенес;
Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд и мук и слез

Веселый миг тебе дороже!
Будь счастлива несчастием моим
И, услыхав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пустым.
Прости! — вот всё, что я желаю...
Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:
Ведь жизнь смеется же над нами!

ЖЕЛАНИЕ

Зачем я не птица, не ворон степной,
  Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
  И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
  Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
  Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
  И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
  И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
  И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
  Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
  Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
  Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
  Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
  О! зачем я не ворон степной?..

К ДЕВЕ НЕБЕСНОЙ

Когда бы встретил я в раю
  На третьем небе образ твой,
Он душу бы пленил мою
  Своей небесной красотой;
И я б в тот миг (не утаю)
  Забыл о радости земной.

Спокоен твой лазурный взор,
  Как вспоминание об нем;
Как дальный отзыв дальных гор,
  Твой голос нравится во всем;
И твой привет, и твой укор,
Всё полно, дышит божеством.

Не для земли ты создана,
  И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
  Надежды юноши манить;
Ты превосходней, чем она,
  Но так мила не можешь быть!

СВ. ЕЛЕНА

Почтим приветом остров одинокой,
  Где часто, в думу погружен,
На берегу о Франции далекой
  Воспоминал Наполеон!
Сын моря, средь морей твоя могила!
Вот мщение за муки стольких дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великий жизнь окончил в ней.

*

Изгнанник мрачный, жертва вероломства
  И рока прихоти слепой,
Погиб как жил — без предков
                и потомства —
  Хоть побежденный, но герой!
Родился он игрой судьбы случайной,
И пролетел, как буря, мимо нас;
Он миру чужд был. Всё в нем было тайной,
День возвышенья — и паденья час!

К ДРУГУ В. Ш.

«До лучших дней!» перед прощаньем,
Пожав мне руку, ты сказал;
И долго эти дни я ждал,
Но был обманут ожиданьем!..

Мой милый! не придут они,
В грядущем счастия так мало!..
Я помню радостные дни,
Но всё, что помню, то пропало.

Былое бесполезно нам.
Таков маяк, порой ночною
Над бурной бездною морскою
Манящий к верным берегам,

Когда на лодке, одинокий,
Несется трепетный пловец
И видит — берег недалекий
И ближе видит свой конец.

Нет! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено;
Едва нисходит сон прекрасный,
Уж просыпается оно!

Блистая пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен. Река
Бежит внизу по камням с быстротой.
И на холме пришелец молодой,
Завернут в плащ, недвижимо сидит
Под старою березой. Он молчит,
Но грудь его подъемлется порой;
Но бледный лик меняет часто цвет;
Чего он ищет здесь? — спокойствия? —
о нет!
Он смотрит вдаль: тут лес пестреет, там
Поля и степи, там встречает взгляд
Опять дубраву или по кустам
Рассеянные сосны. Мир, как сад,
Цветет, надев могильный свой наряд:
Поблекнувшие листья; жалок мир!
В нем каждый средь толпы забыт и сир;
И люди все к ничтожеству спешат, —
Но, хоть природа презирает их,
Любимцы есть у ней, как у царей других.

И тот, на ком лежит ее печать,
Пускай не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел сказать,
Что у груди своей она змею

Согрела. — «О! когда б одно люблю
Из уст прекрасной мог подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Всё б в новый блеск оделось!» — так мечтал
Беспечный... но просить он неба не желал!

АТАМАН

1

Горе тебе, город Казань,
Едет толпа удальцов
Сбирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов.
Вдоль по Волге широкой
На лодке плывут;
И веслами дружными плещут,
И песни поют.

2

Горе тебе, русская земля,
Атаман между ними сидит;
Хоть его лихая семья,
Как волны, шумна, — он молчит;
И краса молодая,
Как саван, бледна
Перед ним стоит на коленах.
И молвит она:

3

«Горе мне, бедной девице!
Чем виновна я пред тобой?
Ты поверил злой клеветнице;
Любим мною не был другой.
Мне жребий неволи
Судьбинушкой дан;
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаман».

4

— Горе девице лукавой, —
Атаман ей нахмурясь в ответ;
— У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нет;
От глаз моих трудно
Проступок укрыть,
Всё знаю!.. и вновь не могу я,
Девица, любить!..

5

Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечных ран...
Прости же! — лекарство то: месть!
На что же я здесь атаман?
И заплачу ль, как плачет
Любовник другой?..
И смягчишь ли меня ты, девица,
Своею слезой?

6

Горе тебе, гроза-атаман,
Ты свой произнес приговор.

Средь пожаров ограбленных стран
Ты забудешь ли пламенный взор!..
Остался ль ты хладен
И тверд, как в бою,
Когда бросили в пенные волны
Красотку твою?

7

Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?
Отныне он чистой водой
Боится руки умыть.
Умывать он их любит
С дружиной своей
Слезами вдовиц беззащитных
И кровью детей!

ИСПОВЕДЬ

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее, чем сон!..

Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших, но святых видений —
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живит, его питает
Огнем язвительным своим.

НАДЕЖДА

Есть птичка рая у меня,
На кипарисе молодом
Она сидит во время дня,
Но петь никак не станет днем;
Лазурь небес — ее спина,
Головка — пурпур, на крылах
Пыль золотистая видна,
Как отблеск утра в облаках.
И только что земля уснет,
Одета мглой в ночной тиши,
Она на ветке уж поет
Так сладко, сладко для души,
Что поневоле тягость мук
Забудешь, внемля песни той,
И сердцу каждый тихий звук
Как гость приятен дорогой;
И часто в бурю я слыхал
Тот звук, который так люблю;
И я всегда надеждой звал
Певицу мирную мою!

ВИДЕНИЕ

Я видел юношу: он был верхом
На серой, борзой лошади — и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц в облаках блистал и в волнах;
Но юный всадник не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной; жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то всё
В туманном отдаленье — темно, смутно
Являлося минувшее ему —
Призрак остерегающий, который
Пугает сердце страшным предсказаньем.
Но верил он — одной своей любви.
Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер; вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И скрылся, удаляяся в дубраве.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу противном,
И различил окно и дом, но мост
Изломан... и несется быстро Клязьма.

Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слыхав
Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? о! нет! —
Он вздрогнул, натянул бразды, толкнул
Коня — и шумные плеснули воды
И с пеною раздвинулись они;
Плывет могучий конь — и ближе — ближе...
И вот уж он на берегу другом
И на гору летит. — И на крыльцо
Соскакивает юноша — и входит
В старинные покои... нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... ее сестра
Идет к нему навстречу. — О! когда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безгласный, он
Стоял... Века ужасных мук равны
Такой минуте. — Долго он стоял,
Вдруг стон тяжелый вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Он вышел мрачно, твердо,
Прыгнул в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гналося вслед за ним
Раскаянье... И долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений — наконец
Он был терпеть не в силах... и заплакал:
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна, — так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться, — но очей не освежит!
К чему мне приписать виденье это?

Ужели сон так близок может быть
К существенности хладной? нет!
Не может сон оставить след в душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что имеет
Влияние на сердце и судьбу.

*

Мой сон переменился невзначай:
Я видел комнату; в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С очами полными душой и жизнью;
И рядом с ней сидел в молчанье мне
Знакомый юноша; и оба, оба
Старалися довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала;
И юноша спокойней, мнилось, был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,
Но буквы все сливалися под ними...
И сердце сильно билось — без причины, —
И юноша смотрел не на нее,
Хотя об ней лишь мыслил он в разлуке,
Хотя лишь ею дорожил он больше
Своей непобедимой гордой чести;
На голубое небо он смотрел,
Следил сребристых облаков отрывки
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы этим

Не прекратить молчанья; так боялся
Он услыхать ответ холодный или
Не получить ответа на моленья.
Безумный! ты не знал, что был любим,
И ты о том проведал лишь тогда,
Как потерял ее любовь навеки;
И удалось привлечь другому лестью
Все, все желанья девы легковерной!

ЧАША ЖИЗНИ

1

Мы пьем из чаши бытия
  С закрытыми очами,
Златые омочив края
  Своими же слезами;

2

Когда же перед смертью с глаз
  Завязка упадает,
И всё, что обольщало нас,
  С завязкой исчезает;

3

Тогда мы видим, что пуста
  Была златая чаша,
Что в ней напиток был — мечта,
  И что она — не наша!

К Л.—

(Подражание Байрону)

1

У ног других не забывал
  Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
  Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
  Всё будит старину,
И я твержу один, один:
  Люблю, люблю одну!

2

Принадлежишь другому ты,
  Забыт певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
  Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
  В безвестную страну,
И повторит волна морей:
  Люблю, люблю одну!

3

И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет.
Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Всё сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!

К Н. И.....

Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто; но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;

И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!

А. Д. З.....

О ты, которого клеврет твой верный Павел
В искусстве ёрников в младенчестве
наставил;
О ты, к которому день всякий Валерьян
На ваньке приезжал ярыгой, глуп и пьян;
Которому служил лакеем из лакеев
Шут, алырь, женолаз, великий Теличеев,
Приветствую тебя и твой триумвират:
И кто сказать бы смел, что чёрт тебе
не брат?

ВОЛЯ

Моя мать — злая кручина,
Отцом же была мне — судьбина,
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться;
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться.

Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отец — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах —
Березы да сосны.

Несусь ли я на коне, —
Степь отвечает мне;
Брожу ли поздней порой, —
Небо светит мне луной;
Мои братья в летний день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо свила,
Как мир — необъятное!

СЕНТЯБРЯ 28

Опять, опять я видел взор твой милый,
  Я говорил с тобой,
И мне былое, взятое могилой,
  Напомнил голос твой;
К чему? — другой лобзает эти очи
  И руку жмет твою;
Другому голос твой во мраке ночи
  Твердит: люблю! люблю!

Откройся мне: ужели непритворны
  Лобзания твои?
Они правам супружества покорны,
  Но не правам любви;
Он для тебя не создан; ты родилась
  Для пламенных страстей.
Отдав ему себя, ты не спросилась
  У совести своей.

Он чувствовал ли трепет потаенный
  В присутствии твоем;
Умел ли презирать он мир презренный,
  Чтоб мыслить об одном;
Встречал ли он с молчаньем и слезами

Привет холодный твой,
И лучшими ль он жертвовал годами
Мгновениям с тобой?

Нет! я уверен, твоего блаженства
Не может сделать тот,
Кто красоты наружной совершенства
Одни в тебе найдет.
Так! ты его не любишь... тайной властью
Прикована ты вновь
К душе печальной, незнакомой счастью,
Но нежной, как любовь.

Зови надежду — сновиденьем,
Неправду — истиной зови,
Не верь хвалам и увереньям,
Но верь, о, верь моей любви!

Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего;
С тобою грех мне лицемерить,
Ты слишком ангел для того.

Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы...

Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег летучий, серебристый
И для страны порочной — слишком чистый
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
И позабытый прах, но мне, но мне бесценный.

Метель шумит и снег валит,
Но сквозь шум ветра дальний звон
Порой прорвавшися гудит;
То отголосок похорон.

То звук могилы над землей,
Умершим весть, живым укор,
Цветок поблекший гробовой,
Который не пленяет взор.

Пугает сердце этот звук
И возвещает он для нас
Конец земных недолгих мук,
Но чаще новых первый час...

ПЕСНЯ

Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном,
Пейте!
На пиру этой жизни, как здесь на моем,
Не робейте.
Как чаши, не бойтесь всё ставить вверх дном.
Что стоит уж вверх дном, то не может мешать
Плутам!
Я советую детям своим повторять
(Даже с прутом):
Что стоит уж вверх дном, то не может мешать.
Я люблю очень дно доставать на пирах
В чаше!
И даже в других, больше нежных местах
У Параши!
На дне лишь есть жемчуг в морских глубинах!

НЕБО И ЗВЕЗДЫ

Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!

Чем ты несчастлив? —
Скажут мне люди.
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! — а я человек! . .

Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы хотел.

СЧАСТЛИВЫЙ МИГ

Не робей, краса младая,
Хоть со мной наедине;
Стыд ненужный отгоняя,
Подойди — дай руку мне.
Не тепла твоя светлица,
Не мягка постель твоя,
Но к устам твоим, девица,
Я прильну — согреюсь я.

От нескромного невежды
Занавесь окно платком;
Ну, — скидай свои одежды,
Не упрямься, мы вдвоем;
На пирах за полной чашей,
Я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей;
Так скорее ж... я дрожу.

О! как полны, как прекрасны,
Груди жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,

Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман;

Перед тем чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что, мнится,
Я, любя тебя, — злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.

Полон сладким ожиданьем
Я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой;
И тогда душа забудет
Всё, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.

1

Когда б в покорности незнанья
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

2

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, —
Она в душе, где всё земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.

К КН Л. Г—ОЙ

Когда ты холодно внимаешь
Рассказам горести чужой
И недоверчиво качаешь
Своей головкой молодой,
Когда блестящие наряды
Безумно радуют тебя
Иль от ребяческой досады
Душа волнуется твоя,
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя в семнадцать лет
Всё привлекательно, прекрасно,
Всё — даже люди, жизнь и свет,
Тогда измучен вспоминаньем
Я говорю душе своей:
Счастлив, кто мог земным желаньям
Отдать себя во цвете дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этим, как она;
Своих надежд ты не забудешь,
Но для других не рождена;
Так! мысль великая хранилась
В тебе доныне, как зерно;
С тобою в мир она родилась:
Погибнуть ей не суждено!

Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня-великан?

Я видел тень блаженства; но вполне,
Свободно от людей и от земли,
Не суждено им насладиться мне.
Быть может, манит только издали
Оно надежду; получив, — как знать? —
Быть может, я б его стал презирать;
И увидал бы, что ни слез, ни мук
Не стоит счастье, ложное, как звук.

Кто скажет мне, что звук ее речей
Не отголосок рая? что душа
Не смотрит из живых очей,
Когда на них смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Как ангел казни, богом создана?
Нет! чистый ангел не виновен в том,
Что есть пятно тоски в уме моем;

И с каждым годом шире то пятно;
И скоро всё поглотит, и тогда
Узнаю я спокойствие, оно,
Наверно, много причинит вреда
Моим мечтам и пламень чувств убьет,
Зато без бурь напрасных приведет
К уничтоженью; — но до этих дней
Я волен — даже — если раб страстей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной — и всё, что чуждо ей,
То чуждо мне; я родину люблю
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал знать;
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшися с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.

О мой отец! где ты? где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах;
В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайный страх.
Есть рай небесный! звезды говорят;
Но где же? вот вопрос — и в нем-то яд;
Он сделал то, что в женском сердце я
Хотел сыскать отраду бытия.

К ***

О, не скрывай! ты плакала об нем —
И я его люблю; он заслужил
Твою слезу, и если б был врагом
Моим, то я б с тех пор его любил.

И я бы мог быть счастлив; но зачем
Искать условий счастия в былом!
Нет! я доволен должен быть и тем,
Что зрел, как ты жалела о другом!

К ***

Ты слишком для невинности мила,
И слишком ты любезна, чтоб любить!
Полмиру дать ты счастие б могла,
Но счастливой самой тебе не быть;
Блаженство нам не посылает рок
Вдвойне. — Видала ль быстрый ты поток?
Брега его цветут, тогда как дно
Всегда глубоко, хладно, и темно!

Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистый снег и красная заря
На степь седую с трепетом глядит,
Внимал колоколам монастыря?
В борьбе с порывным ветром этот звон
Далеко им по небу унесен, —
И путникам он нравился не раз,
Как весть кончины иль бессмертья глас.

И этот звон люблю я! — он цветок
Могильного кургана, мавзолей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастия людей
Его не заглушат; всегда один,
Высокой башни мрачный властелин,
Он возвещает миру всё, но сам —
Сам чужд всему, земле и небесам.

АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел
  И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
  Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
  Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
  Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
  Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
  Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
  Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
  Ей скучные песни земли.

СТАНСЫ. К Д***

1

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
В его знакомых звуках есть;
Суди ж, как тяжко это слово
Мне услыхать в устах другого.

2

Какое право им дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смею,
Ужели им позволено?
Как я, ужель они искали
Свой рай в тебе одной? — едва ли!

3

Ни перед кем я не склонял
Еще послушного колена;
То гордости была б измена:

А ей лишь робкий изменял:
И не поникну я главою,
Хотя б то было пред судьбою!

4

Но если ты перед людьми
Прикажешь мне унизить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Все клятвы, кроме клятв любви;
Пускай им скажут, дорогая,
Что это сделал для тебя я!

5

Улыбку я твою видал,
Она мне сердце восхищала,
И ей, так думал я сначала,
Подобной нет — но я не знал,
Что очи, полные слезами,
Равны красою с небесами.

6

Я видел их! и был вполне
Счастлив — пока слеза катилась;
В ней искра божества хранилась,
Она принадлежала мне;
Так! всё прекрасное, святое,
В тебе — мне больше чем родное.

7

Когда б миры у наших ног
Благословляли нашу волю,

Я эту царственную долю
Назвать бы счастием не мог,
Ему страшны молвы сужденья,
Оно цветок уединенья.

8

Ты помнишь вечер и луну,
Когда в беседке одинокой
Сидел я с думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Как мне мила тех дней беспечность!
За вечер тот я б не взял вечность.

9

Так за ничтожный талисман,
От гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчуг, злато
И все богатства чуждых стран —
Закону строгому послушный,
Он их отвергнет равнодушно!

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет —
Ты светом осужден. Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых клевет.
Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей;
Ты счастливей меня; перед тобой
Как море жизни — вечность роковая
Неизмеримою открылась глубиной

Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне
О днях, потерянных в тревоге и слезах?
О сумрачных, но вместе милых днях,
Когда в душе искал ты, как в пустыне,
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?
О если так, то небо не сравняю
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере я люблю!

Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.
Она, как чумное пятно
На сердце, жжет, хотя темно;
Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:
Живу — как неба властелин —
В прекрасном мире — но один.

К ДРУГУ

Забудь опять
Свои надежды;
Об них вздыхать —
Судьба невежды;
Она дитя:
Не верь на слово;
Она шутя
Полюбит снова;
Всё, что блестит,
Ее пленяет;
Всё, что грустит,
Ее пугает;
Так облачко
По небу мчится
Светло, легко;
Оно глядится
В волнах морских
Поочередно;
Но чужд для них
Прошлец свободный;
Он образ свой
Во всех встречает,
Хоть их порой
Не замечает.

Пора уснуть последним сном,
Довольно в мире пожил я;
Обманут жизнью был во всем,
И ненавидя и любя.

ИЗ ПАТКУЛЯ

Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья людей;
Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.
Пускай я погибну... близ сумрака гроба
Не ведая страха, не зная цепей.
Мой дух возлетает всё выше и выше
И вьется, как дым над железною крышей!

Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен;
Но для чего живу страдая,
Про это больше знает он.

Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой;

Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни,
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.

ПОРТРЕТ

Взгляни на этот лик; искусством он
Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсем живой;
Холодный взор не видит, но глядит
И всякого, не нравясь, удивит;
В устах нет слов, но быть они должны:
Для слов уста такие рождены;
Смотри: лицо как будто отошло
От полотна, — и бледное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что нам известно: не гроза страстей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца нет.
О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных — пред картиною моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.

Настанет день — и миром осужденный,
  Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный —
  Я кончу жизнь мою;
Виновный пред людьми, не пред тобою,
  Я твердо жду тот час;
Что смерть? — лишь ты не изменись душою —
  Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассудки
  Любви не охладят,
Где не отнимет счастия из шутки,
  Как здесь, у брата брат.
Когда же весть кровавая примчится
  О гибели моей,
И как победе станут веселиться
  Толпы других людей;
Тогда... молю! — единою слезою
  Почти холодный прах
Того, кто часто с скрытною тоскою
  Искал в твоих очах
Блаженства юных лет и сожаленья;
  Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
  Которых жертвой был.
Но если, если над моим позором
  Смеяться станешь ты

И возмутишь неправедным укором
  И речью клеветы
Обиженную тень, — не жди пощады;
  Как червь, к душе твоей
Я прилеплюсь, и каждый миг отрады
  Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю беспечность,
  Не зная воскресить,
И будет жизнь тебе долга, как вечность,
  А всё не будешь жить.

К Д.

Будь со мною, как прежде бывала;
  О, скажи мне хоть слово одно,
Чтоб душа в этом слове сыскала,
  Что хотелось ей слышать давно;

Если искра надежды хранится
  В моем сердце — она оживет;
Если может слеза появиться
  В очах — то она упадет.

Есть слова — объяснить не могу я,
  Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
  Но от них не воскреснет другой;

О, поверь мне, холодное слово
  Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
  Ядовитое жало змеи!

ПЕСНЯ

Желтый лист о стебель бьется
Перед бурей;
Сердце бедное трепещет
Пред несчастьем.

Что за важность, если ветер
Мой листок одинокой
Унесет далеко, далеко;
Пожалеет ли об нем
Ветка сирая;

Зачем грустить мо́лодцу,
Если рок судил ему
Угаснуть в краю чужом?
Пожалеет ли об нем
Красна девица?

К НЭЕРЕ

Скажи, для чего перед нами
  Ты в кудри вплетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой
  Прелестной, минутной как ты?
Зачем приводить нам на память,
  Что могут ланиты твои
Увянуть; что взор твой забудет
  Восторги надежд и любви?
Дивлюсь я тебе равнодушно,
  Беспечно ты смотришь вперед;
Смеешься над временем, будто
  Нэеру оно обойдет.
Ужель ты безумным весельем
  Прогнать только хочешь порой
Грядущего тени? ужели
  Чужда ты веселью душой?
Пять лет протекут: ни лобзаньем,
  Ни сладкой улыбкою глаз
К себе на душистое ложе
  Опять не заманишь ты нас.
О, лучше умри поскорее,
  Чтоб юный красавец сказал:
«Кто был этой девы милее?
  Кто раньше ее умирал?»

ОТРЫВОК

Три ночи я провел без сна — в тоске,
В молитве, на коленах — степь и небо
Мне были храмом, алтарем курган;
И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть человеком,
То обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили б, загремев одеждой бранной!
О боже! как? — одна, одна слеза
Была плодом ужасных трех ночей?
Нет, эта адская слеза, конечно,
Последняя, не то три ночи б я
Ее не дожидался. Кровь собратий,
Кровь стариков, растоптанных детей
Отяготела на душе моей,
И приступила к сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и в мщенье обратила всё,
Что в нем похоже было на любовь;
Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик — и этого довольно;
Мой час настал — час славы, иль стыда;
Бессмертен, иль забыт я навсегда.

Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятья приняла,
В лесу холодном в грозный час метели
Я сладость пил с ее волшебных уст,
Но для моих желаний мир был пуст,
Они себе предмета в нем не зрели;
На звезды устремлял я часто взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них родился;
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца;
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу;
И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть напрасной
И бесполезной для страны родной,
Но, как надежда, чистой и прекрасной,
Как вольность, сильной и святой.

БАЛЛАДА

В избушке позднею порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосою
На небе зарево горит...
И люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...

«Не плачь, не плачь! иль сердцем чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!

«Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.

«Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,

Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин. . .»
Вдруг шум, — и в двери входит воин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! — восклицает он, —
Свершилось! торжествуй, проклятый! . .
Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал — и умирает
Кровавой смертию бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди! . .»

СИЛУЭТ

Есть у меня твой силуэт,
Мне мил его печальный цвет;
Висит он на груди моей
И мрачен он, как сердце в ней.

В глазах нет жизни и огня,
Зато он вечно близ меня;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.

СТАНСЫ

Мгновенно пробежав умом
Всю цепь того, что прежде было, —
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило.

Как настоящее, оно
Страстями бурными облито,
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый.

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

Как метеор в вечерней мгле,
Она очам моим блеснула,
И бывши всё мне на земле,
Как всё земное, обманула.

Как дух отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла;
О! для чего тебе нельзя
Ее совсем взять у меня?

Моя душа твой вечный храм;
Как божество, твой образ там;
Не от небес, лишь от него
Я жду спасенья своего.

Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилен он;
Другим предавшися мечтам,
Я всё забыть его не мог;
Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

‹НОВОГОДНИЕ МАДРИГАЛЫ И ЭПИГРАММЫ›

Н. Ф. И.

Дай бог, чтоб вечно вы не знали,
Что значат толки дураков,
И чтоб вам не было печали
От шпор, мундира и усов;
Дай бог, чтоб вас не огорчали
Соперниц ложные красы,
Чтобы у ног вы увидали
Мундир, и шпоры, и усы!

Бухариной

Не чудно ль, что зовут вас Вера?
Ужели можно верить вам?
Нет, я не дам своим друзьям
Такого страшного примера!..

Поверить стоит раз... но что ж?
Ведь сам раскаиваться будешь,
Закона веры не забудешь —
И старовером прослывешь!

Трубецкому

Нет! мир совсем пошел не так;
Обиняков не понимают;
Скажи не просто: ты дурак, —
За комплимент уж принимают!
Всё то, на чем ума печать,
Они привыкли ненавидеть!
Так стану ж умным называть,
Когда захочется обидеть! . .

Г‹-ну› Павлову

Как вас зовут? ужель поэтом?
Я вас прошу в последний раз,
Не называйтесь так пред светом.
Фигляром назовет он вас!

Пускай никто про вас не скажет:
Вот стихотворец, вот поэт:
Вас этот титул только свяжет,
С ним привилегий вовсе нет.

Алябьевой

Вам красота, чтобы блеснуть,
Дана;
В глазах душа, чтоб обмануть,
Видна! . .
Но звал ли вас хоть кто-нибудь:
Она?

Нарышкиной

Всем жалко вас: вы так устали!
Вы не хотели танцевать —

И целый вечер танцевали!
Как наконец не перестать? . .
Но если б все ценить умели
Ваш ум, любезность ваших слов, —
Клянусь бессмертием богов —
Тогда б мазурки опустели.

Толстой

Не даром она, не даром
С отставным гусаром.

Бартеневой

Скажи мне: где переняла
Ты обольстительные звуки
И как соединить могла
Отзывы радости и муки?

Премудрой мыслию вникал
Я в песни ада, в песни рая,
Но что ж? — нигде я не слыхал
Того, что слышал от тебя я!

Мартыновой

Когда поспорить вам придется,
Не спорьте никогда о том,
Что невозможно быть с умом
Тому, кто в этом признается;
Кто с вами раз поговорил,
Тот с вами вечно спорить будет,
Что ум ваш вечно не забудет
И что другое всё забыл!

Додо

Умеешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нежной оживить;
Умеешь ты польстить случайно
С холодной важностью лица
И умника унизить тайно,
Взяв пылко сторону глупца!
Как в *Талисмане* стих небрежный,
Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север хладный;
В наш круг ты брошена судьбой,
Как божество страны чужой,
Как в день печали миг отрадный!

Башилову

Вы старшина собранья верно,
Так я прошу вас объявить,
Могу ль я здесь нелицемерно
В глаза всем правду говорить?
Авось, авось займет нас делом
Иль хоть забавит новый год,
Когда один в собранье целом
Ему навстречу не солжет;
Итак я вас не поздравляю;
Что год сей даст вам — знает бог.
Зато минувший, уверяю,
Отмстил за вас как только мог!

Кропоткиной

Я оклеветан перед вами;
Как оправдаться я могу?
Ужели клятвами, словами?
Но как же! — я сегодня лгу!..

Щербатовой

Поверю ль я, чтоб вы хотели
Покинуть общество Москвы,
Когда от самой колыбели
Ее кумиром были вы? —
Что даст вам скучный брег Невы:
Ужель там больше веселятся,
Ужели балов больше там?
Нет! как мудрец скажу я вам:
Гораздо лучше оставаться.

Булгакову

На вздор и шалости ты хват
  И мастер на безделки
И, шутовской надев наряд,
  Ты был в своей тарелке;
За службу долгую и труд
  Авось на место класса
Тебе, мой друг, по смерть дадут
  Чин и мундир паяса.

Сабуровой

Как? вы поэта огорчили
И не наказаны потом?

Три года ровно вы шутили
Его любовью и умом?
Нет! вы не поняли поэта,
Его души печальный сон;
Вы небом созданы для света,
Но не для вас был создан он! . .

Уваровой

Вы мне однажды говорили,
Что не привыкли в свете жить:
Не спорю в этом; — но не вы ли
Себя заставили любить?
Всё, что привычкою другие
Приобретают — вы душой;
И что у них слова пустые,
То не обман у вас одной!

*

Вы не знавали князь Петра;
Танцует, пишет он порою,
От ног его и от пера
Московским дурам нет покою;
Ему устать бы уж пора,
Ногами — но не головою.

1830—1831

ЗВЕЗДА

Вверху одна
Горит звезда;
Мой взор она
Манит всегда;
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Меня зовет!
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор.
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда
Он был далек.
Усталых вежд
Я не смыкал
И без надежд
К нему взирал!

РАСКАЯНЬЕ

К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?
Она была добра к тебе,
Ты создал сам свое страданье.
Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом незараженной,
И этот клад ты потерял.

Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел всё; между людей
Стоишь, как дуб в стране пустынной,
И тихий плач любви невинной
Не мог потрясть души твоей.

Не дважды бог дает нам радость,
Взаимной страстью веселя;
Без утешения, томя,
Пройдет и жизнь твоя, как младость.
Ее лобзанье встретишь ты

В устах обманщицы прекрасной,
И будут пред тобой всечасно
Предмета первого черты.

О, вымоли ее прощенье,
Пади, пади к ее ногам,
Не то ты приготовишь сам
Свой ад, отвергнув примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежним чувствам нет возврату,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.

ВЕНЕЦИЯ

1

Поверхностью морей отражена
Богатая Венеция почила,
Сырой туман дымился, и луна
Высокие твердыни осребрила.
Чуть виден бег далекого ветрила,
Студеная вечерняя волна
Едва шумит под веслами гондолы
И повторяет звуки баркаролы.

2

Мне чудится, что это ночи стон,
Как мы, своим покоем недовольной,
Но снова песнь! и вновь гитары звон!
О бойтеся, мужья, сей песни вольной.
Советую, хотя мне это больно,
Не выпускать красавиц ваших жен;
Но если вы в сей миг неверны сами,
Тогда, друзья! да будет мир меж вами!

3

И мир с тобой, прекрасный чичизбей,
И мир с тобой, лукавая Мелина.
Неситеся по прихоти морей,
Любовь нередко бережет пучина;
Хоть и над морем царствует судьбина,
Гонитель вечный счастливых людей,
Но талисман пустынного лобзанья
Уводит сердца темные мечтанья.

4

Рука с рукой, свободу дав очам,
Сидят в ладье и шепчут меж собою;
Она вверяет месячным лучам
Младую грудь с пленительной рукою,
Укрытые досель под епанчею,
Чтоб юношу сильней прижать к устам;
Меж тем вдали то грустный, то веселый
Раздался звук обычной баркаролы:

Как в дальнем море ветерок,
Свободен вечно мой челнок;
Как речки быстрое русло,
Не устает мое весло.

Гондола по воде скользит,
А время по любви летит;
Опять сравняется вода,
Страсть не воскреснет никогда.

Я видел раз ее в веселом вихре бала;
Казалось, мне она понравиться желала;
Очей приветливость, движений быстрота,
Природный блеск ланит и груди полнота —
Всё, всё наполнило б мне ум очарованьем,
Когда б совсем иным, бессмысленным желаньем
Я не был угнетен; когда бы предо мной
Не пролетала тень с насмешкою пустой,
Когда б я только мог забыть черты другие,
Лицо бесцветное и взоры ледяные!..

ПОДРАЖАНИЕ БАЙРОНУ

Не смейся, друг, над жертвою страстей,
Венец терновый я сужден влачить;
Не быть ей вечно у груди моей,
И что ж, я не могу другой любить.
Как цепь гремит за узником, за мной
Так мысль о будущем, и нет иной.

Я вижу длинный ряд тяжелых лет,
А там людьми презренный гроб, он ждет.
И до него надежды нет, и нет
За ним того, что ожидает тот,
Кто жил одной любовью, погубил
Всё в жизни для нее, а всё любил.

И вынесть мог сей взор ледяный я
И мог тогда ей тем же отвечать.
Увижу на руках ее дитя
И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласке мать узнает вновь,
Что время не могло унесть любовь!..

К ДУРНОВУ

Довольно любил я, чтоб вечно грустить,
  Для счастья же мало любил,
Но полно, что пользы мне душу открыть,
  Зачем я не то, что я был?

В вечернее время, в час первого сна,
  Как блещет туман средь долин,
На месте, где прежде бывала она,
  Брожу беспокоен, один.

Тогда ты глаза и лицо примечай,
  Движенья спеши понимать,
И если тебе удалось... то ступай!
  Я больше не мог бы сказать.

АРФА

I

Когда зеленый дерн мой скроет прах,
Когда, простясь с недолгим бытиём,
Я буду только звук в твоих устах,
Лишь тень в воображении твоем;
Когда друзья младые на пирах
Меня не станут поминать вином,
Тогда возьми простую арфу ты,
Она была мой друг и друг мечты.

II

Повесь ее в дому против окна,
Чтоб ветер осени играл над ней,
И чтоб ему ответила она
Хоть отголоском песен прошлых дней;
Но не проснется звонкая струна
Под белоснежною рукой твоей,
Затем что тот, кто пел твою любовь,
Уж будет спать, чтоб не проснуться вновь.

На темной скале над шумящим Днепром
Растет деревцо молодое;
Деревцо мое ветер ни ночью, ни днем
Не может оставить в покое;
И, лист обрывая, ломает и гнет,
Но с берега в волны никак не сорвет.

Таков несчастливец, гонимый судьбой;
Хоть взяты желанья могилой,
Он должен влачить, одинок под луной,
Обломки сей жизни остылой;
Он должен надежды свои пережить
И с любовию в сердце бояться любить!

ПЕСНЯ

I

Не знаю, обманут ли был я,
  Осмеян тобой или нет,
Но клянуся, что сам любил я,
  И остался от этого след.
Заклинаю тебя всем небесным
  И всем, что не сбудется вновь,
И счастием мне не известным,
  О, прости мне мою любовь.

II

Ты не веришь словам без искусства,
  Но со временем эти листы
Тебе объяснят мои чувства
  И то, что отвергнула ты.
И ты вздохнешь, может статься,
  С слезою на ясных очах
О том, кто не будет нуждаться
  Ни в печали чужой, ни в слезах.

III

И мир не увидит холодный
  Ни желанье, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной,
  С тех пор как не видишь их ты.
Но если бы я возвратился
  Ко дням позабытых тревог,
Вновь так же страдать я б решился
  И любить бы иначе не мог,

ПИР АСМОДЕЯ

(Сатира)

У беса праздник. Скачет представляться
Чертей и душ усопших мелкий сброд,
Кухмейстеры за кушаньем трудятся,
Прозябнувши, придворный в зале ждет.
И вот за стол все по чинам садятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель.

По правую сидел приезжий «Павел»,
По левую начальник докторов,
Великий Фауст, муж отличных правил
(Распространять сужденья дураков
Он средство нам превечное доставил).
Сидят. Вдруг настежь дверь и звук шагов;
Три демона, войдя с большим поклоном,
Кладут свои подарки перед троном.

1-ый демон (*говорит*)

Вот сердце женщины: она искала
От неба даже скрыть свои дела

И многим это сердце обещала
И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья.

«C'est trop commun!»[1] — воскликнул бес
державный
С презрительной улыбкою своей.
«Подарок твой подарок был бы славный,
Но новизна царица наших дней;
И мало ли случалося недавно,
И как не быть приятных мне вестей;
Я думаю, слыхали даже стены
Про эти бесконечные измены».

2-ой демон

На стол твой я принес вино свободы;
Никто не мог им жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить;
Но как помочь? кто против общей моды?
И нам ли разрушенье усыпить?
Прими ж напиток сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель.

Тут все цари невольно взбеленились,
С тарелками вскочили с мест своих,
Бояся, чтобы черти не напились,
Чтоб и отсюда не прогнали их.

---

[1] Это слишком пошло! (*Франц.*). — *Ред.*

Придворные в молчании косились,
Смекнув, что лучше прочь в подобный миг;
Но главный бес с геройскою ухваткой
На землю выплеснул напиток сладкой.

3-ий демон

В Москву болезнь холеру притащили.
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, во-время вспомнил нас,
И он кого-то хлору пить заставил
И к прадедам здорового отправил.

Сказал и подает стакан фатальный
Властителю поспешною рукой.
«Так вот сосуд любезный и печальный,
Драгой залог науки докторской.
Благодарю. Хотя с полночи дальной,
Но мне милее всех подарок гвой».
Так молвил Асмодей и всё смеялся,
Покуда пир вечерний продолжался.

СОН

Я видел сон: прохладный гаснул день,
От дома длинная ложилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стеклах радужным огнем;
Всё было тихо, как луна и ночь,
И ветр не мог дремоты превозмочь.
И на большом крыльце меж двух колонн
Я видел деву; как последний сон
Души, на небо призванной, она
Сидела тут пленительна, грустна;
Хоть, может быть, притворная печаль
Блестела в этом взоре, но едва ль.
Ее рука так трепетна была,
И грудь ее младая так тепла;
У ног ее (ребенок, может быть)
Сидел... ах! рано начал он любить,
Во цвете лет, с привязчивой душой,
Зачем ты здесь, страдалец молодой?
И он сидел и с страхом руку жал,
И глаз ее движенья провожал.
И не прочел он в них судьбы завет,
Мучение, заботы многих лет,

Болезнь души, потоки горьких слез,
Всё, что оставил, всё, что перенес;
И дорожил он взглядом тех очей,
Причиною погибели своей...

НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Всё то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит;
Всё темно вкруг: тоской, сомненьем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы,
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.

К ***

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец — не твой венец.

Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду, как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

ПРОЩАНЬЕ

Прости, прости!
О сколько мук
Произвести
Сей может звук.
В далекий край
Уносишь ты
Мой ад, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
От уст моих
Так далека,
О лишь на миг,
Прошу, приди
И оживи
В моей груди
Огонь любви.
Я здесь больной,
Один, один,
С моей тоской,
Как властелин.
Разлуку я
Переживу ль,
И ждать тебя

Назад могу ль?
Пусть я прижму
Уста к тебе
И так умру
На зло судьбе.
Что за нужда?
Прощанья час
Пускай тогда
Застанет нас!

К ПРИЯТЕЛЮ

Мой друг, не плачь перед разлукой
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь,
Ты сам же после осмеешь
Тоску любови легковерной,
Которая закралась в грудь.
Что раз потеряно, то, верно,
Вернется к нам когда-нибудь.
Но невиновен рок бывает,
Что чувство в нас неглубоко,
Что наше сердце изменяет
Надеждам прежним так легко,
Что, получив опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаём мы их приметы,
Не прельщены их красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не верим слабою душой,
И даже то относим к счастью,
Что нам казалося бедой.

СМЕРТЬ

Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора домой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни страстей,
Ни горьких слез, ни славы, ни честей;
Где вспоминанье спит глубоким сном,
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его грызет.
Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удовольствий шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,
Ужели дев коварная любовь
Прельстят меня перед кончиной вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по-прежнему страдать
И столько же любить? Всесильный бог,
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых дней,
Но только дальше, дальше от людей.

ВОЛНЫ И ЛЮДИ

Волны катятся одна за другою
  С плеском и шумом глухим;
Люди проходят ничтожной толпою
  Также один за другим.
Волнам их воля и холод дороже
  Знойных полудня лучей;
Люди хотят иметь души... и что же? —
  Души в них волн холодней!

ЗВУКИ

Что за звуки! неподвижен внемлю
  Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
  Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! жадно
  Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадной
  Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
  Сны веселых лет
И в одежду жизни одевают
  Всё, чего уж нет.
Принимают образ эти звуки,
  Образ милый мне;
Мнится, слышу тихий плач разлуки,
  И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
  Ядом прежних дней,
И опять я в мыслях полагаюсь
  На слова людей.

11 ИЮЛЯ

Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепию холмов,
Краснея ярко, заходило,
И возле девы молодой,
Последним блеском озаренной,
Стоял я бледный, чуть живой,
И с головы ее бесценной
Моих очей я не сводил.
Как долго это я мгновенье
В туманной памяти хранил.
Ужель всё было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,
В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады?
Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья,
И сном никак не может быть
Всё, в чем хоть искра есть страданья!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В ребячестве моем тоску любови знойной
Уж стал я понимать душою беспокойной;
На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампады образной,
Воображением, предчувствием томимый,
Я предавал свой ум мечте непобедимой.
Я видел женский лик, он хладен был, как лед,
И очи — этот взор в груди моей живет;
Как совесть, душу он хранит от преступлений;
Он след единственный младенческих видений.
И деву чудную любил я, как любить
Не мог еще с тех пор, не стану, может быть.
Когда же улетал мой призрак драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд смущенный
На стены желтые, и мнилось, тени с них
Сходили медленно до самых ног моих.
И мрачно, как они, воспоминанье было
О том, что лишь мечта и между тем так мило.

ПОЛЕ БОРОДИНА

1

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,
  Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,
  Товарищ не слыхал.

2

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар нежданый
На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
  Умремте ж под Москвой,

Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
  Мы в бородинский бой.

3

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я вспомня леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
  Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщения тряслася,
И пуля смерти понеслася
  Из моего ружья.

4

Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,
Я спорил о могильной сени,
  В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
  Гора кровавых тел.

5

Живые с мертвыми сравнялись;
И ночь холодная пришла,
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
  Противник отступил:
Но день достался нам дороже!
В душе сказав: помилуй боже!
На труп застывший, как на ложе,
  Я голову склонил.

6

И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника, Полтавы
  Гремит *Бородино*.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
  Изгладится оно.

МОЙ ДОМ

Мой дом везде, где есть небесный свод,
  Где только слышны звуки песен,
Всё, в чем есть искра жизни, в нем живет,
  Но для поэта он не тесен.

До самых звезд он кроблей досягает,
  И от одной стены к другой
Далекий путь, который измеряет
  Жилец не взором, но душой.

Есть чувство правды в сердце человека,
  Святое вечности зерно:
Пространство без границ, теченье века
  Объемлет в краткий миг оно.

И всемогущим мой прекрасный дом
  Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем,
  И в нем лишь буду я спокоен.

СМЕРТЬ

Ласкаемый цветущими мечтами,
Я тихо спал и вдруг я пробудился,
Но пробужденье тоже было сон;
И думая, что цепь обманчивых
Видений мной разрушена, я вдвое
Обманут был воображеньем, если
Одно воображение *творит*
Тот новый мир, который заставляет
Нас презирать бесчувственную землю.
Казалось мне, что смерть дыханьем хладным
Уж начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билося, но крепко,
С болезненным каким-то содроганьем,
И тело, видя свой конец, старалось
Вновь удержать души нетерпеливой
Порывы, но товарищу былому
С досадою душа внимала, и укоры
Их расставанье сделали печальным.
Между двух жизней в страшном промежутке
Надежд и сожалений, ни об той,
Ни об другой не мыслил я, одно
Сомненье волновало грудь мою,
Последнее сомненье! я не мог

Понять, как можно чувствовать блаженство
Иль горькие страдания далеко
От той земли, где в первый раз я понял,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
Где жадно я искал самопознанья,
Где столько я любил и потерял,
Любил согласно с этим бренным телом,
Без коего любви не понимал я.
Так думал я и вдруг душой забылся,
И чрез мгновенье снова жил я,
Но не видал вокруг себя предметов
Земных и более не помнил я
Ни боли, ни тяжелых беспокойств
О будущей судьбе моей и смерти:
Всё было мне так ясно и понятно
И ни о чем себя не вопрошал я,
Как будто бы вернулся я туда,
Где долго жил, где всё известно мне,
И лишь едва чувствительная тягость
В моем полете мне напоминала
Мое земное краткое изгнанье.

Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой. И много
Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми словами:
Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю. Вдруг пред мной исчезла книга,
И опустело небо голубое;
Ни ангел, ни печальный демон ада
Не рассекал крылом полей воздушных,

Лишь тусклые планеты, пробегая,
Едва кидали искру на пути.

Я вздрогнул, прочитав свой жребий.
Как? Мне лететь опять на эту землю,
Чтоб увидать ряды тех зол, которым
Причиной были детские ошибки?
Увижу я страдания людей
И тайных мук ничтожные причины
И к счастию людей увижу средства,
И невозможно будет научить их.
Но так и быть, лечу на землю. Первый
Предмет — могила с пышным мавзолеем,
Под коим труп мой люди схоронили.
И захотелося мне в гроб проникнуть,
И я сошел в темницу, длинный гроб,
Где гнил мой труп, и там остался я.
Здесь кость была уже видна, здесь мясо
Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью.
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И жадно поедали пищу смерти.
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп.
И что же? каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно, тщетно.
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем, и черви умножались,

И спорили за пищу остальную,
И смрадную, сырую кожу грызли.
Остались кости, и они исчезли,
И прах один лежал наместо тела.

Одной исполнен мрачною надеждой,
Я припадал на бренные остатки,
Стараясь их дыханием согреть,
Иль оживить моей бессмертной жизнью;
О сколько б отдал я тогда земных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны, как презренье.
Тогда изрек я дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей.
С отчаяньем бессмертья долго, долго,
Жестокого свидетель разрушенья,
Я на творца роптал, страшась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать. . .
Но замер голос мой, и я *проснулся*.

СТАНСЫ

Мне любить до могилы творцом суждено,
  Но по воле того же творца
Всё, что любит меня, то погибнуть должно,
  Иль, как я же, страдать до конца.
Моя воля надеждам противна моим,
Я люблю и страшусь быть взаимно любим.

На пустынной скале незабудка весной
  Одна без подруг расцвела,
И ударила буря и дождь проливной,
  И как прежде недвижна скала;
Но красивый цветок уж на ней не блестит,
Он ветром надломлен и градом убит.

Так точно и я под ударом судьбы,
  Как утес, неподвижен стою,
Но не мысли никто перенесть сей борьбы,
  Если руку пожмет он мою;
Я не чувств, но поступков своих властелин,
Я несчастлив пусть буду — несчастлив один.

СОЛНЦЕ ОСЕНИ

Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробираясь,
Оно кидает бледный, мертвый луч
На дерево, колеблемое ветром,
И на сырую степь. Люблю я солнце,
Есть что-то схожее в прощальном взгляде
Великого светила с тайной грустью
Обманутой любви; не холодней
Оно само собою, но природа
И всё, что может чувствовать и видеть,
Не могут быть согреты им; так точно
И сердце: в нем всё жив огонь, но люди
Его понять однажды не умели,
И он в глазах блеснуть не должен вновь
И до ланит он вечно не коснется.
Зачем вторично сердцу подвергать
Себя насмешкам и словам сомненья?

ПОТОК

Источник страсти есть во мне
  Великий и чудесный;
Песок серебряный на дне,
  Поверхность лик небесный;
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крутит песок,
  И небо над водами
  Одето облаками.

Родится с жизнью этот ключ
  И с жизнью исчезает;
В ином он слаб, в другом могуч,
  Но всех он увлекает;
И первый счастлив, но такой
Я праздный отдал бы покой
  За несколько мгновений
  Блаженства иль мучений.

К ***

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.

Как в море широком следы челнока,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, легка,
А горе не стоит мгновенья.

Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь суждено,
Расстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь пред тобой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.

Нет, нет! милый голос и пламенный взор
Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побежит мой укор
И в душу он будет впиваться.

И мщенье, напомнив, что я перенес,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих слез
Гораздо мучительней будет.

НОЧЬ

В чугун печальный сторож бьет,
Один я внемлю. Глухо лают
Вдали собаки. Мрачен свод
Небес, и тучи пробегают
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь под ночною мглой.
Колеблет ветер влажный, душный
Верхи дерев, и с воем он
Стучит в оконницы. Мне скушно,
Мне тяжко бденье, страшен сон;
Я не хочу, чтоб сновиденье
Являло мне ее черты;
Нет, я не раб моей мечты,
Я в силах перенесть мученье
Глубоких дум, сердечных ран,
Всё, — только не ее обман
Я не скажу «прости» надежде,
Молве не верю; если прежде
Она могла меня любить,
То ей ли можно изменить?
Но отчего же? Разве нету
Примеров, первый ли урок
Во мне теперь дается свету?

Как я забыт, как одинок.
‹Шуми›, шуми же, ветер ночи,
Играй свободно в небесах
И освежи мне грудь и очи.
В груди огонь, слеза в очах,
Давно без пищи этот пламень
И слезы падают на камень.

К СЕБЕ

Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.

Мгновенное пренебреженье
Ее могущества опять
Мне доказало, что влеченье
Души нельзя нам побеждать;

Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залетный херувима
Над сонной демонов толпой.

Душа моя должна прожить в земной неволе
Не долго. Может быть, я не увижу боле
Твой взор, твой милый взор, столь нежный для
других,
Звезду приветную соперников моих;
Желаю счастья им. Тебя винить безбожно
За то, что мне нельзя всё, всё, что им возможно;
Но если ты ко мне любовь хотела скрыть,
Казаться хладною и в тишине любить,
Но если ты при мне смеялась надо мною,
Тогда как внутренно полна была тоскою,
То мрачный мой тебе пускай покажет взгляд,
Кто более страдал, кто боле виноват!

ПЕСНЯ

Колокол стонет,
Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.
    Насильно,
    Насильно
От мира в обители скрыта она,
Где жизнь без надежды и ночи без сна.

Так мое сердце
Грудь беспокоит
И бьется, бьется, бьется.
    Велела,
    Велела
Судьба мне любовь от него оторвать
И деву забыть, хоть тому не бывать.

Смерть и бессмертье,
Жизнь и погибель
И деве и сердцу ничто:
    У сердца
    И девы
Одно лишь страданье, один лишь предмет:
Ему счастья надо, ей надобен свет.

Пускай поэта обвиняет
Насмешливый, безумный свет,
Никто ему не помешает,
Он не услышит мой ответ.
Я сам собою жил доныне,
Свободно мчится песнь моя,
Как птица дикая в пустыне,
Как вдаль по озеру ладья
И что за дело мне до света,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрета
Твоей волшебною рукой;
Когда с тобой, о дева рая,
Я провожу небесный час,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глаз.

СЛАВА

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет всё душа моя
Во всем дойти до совершенства.
Пронзая будущего мрак,
Она бессильная страдает
И в настоящем всё не так,
Как бы хотелось ей, встречает.
Я не страшился бы суда,
Когда б уверен был веками,
Что вдохновенного труда
Мир не обидит клеветами;
Что станут верить и внимать
Повествованью горькой муки
И не осмелятся равнять
С земным небес живые звуки.
Но не достигну я ни в чем
Того, что так меня тревожит:
Всё кратко на шару земном,
И вечно слава жить не может.
Пускай поэта грустный прах
Хвалою освятит потомство,
Где ж слава в кратких похвалах?

Людей известно вероломство.
Другой заставит позабыть
Своею песнию высокой
Певца, который кончил жить,
Который жил так одинокой.

ВЕЧЕР

Когда садится алый день
  За синий край земли,
Когда туман встает, и тень
  Скрывает всё вдали,
Тогда я мыслю в тишине
  Про вечность и любовь,
И чей-то голос шепчет мне:
  Не будешь счастлив вновь.
И я гляжу на небеса
  С покорною душой,
Они свершали чудеса,
  Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
  Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
  Небесных всех наград.

Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно потрясает,
Обманутой душе моей напоминает
И вечность и надежду он.
И если ветер, путник одинокой,
Вдруг по траве кладбища пробежит,
Он сердца моего не холодит:
Что в нем живет, то в нем глубоко.
Я чувствую — судьба не умертвит
Во мне возросший деятельный гений;
Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных наслаждений,
От истощительных страстей,
От языка ласкателей развратных
И от желаний, непонятных
Умам посредственных людей?
Без пищи должен яркий пламень
Погаснуть на скале сырой:
Холодный слушатель есть камень,
Попробуй раз, попробуй и открой
Ему источники сердечного блаженства,
Он станет толковать, что должно ощутить;
В простом не видя совершенства,
Он не привык прекрасное ценить,

Как тот, кто в грудь втеснить желал бы всю
природу,
Кто силится купить страданием своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную свободу.

Хоть давно изменила мне радость,
  Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость,
  Светило надежды моей;
Но судьбу я и мир презираю,
  Но нельзя им унизить меня,
И я хладно приход ожидаю
  Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
  Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,
  Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется,
  Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется,
  Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
  Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
  Чтобы мог его мир полюбить.

ЗВУКИ И ВЗОР

О, полно ударять рукой
По струнам арфы золотой.
Смотри, как сердце воли просит,
Слеза катится из очей;
Мне каждый звук опять приносит
Печали пролетевших дней.

Нет, лучше с трепетом любви
Свой взор на мне останови,
Чтоб роковое вспоминанье
Я в настоящем утопил
И всё свое существованье
В единый миг переселил.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Как землю нам больше небес не любить?
  Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
  Но мы знаем, какое оно.

О надеждах и муках былых вспоминать
  В нас тайная склонность кипит;
Нас тревожит неверность надежды земной,
  А краткость печали смешит.

Страшна в настоящем бывает душе
  Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
  Но с миром расстаться нам жаль.

Что во власти у нас, то приятнее нам,
  Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим ясней,
  Как оно породнилось с душой.

К ***

Дай руку мне, склонись к груди поэта,
Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рожден для света
И не умею жить среди людей;
Я не имел ни время, ни охоты
Делить их шум, их мелкие заботы,
Любовь мое всё сердце заняла,
И что ж, взгляни на бледный цвет чела.

На нем ты видишь след страстей уснувших,
Так рано обуявших жизнь мою;
Не льстит мне вспоминанье дней минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где всё мое подавлено судьбою;
Так куст растет над бездною морскою,
И лист, грозой оборванный, плывет
По произволу странствующих вод.

ИЗ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

За дело общее, быть может, я паду,
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой пораженный,
Пред миром и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец;
Но ты не обвиняй страдальца молодого,
Молю, не говори насмешливого слова.
Ужасный жребий мой твоих достоин слез,
Я много сделал зла, но больше перенес.
Пускай виновен я пред гордыми врагами,
Пускай отмстят; в душе, клянуся небесами,
Я не злодей, о нет, судьба губитель мой;
Я грудью шел вперед, я жертвовал собой;
Наскучив суетой обманчивого света,
Торжественно не мог я не сдержать обета;
Хоть много причинил я обществу вреда,
Но верен был тебе всегда, мой друг, всегда;
В уединении, среди толпы мятежной,
Я всё тебя любил и всё любил так нежно.

К ***

Не медли в дальной стороне,
Молю, мой друг, спеши сюда.
Ты взгляд мгновенный кинешь мне.
А там простимся навсегда.

И я, поймавши этот взор
И речь последнюю твою,
Хотя б она была укор,
Их вместе в сердце схороню.

И в день печали роковой
Твой взор, умеющий язвить,
Воображу перед собой
И стану речь твою твердить.

И вновь мечтанье сблизит нас,
И вспомню, вспомню я тогда,
Как встретились мы в первый раз
И как расстались навсегда.

СОСЕД

Погаснул день на вышинах небесных,
Звезда вечерняя лиет свой тихий свет;
Чем занят бедный мой сосед?
Чрез садик небольшой, между ветвей древесных,
Могу заметить я, в его окне
Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья,
И этим нравится он мне.
Прохожие об нем различно судят,
И все его готовы порицать,
Но их слова соседа не принудят
Лампаду ранее иль позже зажигать.
И только я увижу свет лампады,
Сажусь тотчас у своего окна,
И в этот миг таинственной отрады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мне, что мы друг друга понимаем,
Что я и бедный мой сосед,
Под бременем одним страдая, увядаем,
Что мы знакомы с давных лет.

СТАНСЫ

Не могу на родине томиться,
Прочь отсель, туда, в кровавый бой.
Там, быть может, перестанет биться
Это сердце, полное тобой.

Нет, я не прошу твоей любови,
Нет, не знай губительных страстей;
Видеть смерть мне надо, надо крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.

Пусть паду, как ратник, в бранном поле.
Не оплакан светом буду я,
Никому не будет в тягость боле
Буря чувств моих и жизнь моя.

Юных лет святые обещанья
Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без роптанья
Я усну давно желанным сном.

Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальный сон,
Если образ твой всегда повсюду
Я носить с собою осужден;

Если там в пределах отдаленных,
Где душа должна блаженство пить,
Тяжких язв, на ней напечатленных,
Невозможно будет излечить;

О взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны родной;

Кто, бывало, в тайном упоенье,
На тебя вперив свой влажный взгляд,
Возбуждал людское сожаленье
И твоей улыбке был так рад.

МОЙ ДЕМОН

1

Собранье зол его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи
Безвестные слезам и сну.

2

К ничтожным хладным толкам света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глотает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.

3

Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,

Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.

4

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

РОМАНС

Хоть бегут по струнам моим звуки веселья,
Они не от сердца бегут;
Но в сердце разбитом есть тайная келья,
Где черные мысли живут.

Слеза по щеке огневая катится,
Она не из сердца идет.
Что́ в сердце, обманутом жизнью, хранится,
То в нем и умрет.

Не смейте искать в сей груди сожаленья,
Питомцы надежд золотых;
Когда я свои презираю мученья,-
Что́ мне до страданий чужих?

Умершей девицы очей охладевших
Не должен мой взор увидать;
Я б много припомнил минут пролетевших,
А я не люблю вспоминать!

Нам память являет ужасные тени,
Кровавый былого призрак,
Он вновь призывает к оставленной сени,
Как в бурю над морем маяк,

Когда ураган по волнам веселится,
Смеется над бедным челном,
И с криком пловец без надежд воротиться
Жалеет о крае родном.

1832

Люблю я цепи синих гор,
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится, будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч
И уступить всё медлит он
Луне — угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяц. Две иль три
Младые тучки окружат
Его сейчас... вот весь наряд,
Которым белое чело
Ему убрать позволено.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль средь степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;
Туманный месяц и меня,
И гриву, и хребет коня

Сребристым блеском осыпал;
Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытьи
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел...
И вкруг себя я поглядел:
Всё та же степь, всё та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степей
В ту ночь оспоривать у ней!

СОЛНЦЕ

Как солнце зимнее прекрасно,
Когда, бродя меж серых туч,
На белые снега напрасно
Оно кидает слабый луч! . .

Так точно, дева молодая,
Твой образ предо мной блестит;
Но взор твой, счастье обещая,
Мою ли душу оживит?

Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови,
Жестокая болезнь мне смертью угрожает! . .
Дай бог, чтоб так случилось! . . ни любви,
  Ни мук умерший уж не знает;
Шести досток жилец уединенный,
Не зная ничего, оставленный, забвенный,
  Ни славы зов, ни голос твой
Не возмутит надежный мой покой! . .

ПРОЩАНЬЕ

Не уезжай, лезгинец молодой;
Зачем спешить на родину свою?
Твой конь устал, в горах туман сырой;
А здесь тебе и кровля и покой,
  И я тебя люблю!..

Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райских двух ночей;
Нет у меня подарков: я бедна,
Но мне душа создателем дана,
  Подобная твоей.

В ненастный день заехал ты сюда;
Под мокрой буркой, с горестным лицом...
Ужели для меня сей день, когда
Так ярко солнце, хочешь навсегда
  Ты мрачным сделать днем?

Взгляни: вокруг синеют цепи гор,
Как великаны, грозною толпой;
Лучи зари с кустами — их убор:
Мы вольны и добры; — зачем твой взор
  Летит к стране другой?

Поверь, отчизна там, где любят нас;
Тебя не встретит средь родных долин,
Ты сам сказал, улыбка милых глаз:
Побудь еще со мной хоть день, хоть час.
  Послушай! час один!

— Нет у меня отчизны и друзей,
Кроме булатной шашки и коня;
Я счастлив был любовию твоей,
Но всё-таки слезам твоих очей
  Не удержать меня.

Кровавой клятвой душу я свою
Отяготив, блуждаю много лет:
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажут никому: люблю.
  Прости: вот мой ответ.

Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилом южных стран;
Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная иль стройный, гибкий стан,
Или большие очи? — но порой
Всё это не зовем мы красотой:
Уста без слов — любить никто не мог;
Взор без огня — без запаха цветок!

О небо, я клянусь, она была
Прекрасна! . . я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых всё блаженство — яд!

Время сердцу быть в покое
От волненья своего
С той минуты, как другое
Уж не бьется для него;
Но пускай оно трепещет —
То безумной страсти след:
Так всё бурно море плещет,
Хоть над ним уж бури нет!..

Неужли ты не видала
В час разлуки роковой,
Как слеза моя блистала,
Чтоб упасть перед тобой?
Ты отвергнула с презреньем
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожаленьем
Воскресить любовь свою.

Но сердечного недуга
Не могла ты утаить;
Слишком знаем мы друг друга,
Чтоб друг друга позабыть.
Так расселись под громами,
Видел я, в единый миг
Пощаженные веками
Два утеса бреговых;

Но приметно сохранила
Знаки каждая скала.
Что природа съединила,
А судьба их развела.

1

Склонись ко мне, красавец молодой!
Как ты стыдлив! — ужели в первый раз
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
В моих объятьях вот уж целый час
Лежишь — а страха всё не превозмог...
Не лучше ли у сердца, чем у ног?
Дай мне одну минуту в жизнь свою...
Что злато? — я тебя люблю, люблю!..

2

Ты так хорош! — бывало, жду, когда
Настанет вечер, сяду у окна...
И мимо ты идешь, бывало, да, —
Ты помнишь? — Серебристая луна,
Как ангел средь отверженных, меж туч
Блуждала, на тебя кидая луч,
И я гордилась тем, что наконец
Соперница моя небес жилец.

3

Печать презренья на моем челе,
Но справедлив ли мира приговор?

Что добродетель, если на земле
Проступок не бесчестье — но позор?
Поверь, невинных женщин вовсе нет,
Лишь по желанью случай и предмет
Не вечно тут. Любить не ставит в грех
Та одного, та многих — эта всех!

4

Родителей не знала я своих,
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья дней младых, —
И даже не гордилась красотой;
В пятнадцать лет, по воле злой судьбы,
Я продана мужчине — ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
С тех пор я гибну, гибну — день от дня.

5

Мне мил мой стыд! он право мне дает
Тебя лобзать, тебя на миг один
Отторгнуть от мучительных забот!
О наслаждайся! — ты мой господин!
Хотя тебе случится, может быть,
Меня в своих объятьях задушить,
Блаженством смерть мне будет от тебя.
Мой друг! — чего не вынесешь любя!

Девятый час; уж темно; близ заставы
Чернеют рядом старых пять домов,
Забор кругом. Высокий, худощавый
Привратник на завалине готов
Уснуть; — дождя не будет, небо ясно, —
Весь город спит. Он долго ждал напрасно;
Темны все окна — блещут только два —
И там — чем не богата ты, Москва!

Но, чу! — к воротам кто-то подъезжает.
Лихие дрожки, кучер с бородой
Широкой, кони черные. — Слезает,
Одет плащом, проказник молодой;
Скрыпит за ним калитка; под ногами
Стучат колеблясь доски. (Между нами
Скажу я, он ничей не прервал сон.)
Дверь отворилась, — свечка. — Кто тут? — Он.

Его узнала дева молодая,
Снимает плащ и в комнату ведет;
В шандале медном тускло догорая,
Свеча на них свой луч последний льет,
И на кровать с высокою периной,
И на стену с лубошною картиной;
А в зеркале с противной стороны
Два юные лица́ отражены.

Она была прекрасна, как мечтанье
Ребенка под светилом южных стран.
Что красота? — ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкий стан,
Или большие очи? — но порою
Всё это не зовем мы красотою:
Уста без слов — любить никто не мог,
Взор без огня — без запаха цветок!

Она была свежа, как розы Леля,
Она была похожа на портрет
Мадоны — и мадоны Рафаэля;
И вряд ли было ей осьмнадцать лет;
Лишь святости черты не выражали.
Глаза огнем неистовым пылали,
И грудь, волнуясь, поцелуй звала;
Он был не папа — а она была...

Ну что же? — просто дева *молодая*,
Которой всё богатство — красота!..
И впрочем, замуж выйти не желая,
Что́ было ей таить свои лета?
Она притворства хитрости не знала
И в этом лишь другим не подражала!..
Не всё ль равно? — любить не ставит в грех
Та одного — та многих — эта всех!

Я с женщиною делаю условье
Пред тем, чтобы насытить страсть мою:
Всего нужней, во-первых, мне здоровье,
А во-вторых, я мешкать не люблю;
Так поступил Парни питомец нежный:
Он снял сертук, сел на постель небрежно,
Поцеловал, лукаво посмотрел —
И тотчас раздеваться ей велел!

Как в ночь звезды падучей пламень,
  Не нужен в мире я.
Хоть сердце тяжело, как камень,
  Но всё под ним змея.

Меня спасало вдохновенье
  От мелочных сует;
Но от своей души спасенья
  И в самом счастье нет.

Молю о счастии, бывало,
  Дождался наконец,
И тягостно мне счастье стало,
  Как для царя венец.

И все мечты отвергнув, снова
  Остался я один —
Как замка мрачного, пустого
  Ничтожный властелин.

К *

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней,
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильней.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,

Какою стала наконец!
Я горд!.. прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам под небо юга
Я удалюся, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил;
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!
Не знав коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!

‹В АЛЬБОМ Н. Ф. ИВАНОВОЙ›

Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести?
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.

И стих безумный, стих прощальный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставлю я.

‹В АЛЬБОМ Д. Ф. ИВАНОВОЙ›

Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взглянуть,
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет.

Как луч зари, как розы Леля,
Прекрасен цвет ее ланит;
Как у мадоны Рафаэля
Ее молчанье говорит.
С людьми горда, судьбе покорна,
Не откровенна, не притворна.
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?

* *
*

Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

*

Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу всё темно, возвещали прохожему утро. И розовый цвет их подобился цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину купаясь, в таком уж смущенье, что белой одежды накинуть на грудь не успеют.

Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные громкие бури, которым пещеры, как стражи ночей, отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль вино-

градник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрываяся пеной, бежит безымянная речка, и выстрел нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный иль просто охотник... всё, всё в этом крае прекрасно.

* *
*

Воздух там чист, как молитва ребенка. И люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит, в дымной сакле, землей иль сухим тростником покровенной, таятся их жены и девы и чистят оружье, и шьют серебром — в тишине увядая душою — желающей, южной, с цепями судьбы не знакомой.

* *
*

РОМАНС

Стояла серая скала на берегу морском;
Однажды на чело ее слетел небесный гром.
И раздвоил ее удар, — и новою тропой
Между разрозненных камней течет поток седой.
Вновь двум утесам не сойтись, — но всё они
хранят
Союза прежнего следы, глубоких трещин ряд.
Так мы с тобой разлучены злословием людским,
Но для тебя я никогда не сделаюсь чужим.
И мы не встретимся опять, и если пред тобой
Меня случайно назовут, ты спросишь: кто такой?
И проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое... и одну себя невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никак из памяти своей
Не только чувств и слов моих — минуты прежних
дней!..

ПРЕЛЕСТНИЦЕ

Пускай ханжа глядит с презреньем
На беззаконный наш союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не чту владыкой никого,
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего;
Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,
И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..
Мы смехом брань их уничтожим,
Нас клеветы не разлучат:
Мы будем счастливы, как можем,
Они пусть будут, как хотят!

Ты молод. Цвет твоих кудрей
Не уступает цвету ночи,
Как день твои блистают очи
При встрече радостных очей;
Ты, от души смеясь смешному,
Как скуку гонишь прочь печаль.
Что бред ребяческий другому,
То всё тебе покинуть жаль:
Волною жизни унесенный
Далеко от надежд былых,
Как путешественник забвенный,
Я чуждым стал между родных;
Пред мною носятся виденья,
Жизнь обманувшие мою,
И не рожденный для забвенья
Я вновь черты их узнаю.
И время их не изменило,
Они всё те же! — я не тот:
Зачем же гибнет всё, что мило,
А что жалеет, то живет?

ЭПИТАФИЯ

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведал...
Но понимаем был одним.
И тот один, когда рыдая
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

Измученный тоскою и недугом
И угасая в полном цвете лет,
Проститься я с тобой желал как с другом,
Но хладен был прощальный твой привет;
Но ты не веришь мне, ты притворилась,
Что в шутку приняла слова мои;
Моим слезам смеяться ты решилась,
Чтоб с сожаленьем не явить любви;
Скажи мне, для чего такое мщенье?
Я виноват, другую мог хвалить,
Но разве я не требовал прощенья
У ног твоих? но разве я любить
Тебя переставал, когда толпою
Безумцев молодых окружена,
Горда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры их одна?
Я издали смотрел, почти желая,
Чтоб для других очей твой блеск исчез;
Ты для меня была, как счастье рая
Для демона, изгнанника небес.

Когда последнее мгновенье
Мой взор навеки омрачит,
И в мир, где казнь или спасенье,
Душа поэта улетит,
Быть может, приговор досадный
Прикажет возвратиться ей
Туда, где в жизни безотрадной
Она томилась столько дней;
Тогда я буду всё с тобою
И берегись мне изменить;
. . . . . .

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или бог — или никто!

РОМАНС

1

Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
  Вспомни обо мне.
Если друг тебя обманет,
Если сердце жить устанет,
И душа твоя увянет,
  В дальной стороне
  Вспомни обо мне.

2

Если кто тебе укажет
На могилу и расскажет
  При ночном огне
О девице обольщенной,
Позабытой и презренной,
О тогда, мой друг бесценный,
  Ты в чужой стране
  Вспомни обо мне.

3

Время прежнее, быть может,
Посетит тебя, встревожит

В мрачном, тяжком сне;
Ты услышишь плач разлуки,
Песнь любви и вопли муки
Иль подобные им звуки...
О, хотя во сне
Вспомни обо мне!

СОНЕТ

Я памятью живу с увядшими мечтами,
Виденья прежних лет толпятся предо мной,
И образ твой меж них, как месяц в час ночной
Между бродящими блистает облаками.

Мне тягостно твое владычество порой;
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощен мой дух и скован, как цепями,
Что ж пользы для меня, — я не любим тобой.

Я знаю, ты любовь мою не презираешь,
Но холодно ее молениям внимаешь;
Так мраморный кумир на берегу морском

Стоит, — у ног его волна кипит, клокочет.
А он, бесчувственным исполнен божеством,
Не внемлет, хоть ее отталкивать не хочет.

Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья,
  Я увядаю в полном цвете!
Пускай! — я не был раб земного наслажденья,
  Не для людей я жил на свете.
Одно лишь существо душой моей владело,
  Но в разный путь пошли мы оба,
И мы расстались, и небо захотело,
  Чтоб не сошлись опять у гроба.
Гляжу в безмолвии на запад: догорает
  Краснея гордое светило;
Мне хочется за ним: оно, быть может, знает,
  Как воскрешать всё то, что мило.
Быть может, ослеплен огнем его сиянья,
  Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцелуй прощанья,
  За мной бегущие повсюду.

К *

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилася с душою,
Хоть пути не кончить им вдвоем!

Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж нами,
Я рожден, чтобы не жить без них.

Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч путеводитель,
Что хвала иль гордый смех людей!

Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.

Поцелуями прежде считал
  Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
  Но теперь никого не люблю.

И слезами когда-то считал
  Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал,
  А теперь никого не люблю!

И я счет своих лет потерял
  И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унесть бы им дал!
  Как бы вечность им бросил мою!

Послушай, быть может, когда мы покинем
Навек этот мир, где душою так стынем,
Быть может, в стране, где не знают обману,
Ты ангелом будешь, я демоном стану!
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежнего друга всё счастие рая!
Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный,
Тебе будет раем, а ты мне — вселенной!

К *

Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней:
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильней!
Ты любишь — верю — и довольно;
Кого, — ты ведать не должна;
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостоин я участья,
Что сам ничем не дорожу;
Что всё, чем сердце дорожило,
Теперь для сердца стало яд,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность иль брат.
Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;
Но, друг мой, не проси былого,
Я мук своих не продаю.

БАЛЛАДА

(С немецкого)

Из ворот выезжают три витязя в ряд,
увы!
Из окна три красотки во след им глядят:
прости!

Напрасно в боях они льют свою кровь —
увы!
Разлука пришла — и девичья любовь
прости!

Уж три витязя новых в ворота спешат,
увы!
И красотки печали своей говорят:
прости!

БОЙ

Сыны небес однажды надо мною
Слетелися, воздушных два бойца;
Один — серебряной обвешан бахромою,
Другой — в одежде чернеца.
И видя злость противника второго,
Я пожалел о воине младом;
Вдруг поднял он концы сребристого покрова,
И я под ним заметил — гром.
И кони их ударились крылами,
И ярко брызнул из ноздрей огонь;
Но вихорь отступил перед громами.
И пал на землю черный конь.

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно,
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.

Если сердце молодое
Встретит пылкое другое,
При разлуке, при свиданье
Закажи ему молчанье.

Всё на свете редко стало:
Есть надежды — счастья мало;
Не забвение разлука:
То — блаженство, это — мука.

Если счастьем дорожил ты,
То зачем его делил ты?
Для чего не жил в пустыне?
Иль об этом вспомнил ныне?

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженье
И столько гордых душ увлек в свое паденье!..
— Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?

. . . . . .

ЖЕЛАНЬЕ

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

Дайте мне челнок дощатый
С полусгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пущуся в море
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.

Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой

Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан, не умолкая,
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...

К *

Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал ли я свои мечты?
Обыкновенный звук, названье,
Вот всё, чего не знаешь ты.
Пусть в этом имени хранится,
Быть может, целый мир любви...
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды... о! они мои,
Мои — они святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страх, ни ласки, ни коварство,
Ни горький смех, ни плач людей,
Дай мне сокровища вселенной,
Уж никогда не долетят
В тот угол сердца отдаленный,
Куда запрятал я мой клад.
Как помню, счастье прежде жило
И слезы крылись в месте том:
Но счастье скоро изменило,
А слезы вытекли потом.
Беречь сокровища святые
Теперь я выучен судьбой;
Не встретят их глаза чужие,
Они умрут во мне, со мной!..

К *

Печаль в моих песнях, но что за нужда?
Тебе не внимать им, мой друг, никогда.
Они не прогонят улыбку святую
С тех уст, для которых живу и тоскую.

К тебе не домчится ни слово, ни звук,
Отзыв беспокойный неведомых мук.
Певца твоя ласка утешить не может,
Зачем же он сердце твое потревожит?

О нет! одна мысль, что слеза омрачит
Тот взор несравненный, где счастье горит,
Безумные б звуки в груди подавила,
Хоть прежде за них лишь певца ты любила.

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

К *

1

Прости! — мы не встретимся боле,
  Друг другу руки не пожмем;
Прости! — твое сердце на воле...
  Но счастья не сыщет в другом.
Я знаю: с порывом страданья
  Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь названье
  Того, кто погиб так давно!

2

Есть звуки — значенье ничтожно,
  И презрено гордой толпой —
Но их позабыть невозможно:
  Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто былое
  На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
  И двое лишь вздрогнут от них!

3

Мгновение вместе мы были,
  Но вечность — ничто перед ним;

Все чувства мы вдруг истощили,
  Сожгли поцелуем одним;
Прости! — не жалей безрассудно,
  О краткой любви не жалей:
Расстаться казалось нам трудно,
  Но встретиться было б трудней!

Слова разлуки повторяя,
Полна надежд душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смело веришь ей... но я?..

Оставь страдальца! — будь покойна:
Где б ни был этот мир святой,
Двух жизней сердцем ты достойна!
А мне довольно и одной.

Тому ль пускаться в бесконечность,
Кого измучил краткий путь?
Меня раздавит эта вечность,
И страшно мне не отдохнуть!

Я схоронил навек былое,
И нет о будущем забот,
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает!..

Безумец я! вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой славы,
Когда вы счастливы в пыли?
Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать
И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
Нет, не похож я на *поэта!*
Я обманулся, вижу сам;
Пускай, как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю;
Но смысла их вам не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... мне ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?
Пускай возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Всё то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить вновь?

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее — не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

Примите дивное *посланье*
Из края дальнего сего;
Оно не *Павлово* писанье —
Но Павел вам отдаст его.
Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот,
Как шиш, торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — всё сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Всё удивительно, и ново —
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..

И наконец я видел море,
Но кто поэта обманул?..
Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул;
Нет! как оно, я не был волен;
Болезнью жизни, скукой болен,
(Назло былым и новым дням)
Я не завидовал, как прежде,
Его серебряной одежде,
Его бунтующим волнам.

ЧЕЛНОК

По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти,
Как после бури на песок
Волной расшибенный челнок.
Пускай прилив его ласкает,
В обман не вдастся инвалид:
Свое бессилие он знает
И притворяется, что спит;
Никто ему не вверит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится — и на воле!
Погиб — и дан ему покой!..

Что толку жить!.. Без приключений
И с приключеньями — тоска
Везде, как беспокойный гений,
Как верная жена, близка;
Прекрасно с шумной быть толпою,
Сидеть за каменной стеною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтоб раз об этом поболтать;
Невольно узнавать повсюду
Под гордой важностью лица
В мужчине глупого льстеца
И в каждой женщине Иуду.
А потрудитесь рассмотреть —
Всё веселее умереть.

Конец! Как звучно это слово,
Как много — мало мыслей в нем;
Последний стон — и всё готово,
Без дальних справок — а потом?
Потом вас чинно в гроб положат,
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас.
Простит вам каждую обиду
По доброте души своей,
Для пользы вашей (и церквей)

Отслужит, верно, панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вам услыхать.

И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет, по крайней мере,
Названье ваше сохранит;
Когда ж стеснится уж кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроют смелою рукой...
И гроб поставят к вам другой.
И молча ляжет с вами рядом
Девица нежная, одна,
Мила, покорна, хоть бледна;
Но ни дыханием, ни взглядом
Не возмутится ваш покой —
Что за блаженство, боже мой!

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной,
О! как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Всё, чем так гордятся люди,
Мой набег бы разрушал;
И к моей студеной груди
Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;
Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;
Не искал бы я забвенья
В дальном северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою!

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрыпит...
Увы! он счастия не ищет,
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных! — но безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил — и бог не спас!
Так сочный плод до времени созрелый
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты — его паденья час!

И жадный червь его грызет, грызет,
И между тем, как нежные подруги
Колеблются на ветках, — ранний плод
Лишь тяготит свою... до первой вьюги!
Ужасно стариком быть без седин;
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится душою;
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И всё, что чувствует, он чувствует один!

ТРОСТНИК

Сидел рыбак веселый
  На берегу реки;
И перед ним по ветру
  Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
  И скважины проткнул;
Один конец зажал он,
  В другой конец подул.

И будто оживленный,
  Тростник заговорил;
То голос человека
  И голос ветра был.
И пел тростник печально:
  «Оставь, оставь меня;
Рыбак, рыбак прекрасный,
  Терзаешь ты меня!

«И я была девицей,
  Красавица была,
У мачехи в темнице
  Я некогда цвела,
И много слез горючих
  Невинно я лила;

„Белеет парус одинокой“.

Акварель М. Ю. Лермонтова, 1828—1831 гг.

И раннюю могилу
  Безбожно я звала.

«И был сынок любимец
  У мачехи моей;
Обманывал красавиц,
  Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
  Мы на берег крутой,
Смотреть на сини волны,
  На запад золотой.

«Моей любви просил он...
  Любить я не могла,
И деньги мне дарил он —
  Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
  Ударил в грудь ножом;
И здесь мой труп зарыл он
  На берегу крутом;

«И над моей могилой
  Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
  Души моей младой;
Рыбак, рыбак прекрасный,
  Оставь же свой тростник;
Ты мне помочь не в силах,
  А плакать не привык».

РУСАЛКА

1

Русалка плыла по реке голубой,
  Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
  Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь колебала река
  Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
  Долетал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «На дне у меня
  Играет мерцание дня;
Там рыбок златые гуляют стада,
  Там хрустальные есть города;

4

«И там на подушке из ярких песков,
  Под тенью густых тростников,

Спит витязь, добыча ревнивой волны,
  Спит витязь чужой стороны...

5

«Расчесывать кольца шелковых кудрей
  Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы, в полуденный час,
  Целовали красавца не раз.

6

«Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
  Остается он хладен и нем;
Он спит, — и склонившись на перси ко мне,
  Он не дышит, не шепчет во сне».

7

Так пела русалка над синей рекой,
  Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
  Отраженные в ней облака.

БАЛЛАДА

Куда так проворно, жидовка младая?
  Час утра, ты знаешь, далек...
Потише, распалась цепочка златая,
  И скоро спадет башмачок.

Вот мост! вот чугунные влево перилы
  Блестят от огня фонарей;
Держись за них крепче, устала, нет силы!..
  Вот дом — и звонок у дверей.

Безмолвно жидовка у двери стояла,
  Как мраморный идол бледна;
Потом, за снурок потянув, постучала...
  И кто-то взглянул из окна!..

И страхом и тайной надеждой пылая,
  Еврейка глаза подняла,
Конечно, ужасней минута такая
  Столетий печали была;

Она говорила: «Мой ангел прекрасный!
  Взгляни еще раз на меня...
Избавь свою Сару от пытки напрасной,
  Избавь от ножа и огня...

«Отец мой сказал, что закон Моисея
Любить запрещает тебя.
Мой друг, я внимала отцу не бледнея,
Затем, что внимала любя...

«И мне обещал он страданья, мученья,
И нож наточил роковой;
И вышел... Мой друг, берегись его мщенья,
Он будет, как тень, за тобой...

«Отцовского мщенья ужасны удары,
Беги же отсюда скорей!
Тебе не изменят уста твоей Сары
Под хладной рукой палачей.

Беги!..» Но на лик, из окна наклоненный,
Блеснул неожиданный свет...
И что-то сверкнуло в руке обнаженной,
И мрачен глухой был ответ;

И тяжкое что-то на камни упало,
И стон раздался под стеной;
В нем всё улетающей жизнью дышало
И больше, чем жизнью одной!

Поутру, толпяся, народ изумленный
Кричал и шептал об одном:
Там в доме был русский, кинжалом пронзенный,
И женщины труп под окном.

ГУСАР

Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан.
Но знай: покой души не вечен,
И счастье на земле — туман!

Крутя лениво ус задорный,
Ты вспоминаешь стук пиров,
Но берегися думы черной —
Она черней твоих усов.

Пускай судьба тебя голубит
И страсть безумная смешит;
Но и тебя никто не любит,
Никто тобой не дорожит.

Когда ты, ментиком блистая,
Торопишь серого коня,
Не мыслит дева молодая:
«Он здесь проехал для меня».

Когда ты вихрем на сраженье
Летишь, бесчувственный герой,
Ничье, ничье благословенье
Не улетает за тобой.

Гусар! ужель душа не слышит
В тебе желания любви?
Скажи мне, где твой ангел дышит?
Где очи милые твои?

Молчишь — и ум твой безнадежней,
Когда полнее твой бокал!
Увы — зачем от жизни прежней
Ты разом сердце оторвал!..

Ты не всегда был тем, что ныне,
Ты жил, ты слишком много жил.
И лишь с последнею святыней
Ты пламень сердца схоронил.

1833

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной.
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алёхин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

1833—1834

На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.

Наши предки их не знали
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоезжаных коней.

Но с успехом просвещенья
Вместо грубой старины,
Введены изобретенья
Чужеземной стороны;

В наше время кормят, холят,
Берегут спинную честь...
Прежде били — нынче колют!..
Что же выгодней? — бог весть!..

В рядах стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга,
Лишь поп полковой бормотал, и порой
Ревела осенняя вьюга.
Кругом кивера над могилой святой
Недвижны в тумане сверкали;
Уланская шапка да меч боевой
На гробе дощатом лежали.
И билося сердце в груди не одно,
И в землю все очи смотрели,
Как будто бы всё, что уж ей отдано,
Они у ней вырвать хотели.
Напрасные слезы из глаз не текли,
Тоска наши души сжимала;
И горсть роковая прощальной земли,
Упавши на гроб, застучала.
Прощай, наш товарищ, не долго ты жил,
Певец с голубыми очами;
Лишь крест деревянный себе заслужил
Да вечную память меж нами!

1836

УМИРАЮЩИЙ ГЛАДИАТОР

I see before me the gladiator lie...

Byron.[1]

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он — пронзенный в грудь — безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатным и толпе сраженный гладиатор?
Он презрен и забыт... освистанный актер.

И кровь его течет — последние мгновенья
Мелькают, — близок час... вот луч воображенья
Сверкнул в его душе... пред ним шумит Дунай...
И родина цветет... свободный жизни край;
Он видит круг семьи, оставленный для брани,

---

[1] Я вижу перед собой лежащего гладиатора... Байрон. (*Англ.*). — *Ред.*

Отца, простершего немеющие длани,
Зовущего к себе опору дряхлых дней...
Детей играющих — возлюбленных детей.
Все ждут его назад с добычею и славой.
Напрасно — жалкий раб, — он пал, как зверь лесной,
Бесчувственной толпы минутною забавой...
Прости, развратный Рим, — прости, о край родной...

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд — игралище детей,
Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещенья,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:
Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины
И рыцарских времен волшебные преданья —
Насмешливых льстецов несбыточные сны.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

(Из Байрона)

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
  Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
  Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
  Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез —
  Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
  Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
  Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
  Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна,
  Как кубок смерти, яда полный.

В АЛЬБОМ

(Из Байрона)

Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.

И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

Великий муж! Здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды,
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услыхав твое названье,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «он любил отчизну!»

1837

БОРОДИНО

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
  Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
  Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
  Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
  Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
  Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
  О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
  Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
  Французы тут-как-тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
  Постой-ка, брат, мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
  За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
  Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
  Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
  Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
  Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,

Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,

Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
  Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
  И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны.
  Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
  Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
  Не отдали б Москвы!

СМЕРТЬ ПОЭТА

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:

Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво? .. издалёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что́ он руку поднимал! ..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей? ..

И прежний сняв венок, — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:

Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

*

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветр в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Всё так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль, божьей рати лучший воин,
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством? . .

Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

Прозрачный сумрак, луч лампады,
Кивот и крест, символ святой. . .
Всё полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь как ветер, улечу.

*

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

*

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,

Тускло светит луч лампады
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями,
Звучномерными шагами,
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

СОСЕД

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
  Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
  Стеной теперь — а после тайной.

Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой привет
  Мне умирая посылает,
И, опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
  Мечтая, стоя засыпает,

Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю — и в мрачной тишине
  Твои напевы раздаются.
О чем они — не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
  Как слезы, тихо льются, льются...

И лучших лет надежды и любовь
В груди моей всё оживает вновь,

И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

МОЛИТВА

Я, матерь божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастием душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты восприять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Расстались мы; но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!

Им сердце в чувствах даст отчет;
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;

Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый,
И кроме бури да громов
Он никому не вверит думы...

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
  С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастия, ни славы
Мне в мире не найти; — настанет час кровавый,
  И я паду; и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
      И я погибну без следа
      Моих надежд, моих мучений;
Но я без страха жду довременный конец.
  Давно пора мне мир увидеть новый;
  Пускай толпа растопчет мой венец:
      Венец певца, венец терновый!..
      Пускай! я им не дорожил.

‹ЭПИГРАММА НА Н. КУКОЛЬНИКА›

В Большом театре я сидел,
Давали Скопина — я слушал и смотрел.
Когда же занавес при плесках опустился,
Тогда сказал знакомый мне один:
Что, братец! жаль! — вот умер и Скопин!..
Ну, право, лучше б не родился.

‹ЭПИГРАММА НА Ф. БУЛГАРИНА, I›

Россию продает Фадей
Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй он продаст жену, детей
И мир земной, и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да жаль, заложена в казну.

‹ЭПИГРАММА НА Ф. БУЛГАРИНА. II›

Россию продает Фадей
И уж не в первый раз, злодей.

Се Маккавей-водопийца кудрявые речи
раскинул, как сети;
Злой сердцелов! ожидает добычи, рекая
в пустыне,
Сухосплетенные мышцы расправил, и корпий
Вынув клоком из чутких ушей, уловить
замышляет
Слово обидное, грозно вращая зелено-сереющим
оком,
Зубом верхним о нижний, как уголь черный,
щелкая.

Остаться без носу — наш Маккавей боялся,
Приехал на воды — и с носом он остался.

‹А. ПЕТРОВУ›

Ну что скажу тебе я спросту?
Мне не с руки хвала и лесть:
Дай бог тебе побольше росту —
Другие качества все есть.

Спеша на север из далека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моленье
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье,
К престолу вечному Аллы.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

1837—1838

КИНЖАЛ

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполненны таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

Гляжу на будущность с боязнью.
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла:
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

Как небеса, твой взор блистает
  Эмалью голубой,
Как поцелуй, звучит и тает
  Твой голос молодой;

За звук один волшебной речи,
  За твой единый взгляд,
Я рад отдать красавца сечи,
  Грузинский мой булат;

И он порою сладко блещет
  И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет,
  И в сердце кровь кипит.

Но жизнью бранной и мятежной
  Не тешусь я с тех пор,
Как услыхал твой голос нежный
  И встретил милый взор.

Она поет — и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

1838

‹К М. И. ЦЕЙДЛЕРУ›

Русский немец белокурый
Едет в дальную страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну.
Едет он, томим печалью,
На могучий пир войны;
Но иной, не бранной *сталью*
Мысли юноши полны.

‹К ПОРТРЕТУ СТАРОГО ГУСАРА›

Смотрите, как летит, отвагою пылая...
Порой обманчива бывает седина:
Так мхом покрытая бутылка вековая
Хранит струю кипучего вина.

‹К Н. И. БУХАРОВУ›

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов;
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья;
Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя,
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.
Столетья прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин.

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властию — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,

Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

‹А. Г. ХОМУТОВОЙ›

Слепец, страданьем вдохновенный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священный,
Воспоминаньем оживленный,
Он перед вами изливал.
Он вас не зрел, но ваши речи,
Как отголосок юных дней,
При первом звуке новой встречи
Его встревожили сильней.
Тогда признательную руку
В ответ на ваш приветный взор,
Навстречу радостному звуку
Он в упоении простер.

И я, поверенный случайный
Надежд и дум его живых,
Я буду дорожить, как тайной,
Печальным выраженьем их.
Я верю, годы не убили,
Изгладить даже не могли,
Всё, что вы прежде возбудили
В его возвышенной груди.
Но да сойдет благословенье

На вашу жизнь, за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

Пилигрим

Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг твердыни,
Притоны ангелам своим;
Иль дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить,
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?
Вот свет всё небо озарил:
То не пожар ли Цареграда?
Иль бог ко сводам пригвоздил
Тебя, полночная лампада,
Маяк спасительный, отрада
Плывущих по морю светил?

Мирза

Там был я, там, со дня созданья,
Бушует вечная метель;
Потоков видел колыбель.
Дохнул, и мерзнул пар дыханья.

Я проложил мой смелый след,
Где для орлов дороги нет,
И дремлет гром над глубиною,
И там, где над моей чалмою
Одна сверкала лишь звезда,
То Чатырдаг был...

Пилигрим

А!..

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
  Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
  Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
  Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
  И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
  Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
  Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
  На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
  В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
  Лишен героя спутник бедный;

Игрушкой золотой он блещет на стене —
  Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
  Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
  Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
  Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
  Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
  Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
  Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
  И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
  Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык, —
  Нас тешат блестки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
  Морщины прятать под румяны...

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
  Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
  Покрытый ржавчиной презренья?

1839

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как божий херувим.
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!

‹А. А. ОЛЕНИНОЙ›

Ах! Анна Алексевна,
Какой счастливый день!
Судьба моя плачевна,
Я здесь стою, как пень.
И что сказать не знаю,
А мне кричат: «Plus vite!» [1]
Я счастья вам желаю
Et je vous félicite.[2]

---

[1] Скорей! (*Франц.*). — *Ред.*
[2] И я вас поздравляю. (*Франц.*). — *Ред.*

НЕ ВЕРЬ СЕБЕ

Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

A. Barbier.[1]

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бред души твоей больной,
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи —
То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток!

Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Отрыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, —

---

[1] Какое нам, в конце концов, дело до грубого крика всех этих горланящих шарлатанов, продавцов пафоса и мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе? О. Барбье. (*Франц.*). — *Ред.*

Не вслушивайся в них, не предавайся им,
  Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
  Не передашь ты их значенья.

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
  Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой,
Не выходи тогда на шумный пир людей
  С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
  То гневом, то тоской послушной,
И гной душевных ран надменно выставлять
  На диво черни простодушной.

Какое дело нам, страдал ты или нет?
  На что́ нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
  Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
  Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
  Слезы не встретишь неприличной.

А между тем из них едва ли есть один,
  Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин
  Без преступленья иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
  С своим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический актер,
  Махающий мечом картонным...

ТРИ ПАЛЬМЫ

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной
Журча пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

Вот к пальмам подходит шумя караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

ДАРЫ ТЕРЕКА

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов, им на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,

И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,

Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

ПАМЯТИ А И. О‹ДОЕВСКО›ГО

1

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!

2

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных,

В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

3

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоем,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

4

И было ль то привет стране родной,
Названье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы, — всё исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит —
Куда они? зачем? откуда? — кто их спросит...

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадежной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...
Что за нужда? Пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи —

6

И мрачных гор зубчатые хребты...
И, вкруг твоей могилы неизвестной,
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

На буйном пиршестве задумчив он сидел
Один, покинутый безумными друзьями,
И в даль грядущую, закрытую пред нами,
  Духовный взор его смотрел.

И помню я, исполнены печали
Средь звона чаш, и криков, и речей,
И песен праздничных, и хохота гостей,
  Его слова пророчески звучали.

Он говорил: ликуйте, о друзья!
Что вам судьбы дряхлеющего мира? . .
Над вашей головой колеблется секира,
  Но что ж! . . Из вас один ее увижу я .

‹Э. К. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ›

Графиня Эмилия —
Белее чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится,
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.

1840

1-е Января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
  При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
  Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
  Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
  Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
  Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
  И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
  Вдали туманы над полями.

В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
  Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
  Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
  За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всесильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
  И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
  Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
  На праздник нéзванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
  Облитый горечью и злостью! . .

И СКУЧНО И ГРУСТНО

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно
желать?
А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит
труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и
следа:
И радость, и муки, и всё там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их
сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным
вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...

Посреди небесных тел
Лик луны туманный:
Как он кругл и как он бел!
Точно блин с сметаной...

Кажду ночь она в лучах
Путь проходит млечный...
Видно, там на небесах
Масленица вечно!

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
  Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
  В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
  Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
  Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
  Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
  Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
  Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
  Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
  Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
  И возьмешь ружье.

Я седельце боевое
  Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
  Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
  И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
  Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
  Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
  Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
  Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
  По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
  Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
  Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
  Образок святой:
Ты его, моляся богу,
  Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
  Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
  Баюшки-баю.

‹М. А. ЩЕРБАТОВОЙ›

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украйны она променяла,

Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.

Как ночи Украйны,
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,

Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки;
Как ветер пустыни,
И нежат и жгут ее ласки.

И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых,
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.

И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на бога
Хранит она детскую веру;

Как племя родное,
У чуждых опоры не просит,
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит;

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

ЖУРНАЛИСТ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

Les poètes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.

Inédit.[1]

(Комната писателя; опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином. Читатель, с сигарой, стоит спиной к камину. Журналист входит.)

Журналист

Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье? . .
Зато, какая благодать,

[1] Поэты похожи на медведей, сытых тем, что сосут лапу. Неизданное. (*Франц.*). — *Ред.*

Коль небо вздумает послать
Ему изгнанье, заточенье,
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что́ вы пишете? нельзя ль
Узнать?

Писатель

Да ничего...

Журналист

Напрасно!

Писатель

О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали с тайною мольбою
К N. N., неведомой красе, —
И страшно надоели все.

Читатель

И я скажу — нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш журнал
(Он мне уж руки обломал):

Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста;
Да как-то страшно без перчаток...
Читаешь — сотни опечаток!
Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? Перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То, верно, над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим...
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Журналист

Я точно то же говорю.
Как вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

Читатель

Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,

Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету —
А просто грязная вода.

Журналист

И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?.. меня бранят!
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — всё так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, —
И всё зачем? чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

Читатель

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадется как-нибудь
Живое, свежее творенье!
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,

И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним богом.

Журналист

Всё это так, — да вот беда:
Не пишут эти господа.

Писатель

О чем писать? .. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва:
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова...
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце — жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подъемлет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко, без сознанья,
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сиянье прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...
Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно черных
И ложно радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...

Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решуся показать...
Скажите ж мне, о чем писать?

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

(*Из Зейдлица*)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,

Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,

Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжко вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

СОСЕДКА

Не дождаться мне видно свободы,
А тюремные дни, будто годы;
И окно высоко́ над землей!
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подымется вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отворится клетка,
И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнея,
Да отцу дай вина похмельнея,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

ПЛЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.

Нет на устах моих грешной молитвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжелый да панцырь железный.

В каменный панцырь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.

Быстрое время — мой конь неизменный,
Шлема забрало — решетка бойницы,
Каменный панцырь — высокие стены,
Щит мой — чугунные двери темницы.

Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой бронею мне стало!
Смерть, как приедем, подержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало

‹М. П. СОЛОМИРСКОЙ›

Над бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читает на воротах рая
Узоры надписи святой.

И часто тайную отраду
Находит муке неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Так, разбирая в заточенье
Досель мне чуждые черты,
Я был свободен на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно-памятный привет.

ОТЧЕГО

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

БЛАГОДАРНОСТЬ

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был. . .
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

ИЗ ГЁТЕ

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

РЕБЕНКУ

О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! — Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? — Увы! года летят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебе непрошенные ласки?
Не слишком часто ль я твои целую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обожгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мне. К чему? Ее, быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...

Но мне ты всё поверь. Когда в вечерний час
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала
И в знаменье креста персты твои сжимала,

И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Бледнея, может быть, она произносила
Название, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? — звук пустой!
Дай бог, чтоб для тебя оно осталось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его, — ребяческие дни
Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!

А. О. СМИРНОВОЙ

В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас — хочу сказать вам много,
При вас — я слушать вас хочу:
Но молча вы глядите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что делать? — речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

К ПОРТРЕТУ

Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.

Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь, ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.

Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе ее тёмно, как в море!

То истиной дышит в ней всё,
То всё в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

В. А. Лопухина-Бахметева.

Акварель М. Ю. Лермонтова, 1835 г.

ВАЛЕРИК

Я к вам пишу случайно; право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, всё равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом что пользы верить
Тому, чего уж больше нет? . .
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок;

Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За всё я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переношу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Всё, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве,

И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз;
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалося и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету наговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу — дальний выстрел! прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова всё вокруг
Затихло... но жара уж спа́ла,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?
Что, вьючить? — что же капитан?

Повозки выдвигайте живо!
Савельич! Ой ли? — Дай огниво! —
Подъем ударил барабан —
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показалися значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет — где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. — Ничего, безделка...
И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовалися на них
Без кровожадного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...

Раз — это было под Гихами,
Мы проходили темный лес;

Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживилися леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов выносят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблистало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Не долго длилося оно,
Но в этом странном ожиданье

Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат рядами,
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
Ура — и смолкло. — Вон кинжалы,
В приклады! — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленах; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...

«Спасите, братцы. — Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый,
Им вслед смотрел я недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьям,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно

Один враждует он — зачем?
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: *Валерик*,
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми.
— А сколько их дралось примерно
Сегодня? — Тысяч до семи.
— А много горцы потеряли?
— Как знать? — зачем вы не считали!
«Да! будет, — кто-то тут сказал, —
Им в память этот день кровавый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюся вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвенье
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденье?

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так? —
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

ЗАВЕЩАНИЕ

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,

Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

1841

ОПРАВДАНИЕ

Когда одни воспоминанья
О заблужденьях страстей,
На место славного названья,
Твой друг оставит меж людей, —

И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь, —

Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, —

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои младые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;

И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

ЭПИГРАММА

Под фирмой иностранной иноземец
Не утаил себя никак —
Бранится пошло: ясно немец,
Похвалит: видно, что поляк.

На севере диком стоит одиноко
  На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
  Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой —
  В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
  Прекрасная пальма растет.

„Чета белеющих берез“.

Акварель М. Ю. Лермонтова, 1829—1831 гг.

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

*

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки —
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных,
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал.

*

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?

Я перенес земные страсти
Туда с собой.
Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу и ревную,
Как встарину.

*

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит,
Моя душа в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь засыпая
Ты о другом,
Твои слова текут пылая
По мне огнем.

*

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна,
Ты мертвецу, святыней слова,
Обручена.
Увы, твой страх, твои моленья
К чему оне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне!

ПОСЛЕДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ

Меж тем, как Франция, среди рукоплесканий
И кликов радостных, встречает хладный прах
Погибшего давно среди немых страданий
В изгнанье мрачном и в цепях;
Меж тем, как мир услужливой хвалою
Венчает позднего раскаянья порыв
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забыв, —
Негодованию и чувству дав свободу,
Поняв тщеславие сих праздничных забот,
Мне хочется сказать великому народу:
Ты жалкий и пустой народ!
Ты жалок потому, что вера, слава, гений,
Всё, всё великое, священное земли,
С насмешкой глупою ребяческих сомнений
Тобой растоптано в пыли.
Из славы сделал ты игрушку лицемерья,
Из вольности — орудье палача,
И все заветные отцовские поверья
Ты им рубил, рубил сплеча, —
Ты погибал... и *он* явился, с строгим взором,
Отмеченный божественным перстом,
И признан за вождя всеобщим приговором,

И ваша жизнь слилася в нем, —
И вы окрепли вновь в тени его державы,
И мир трепещущий в безмолвии взирал
На ризу чудную могущества и славы,
Которой вас он одевал.
Один, — он был везде, холодный, неизменный,
Отец седых дружин, любимый сын молвы,
В степях египетских, у стен покорной Вены,
В снегах пылающей Москвы.

А вы, что́ делали, скажите, в это время,
Когда в полях чужих он гордо погибал?
Вы потрясали власть избранную, как бремя,
Точили в темноте кинжал!
Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина, ему вы изменили,
И, как рабы, вы предали его!
Лишенный прав и места гражданина,
Разбитый свой венец он снял и бросил сам,
И вам оставил он в залог родного сына —
Вы сына выдали врагам!
Тогда, отяготив позорными цепями,
Героя увезли от плачущих дружин,
И на чужой скале, за синими морями,
Забытый, он угас один —
Один, замучен мщением бесплодным,
Безмолвною и гордою тоской,
И, как простой солдат, в плаще своем походном
Зарыт наемною рукой...

*

Но годы протекли, и ветреное племя
Кричит: «Подайте нам священный этот прах!

Он наш; его теперь, великой жатвы семя,
Зароем мы в спасенных им стенах!»
И возвратился он на родину; безумно,
Как прежде, вкруг него теснятся и бегут
И в пышный гроб, среди столицы шумной,
Остатки тленные кладут.
Желанье позднее увенчано успехом!
И краткий свой восторг сменив уже другим,
Гуляя, топчет их с самодовольным смехом
Толпа, дрожавшая пред *ним*.

*

И грустно мне, когда подумаю, что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг того, кто ждал в своей пустыне
Так жадно, столько лет — спокойствия и сна!
И если дух вождя примчится на свиданье
С гробницей новою, где прах его лежит,
Какое в нем негодованье
При этом виде закипит!
Как будет он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове, под небом дальних стран,
Где сторожил его, как он непобедимый,
Как он великий, океан!

Из-под таинственной холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки,
И улыбалися лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..

И создал я тогда в моем воображенье
По легким признакам красавицу мою:
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И всё мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слыхал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

И. П. МЯТЛЕВУ

На наших дам морозных
С досадой я смотрю,
Угрюмых и серьезных
Фигур их не терплю.
Вот дама Курдюкова,
Ее рассказ так мил,
Я о́т слова до слова
Его бы затвердил.
Мой ум скакал за нею, —
И часто был готов
Я броситься на шею
К madame de-Курдюков.

‹А. А. УГЛИЦКОЙ›

Ma chère Alexandrine,
Простите, же ву при,
За мой армейский чин
Всё, что je vous écris;

Меж тем, же ву засюр,
Ich wünsche счастья вам,
Surtout beaucoup d'amour,
Quand vous serez *Мадам*.[1]

---

[1] *Перевод:* Моя милая Александрина, простите, я вас прошу, за мой армейский чин всё, что я вам пишу. Меж тем, я вас уверяю, я желаю счастья вам, а главное много любви, когда вы будете *Мадам*. (*Франц. и нем.*). — *Ред.*

‹ИЗ АЛЬБОМА С. Н. КАРАМЗИНОЙ›

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,

Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
Смирновой штучку, фарсу Саши
И Ишки Мятлева стихи...

ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ

Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! — от цели благородной
Оторван бурею страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять...

Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заемный,
И ласки вечные свои.

ДОГОВОР

Пускай толпа клеймит презреньем
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз.

Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.

Земного счастья мы не ценим,
Людей привыкли мы ценить:
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.

В толпе друг друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радости любовь,
Разлука будет без печали.

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

СПОР

Как-то раз перед толпою
  Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою *
  Был великий спор.
«Берегись! — сказал Казбеку
  Седовласый Шат, —
Покорился человеку
  Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий
  По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
  Загремит топор;
И железная лопата
  В каменную грудь,
Добывая медь и злато,
  Врежет страшный путь.
Уж проходят караваны
  Через те скалы,
Где носились лишь туманы
  Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден

* Шат — Елбрус. (*Примечание Лермонтова*).

Первый был скачок,
Берегися! многолюден
И могуч Восток!»
— Не боюся я Востока! —
Отвечал Казбек, —
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот — у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Всё, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет! не дряхлому Востоку
Покорить меня! —

«Не хвались еще заране! —
Молвил старый Шат, —

Вот на севере в тумане
  Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
  Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
  Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
  Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
  Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
  До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
  Движутся полки;
Веют белые султаны,
  Как степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
  Подымая пыль;
Боевые батальоны
  Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамены,
  В барабаны бьют;
Батареи медным строем
  Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
  Фитили горят.
И испытанный трудами
  Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
  Генерал седой.
Идут все полки могучи,
  Шумны, как поток,

Страшно-медленны, как тучи,
  Прямо на восток.

И томим зловещей думой,
  Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
  И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
  Племя гор своих,
Шапку * нá брови надвинул —
  И навек затих.

---

* Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека. (*Примечание Лермонтова*).

СОН

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

L'ATTENTE

Je l'attends dans la plaine sombre;
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement...
Eh non! — trompeuse espérance —
C'est un vieux saule qui balance
Son tronc desséché et luisant.

Je me penche et longtemps j'écoute:
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit...
Non, ce n'est rien! C'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond...
Tout-à-coup, tremblant, je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.[1]

---

[1] *Перевод:*

Ожидание

Я жду ее в сумрачной равнине; вдали я вижу белеющую тень — тень, которая тихо подходит... Но нет —

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснеет, как дева младая,
Капгар, молодой туксус.

. . . . . .

обманчивая надежда! — это старая ива, которая покачивает свой ствол, высохший и блестящий.

Я наклоняюсь и долго слушаю: мне кажется, я слышу по дороге звук легких шагов... Нет, не то! Это во мху шорох листа, гонимого ароматным ветром ночи.

Полный горькой печали, я ложусь в густую траву и засыпаю глубоким сном... Вдруг я просыпаюсь дрожа: ее голос говорил мне на ухо, ее губы целовали мой лоб. *(Франц.). — Ред.*

1

На бурке под тенью чинары
Лежал Ахмет Ибрагим,
И, руки скрестивши, татары
Стояли молча пред ним.

2

И, брови нахмурив густые,
Лениво молвил Ага:
О слуги мои удалые,
Мне ваша жизнь дорога!

3

. . . . . .

Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt'es dem andern gestehn.

Heine.[1]

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-
мятежной!
Но, как враги, избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом
страданье
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла: наступило за гробом
свиданье. . .
Но в мире новом друг друга они не узнали.

---

[1] Они оба любили друг друга, но ни один не желал признаться в этом другому. Гейне. (*Нем.*). — *Ред.*

ТАМАРА

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всесильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евну́х.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчу́г убрана,
Ждала она гостя. Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла
Гремя нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

Дарьял.

Рисунок карандашом М. Ю. Лермонтова, 1837 г.

СВИДАНЬЕ

1

Уж за горой дремучею
  Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
  Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
  Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
  В ущелье мгла и дым.
Летают сны-мучители
  Над грешными людьми,
И ангелы-хранители
  Беседуют с детьми.

2

Там за твердыней старою
  На сумрачной горе
Под свежею чинарою
  Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
  Ужели не во сне

Свиданье в ночь угрюмую
  Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,
  Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
  Зовут мечты мои.

3

Внизу огни дозорные
  Лишь на мосту горят,
И колокольни черные,
  Как сторожи, стоят;
И поступью несмелою
  Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
  Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
  Бредут, едва скользя...
Но под чадрою длинною
  Тебя узнать нельзя!..

4

Твой домик с крышей гладкою
  Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
  Купается в реке;
Среди прохлады, веющей
  Над синею *Курой*,
Он сетью зеленеющей
  Опутан плющевой;
За тополью высокою
  Я вижу там окно...

Но свечкой одинокою
  Не светится оно!

5

Я жду. В недоумении
  Напрасно бродит взор:
Кинжалом в нетерпении
  Изрезал я ковер;
Я жду с тоской бесплодною,
  Мне грустно, тяжело...
Вот сыростью холодною
  С востока понесло,
Краснеют за туманами
  Седых вершин зубцы,
Выходят с караванами
  Из города купцы...

6

Прочь, прочь, слеза позорная,
  Кипи, душа моя!
Твоя измена черная
  Понятна мне, змея!
Я знаю, чем утешенный
  По звонкой мостовой
Вчера скакал, как бешеный,
  Татарин молодой.
Недаром он красуется
  Перед твоим окном,
И твой отец любуется
  Персидским жеребцом.

7

Возьму винтовку длинную,
  Пойду я из ворот:
Там под скалой пустынною
  Есть узкий поворот.
До полдня за могильною
  Часовней подожду
И на дорогу пыльную
  Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
  Я лег между камней;
Чу! близкий топот слышится...
  А! это ты, злодей!

ЛИСТОК

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот наконец докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих
изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

На что мне тебя? — отвечает младая чинара,
Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не
пара.

Ты много видал — да к чему мне твои
небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море.

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,

Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.

Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провесть ты с царевною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелко́вой узды.

Вышла младая потом голова;
В косу вплелася морская трава.

Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.

Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет.

«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит: лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...

Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

ПРОРОК

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

Стихотворения разных годов

КРЕСТ НА СКАЛЕ

В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному орлу,
Но крест деревянный чернеет над ней,
Гниет он и гнется от бурь и дождей.

И много уж лет протекло без следов
С тех пор, как он виден с далеких холмов.
И каждая кверху подъята рука,
Как будто он хочет схватить облака.

О если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия
И с бурею братом назвался бы я!

ЧЕРНЫ ОЧИ

Много звезд у летней ночи,
Отчего же только две у вас,
Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.

Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастье говорят;
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.

Очи юга, черны очи,
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!

К ***

Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;

Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд; — но меж людей
Он не годился; и враждебный гений
Его душе не наложил цепей;
И не слыхал творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней;

И близок час... и жизнь его потонет
В забвенье, без следа, как звук пустой;
Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрек, оправданный толпой,
И лишь волна полночная простонет
Над сердцем, где хранился образ твой!

ГОСТЬ

(Быль)

(Посвящается .....)

Кларису юноша любил,
  Давно тому назад.
Он сердце девы получил:
  А сердце — лучший клад.
Уж громкий колокол гудёт,
И в церкве поп с венцами ждет.

И вдруг раздался крик войны,
  Подъяты знамена:
Спешат отечества сыны —
  И ноги в стремена!
Идет Калмар, томим тоской,
Проститься с девой молодой.

«Клянись, что вечно, — молвил он, —
  Мне не изменишь ты! —
Пускай холодной смерти сон,
  О, дева красоты,
Нас осеняет под землей,
Коль не венцы любви святой!»

Клариса клятву говорит,
  Дрожит слеза в очах,
Разлуки поцелуй горит
  На розовых устах:
«Вот поцелуй последний мой —
С тобою в храм и в гроб с тобой!»

— Итак, прости! жалей меня:
  Печален мой удел! —
Калмар садится на коня,
  И вихрем полетел...
Дни мчатся... снег в полях лежит...
Всё дева плачет да грустит...

Вот и весна явилась вновь,
  И в солнце прежний жар
Проходит женская любовь,
  Забыт, забыт Калмар!
И должен получить другой
Ее красу с ее рукой.

С невестой под руку жених
  Пирует за столом,
Гостей обходит и родных
  Стакан, шипя вином.
Пир брачный весело шумит;
Лишь молча гость один сидит

На нем шелом избит в боях,
  Под хладной сталью лик,
И плащ изорван на плечах,
  И ржавый меч велик.
Сидит он прям и недвижим,
И речь начать боятся с ним...

«Что гость любезный наш не пьет, —
  Клариса вдруг к нему, —
И что он нить не перервет
  Молчанью своему?
Кто он? откуда в нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?»

Не стон, не вздох он испустил —
  Какой-то странный звук
Невольным страхом поразил
  Мою невесту вдруг.
Все гости: ах! — открыл пришлец
Лицо свое: — то был мертвец.

Трепещут все, спасенья нет,
  Жених забыл свой меч.
«Ты помнишь ли, — сказал скелет, —
  Свою прощальну речь:
Калмар забыт не будет мной;
С тобою в храм и в гроб с тобой!

Калмар твой пал на битве — там,
  В отчаянной борьбе.
Венец, девица, в гробе нам:
  Я верен был тебе!..»
Он обхватил ее рукой,
И оба скрылись под землей.

В том доме каждый круглый год
  Две тени, говорят,
(Когда меж звезд луна бредет,
  И все живые спят)
Являются, как легкий дым,
Бродя по комнатам пустым!..

Non, si j'en crois mon espérance
J'attends un meilleur avenir.
Je serai malgré la distance
Près de vous par le souvenir.
Errant sur un autre rivage,
De loin je vous suivrai,
Et sur vous si grondait l'orage,
Rappelez-moi, je reviendrai.[1]

---

[1] *Перевод*: Нет, веря в этом моей надежде, я жду лучшего будущего. Преодолев расстояние, я буду около вас силой воспоминания. Блуждая на другом берегу, я издали буду следовать за вами; и если над вами разразится гроза, позовите меня, — и я вернусь. *(Франц.)*. — *Ред.*

‹Н. Н. АРСЕНЬЕВУ›

Дай бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы младой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блестят;
Вино поддельное, кокетка —
Для головы и сердца яд!

1

Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы
На славу гордую России
Опять шумя восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.

2

Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенный,
Бессилья злобного порыв? . .
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего заря;
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя.

3

Давно привыкшие венцами
И уважением играть,

Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Всё, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.

4

Безумцы мелкие, вы правы,
Мы чужды ложного стыда!
. . . . . .

5

Но честь России невредима.
И вам смеясь внимает свет. . .
Так в дни воинственные Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шел Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,
Бежал за светлой колесницей
Один наемный клеветник.

Когда надежде недоступный,
Не смея плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнил страданьем искупить;
Когда былое ежечасно
Очам являлося моим
И всё, что свято и прекрасно,
Отозвалося мне чужим;
Тогда молитвой безрассудной
Я долго богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь?» он вещал;
«Ты жить устал? — но я ль виновен;
Смири страстей своих порыв;
Будь, как другие, хладнокровен,
Будь, как другие, терпелив.
Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебе так жаль?
Глупец! где посох твой дорожный?
Возьми его, пускайся в даль;
Пойдешь ли ты через пустыню
Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй».

Ах! ныне я не тот совсем,
Меня друзья бы не узнали,
И на челе тогда моем
Власы седые не блистали.
Я был еще совсем не стар;
А иссушил мне сердце жар
Страстей, явилися морщины
И ненавистные седины,
Но и теперь преклонных лет
Я презираю тяготенье.
Я знал еще души волненье —
Любви минувшей грозный след.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь среди полночной грезы
Мне кажется: идет она
Между каштанов и черешен...
Катится по небу луна...
Как я доволен и утешен!
Я вижу кудри... взор живой
Горячей влагою оделся...
Как жемчуг перси белизной.
Так живо образ дорогой
В уме моем напечатлелся!
Стан невысокий помню я
И азиатские движенья,

Уста пурпурные ея,
Стыда румянец и смятенье...
Но полно! полно! я любил,
Я чувств своих не изменил!..

. . . . . .

Любовь, сокрывшись в сердце диком,
В одних лишь крайностях горит
И вечно (тщетно рок свирепый
Восстал) меня не охладит,
И тень минувшего бежит
Поныне всюду за Мазепой...

. . . . . .

* *
*

Расписку просишь ты, гусар, —
Я получил твое посланье;
Родилось в сердце упованье,
И легче стал судьбы удар;
Твои пленительны картины
И дерзкой списаны рукой;
В твоих стихах есть запах винный —
А рифмы льются <. . .>.

Борделя грязная свобода
Тебя в пророки избрала;
Давно для глаз твоих природа
Покров обманчивый сняла;
Чуть тронешь ты жезлом волшебным
Хоть отвратительный предмет,
Стихи звучат ключом целебным,
И люди шепчут: он поэт!

Так некогда в степи безводной
Премудрый пастырь Аарон
Услышал плач и вопль народный
И жезл священный поднял он,
И на челе его угрюмом

Надежды луч блеснул живой,
И тронул камень он немой, —
И брызнул ключ с приветным шумом
Новорожденною струей.

Он был в краю святом,
На холмах Палестины.
Стальной его шелом
Иссекли сарацины.

Понес он в край святой
Цветущие ланиты;
Вернулся он домой
Плешивый и избитый.

Неверных он громил
Обеими руками —
Ни жен их не щадил,
Ни малых с стариками.

Встречаясь с ним подчас,
Смущалися красотки;
Он п. . . . их не раз,
Перебирая четки.

Вернулся он в свой дом
Без славы и без злата;
Глядит — детей содом,
Жена его брюхата.

Пришибло старика. . .

Никто моим словам не внемлет... я один.
День гаснет... красными рисуясь полосами,
На запад уклонились тучи, и камин
Трещит передо мной. — Я полон весь мечтами
О будущем... и дни мои толпой
Однообразною проходят предо мной,
И тщетно я ищу смущенными очами
Меж них хоть день один, отмеченный судьбой!

Мое грядущее в тумане,
Былое полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?
К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу,
Ты будешь славен меж людей!..

И я словам его поверил,
И полный волею страстей
Я будущность свою измерил
Обширностью души своей;
С святыней зло во мне боролось,
Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я;
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Тогда для поприща готовый
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.

Это случилось в последние годы могучего Рима,
Царствовал грозный Тиверий и гнал христиан беспощадно;
Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа
Церкви христовой юные вновь зеленели побеги.
В тайной пещере, над Тибром ревущим, скрывался в то время
Праведный старец, в посте и молитве свой век доживая;
Бог его в людях своей благодатью прославил.
Чудный он дар получил: исцелять от недугов телесных
И от страданий душевных. Рано утром, однажды,
Горько рыдая, приходит к нему старуха простого
Звания, — с нею и муж ее, грусти безмолвной исполнен,
Просит она воскресить ее дочь, внезапно во цвете
Девственной жизни умершую. . . — «Вот уж два дня и две ночи, —
Так она говорила, — мы наших богов неотступно
Молим во храмах и жжем ароматы на мраморе хладном,

Золото сыплем жрецам их и плачем, — но всё бесполезно!
Если бы знал ты Виргинию нашу, то жалость стеснила б
Сердце твое, равнодушное к прелестям мира! Как часто
Дряхлые старцы, любуясь на белые плечи, волнистые кудри,
На темные очи ее, молодели; и юноши страстным
Взором ее провожали, когда, напевая простую
Песню, амфору держа над главой осторожно, тропинкой
К Тибру спускалась она за водою... иль в пляске,
Перед домашним порогом, подруг побеждала искусством,
Звонким, ребяческим смехом родительский слух утешая...
Только в последнее время приметно она изменилась;
Игры наскучили ей, и взор отуманился думой;
Из дому стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечером темным, и ночи без сна проводила... При свете
Поздней лампады я видела раз, как она, на коленах,
Тихо, усердно и долго молилась, — кому? — неизвестно!..
Созвали мы стариков и родных для совета; решили...»

. . . . . .

‹I›

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный.
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной;
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере, в стране тебе чужой,
Я сердцем твой — всегда и всюду твой.

Еще ребенком, робкими шагами
Взбирался я на гордые скалы,
Увитые туманными чалмами,
Как головы поклонников Аллы́.
Там ветер машет вольными крылами,
Там ночевать слетаются орлы,
Я в гости к ним летал мечтой послушной
И сердцем был — товарищ их воздушный.

С тех пор прошло тяжелых много лет,
И вновь меня меж скал своих ты встретил.
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и светел.

Он пролил в грудь мою забвенье бед,
И дружно я на дружний зов ответил;
И ныне здесь, в полуночном краю,
Всё о тебе мечтаю и пою.

‹II›

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный.
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
Еще ребенком, чуждый и любви
И дум честолюбивых, я беспечно
Бродил в твоих ущельях, грозный, вечный,
Угрюмый великан, меня носил
Ты бережно, как пéстун, юных сил
Хранитель верный — [и мечтою
Я страстно обнимал тебя порою].

И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесам, где, блистая
Лучом зари, сбирались облака,
Туманные вершины омрачая,
Косматые, как перья шишака;
А вдалеке, как вечные ступени
С земли на небо, в край моих видений,
Зубчатою тянулись полосой,
Таинственней, синей одна другой,
Всё горы, чуть приметные для глаза,
Сыны и братья грозного Кавказа.

Не плачь, не плачь, мое дитя,
Не стоит он безумной муки.
Верь, он ласкал тебя шутя,
Верь, он любил тебя от скуки!
И мало ль в Грузии у нас
Прекрасных юношей найдется?
Быстрей огонь их черных глаз,
И черный ус их лучше вьется!

Из дальней, чуждой стороны
Он к нам заброшен был судьбою;
Он ищет славы и войны, —
И что́ ж он мог найти с тобою?
Тебя он золотом дарил,
Клялся, что вечно не изменит,
Он ласки дорого ценил —
Но слез твоих он не оценит!

Quand je te vois sourire,
Mon cœur s'épanouit,
Et je voudrais te dire,
Ce que mon cœur me dit!

Alors toute ma vie
A mes yeux apparaît;
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.

Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans Dieu.

Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh mon ange,
Où tu m'as fait souffrir! ..[1]

---

[1] *Перевод:* Когда я вижу твою улыбку, мое сердце расцветает, и я хотел бы высказать тебе, что говорит мне мое сердце. — Тогда вся жизнь встает перед моими глазами; я проклинаю и молюсь и плачу тайно. — Потому что без тебя, моего единственного путеводителя, без твоего огненного взгляда, мое прошедшее кажется пустым, как небо без бога. — И потом — странная причуда! — я ловлю себя на том, что благословляю прекрасный день, — о ангел мой! — когда ты заставила меня страдать. (*Франц.*). — *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

ПЕСНЯ

Что в поле за пыль пылит,
Что за пыль пылит, столбом валит?
Злы татарывья полон делят,
То тому, то сему по добру коню;
А как зятю теща доставалася,
Он заставил ее три дела делать:
А первое дело гусей пасти,
А второе дело бел кужель прясти,
А третье дело дитя качать.

И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бел кужель пряду,
И я ноженьками дитя качаю;
Ты баю-ба́ю, мило дитятко,
Ты по батюшке злой татарченок,
А по матушке родной внучеток,
У меня ведь есть приметочка,
На белой груди что копеечка.

Как услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася;

Ты родная моя матушка,
Ах ты что давно не сказалася?
Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованые ларцы
И бери казны, сколько надобно,
Жемчугу да злата-серебра.

Ах ты милое мое дитятко,
Мне не надобно твоей золотой казны,
Отпусти меня на святую Русь;
Не слыхать здесь петья церковного,
Не слыхать звону колокольного.

Приложение II

ПЕРЕВОДЫ

Мрак. Тьма

Я видел сон, который не совсем был сон. Блестящее солнце потухло, и звезды темные блуждали по беспредельному пространству, без пути, без лучей; и оледенелая земля плавала слепая и черная в безлунном воздухе. Утро пришло и ушло — и опять пришло и не принесло дня; люди забыли о своих страстях в страхе и отчаянии; и все сердца охладели в одной молитве о свете; люди жили при огнях, и престолы, дворцы венценосных царей, хижины, жилища всех населенцев мира истлели вместо маяков; города развалились в пепел, и люди толпились вкруг домов горящих, чтоб еще раз посмотреть друг на друга; счастливы были жившие противу волканов, сих горных факелов; одна боязненная надежда поддерживала мир; леса были зажжены — но час за часом они падали и гибли, и треща гасли пни — и всё было мрачно.

Чела людей при отчаянном свете имели вид чего-то неземного, когда случайно иногда искры на них упадали. Иные ложились на землю, и закрывали глаза и плакали; иные положили бороду на сложенные руки и улыбались; а другие толпились туда и сюда, и поддерживали в погребальных кострах пламя, и с безумным беспокойством устремляли очи на печальное небо, подобно савану одевшее мертвый мир; и потом с проклятьями снова обращали их на пыльную землю, и скрежетали зубами и выли; и птицы кидали пронзительные крики и метались по поверхности земли, и били тщетными крылами; лютейшие звери сделались смирны и боязливы; и змеи ползая увивались между толпы, шипели, но не уязвляли — их убивали на съеденье люди; и война, уснувшая на миг, с новой силой возобновилась; пища покупалась кровью, и каждый печально и одиноко сидел, насыщаясь в темноте; не оставалось любви; вся земля имела одну мысль — это смерть близкая и бесславная; судороги голода завладели утробами, люди умирали, и мясо и кости их непогребенные валялись; тощие были съедены тощими, псы нападали даже на своих хозяев, все кроме одного, и он был верен его трупу, и отгонял с лаем птиц и зверей и людей голодных, пока голод не изнурял или новый труп не привлекал их алчность; он сам не искал пищи, но с жалобным и протяжным воем и с пронзительным лаем лизал руку, не отвечавшую его ласке, — и умер. Толпа постепенно редела; лишь *двое* из обширного города остались вживе — и это были враги; они встретились у пепла алтаря,

где грудой лежали оскверненные церковные утвари; они разгребали и дрожа подымали хладными сухими руками теплый пепел, и слабое дыханье немного продолжалось и произвело как бы насмешливый чуть видный огонек; тогда они подняли глаза при бо́льшем свете и увидали друг друга — увидали, и издали вопль и умерли, от собственного их безобразия они умерли, не зная, на чьем лице голод начертал: враг. Мир был пуст, многолюдный и могущий сделался громадой безвременной, бестравной, безлесной, безлюдной, безжизненной, громадой мертвой, хаосом, глыбой праха; реки, озера, океан были недвижны, и ничего не ворочалось в их молчаливой глубине; корабли без пловцов лежали гния в море, и их мачты падали кусками; падая засыпали на гладкой поверхности; скончались волны; легли в гроб приливы, луна, царица их, умерла прежде; истлели ветры в стоячем воздухе, и облака погибли; мрак не имел более нужды в их помощи — он был повсеместен.

The Giaour [1]

Нет легкого дуновения воздуха, рассекающего волну, которая катится под могилою афинян; сей блестящий гроб на крутой, навислой скале первый приветствует возвращающуюся домой ладью; он высоко господствует над страною, тщетно им спасенною, — когда снова увидит такого героя? . .

[1] Гяур. (*Англ.*). — *Ред.*

Прекрасный климат! где каждое время года улыбается над сими благословенными островами, кои, видные издалека, с высоты *колонны*, радуют сердце восхитительной картиной и представляют убежище уединенью. Там нежно рябится ланита океана, отражая *краски* многих утесов, пойманные смеющимися приливами, которые омывают этот восточный Эдем.

И если иногда мгновенный зефир взволнует голубой кристалл моря или сметет цвет с дерева, да будет благословен милый ветерок, пробудивший и разнесший здесь благоухание.

Ибо здесь — *роза*, на скале или в долине, любовница соловья, дева, для которой его звуки, тысячи его песней слышны в высоте, цветет, краснея от рассказов соловья: его царица, царица садов, его роза, не сгибаемая ветрами, не оледеняемая снегами, далеко от зимы западной, благословляемая каждым временем года и каждым зефиром, подарок природы — аромат отдает небу в сладчайшем благоухании. Она признательно возвращает и лучшие свои цветы улыбающемуся небу, с благовонным вздохом.

И много здесь летних цветов, и много тени, которую любовь желала бы разделить, и многие есть пещеры, манящие к отдохновенью, которые служат вертепом для разбойника, коего ладья, пристав к скрытой здесь гавани, ждет мирного корабля, пока не услышит гитару веселого моряка, пока не увидит вечернюю звезду. Тогда, укрываясь с своим веслом под тенью скалистого берега, кидается ночной грабитель на добычу свою и переменяет песни с гитарой на отчаян-

ные крики. Странно, что где природа создала жилище достойное богов, и смешала, истощила всё прекрасное в этом раю, здесь человек, живущий разрушением, хочет обращать его в дикую пустыню и попирает, подобно бессловесному животному, каждый цветок, который не сто́ит ниже часа трудов и не требует помощи ничьей руки, дабы расстилаться в волшебной стране сей, но выходит, растет, отвергая всякое старание, и только молит, чтоб его пощадили.

Странно, что где господствует тишина, там страсти беспредельны в гордости своей, и жадность и хищность дико бушуют, дабы помрачить прелестную землю. Это как будто злые духи взяли верх над ангелами и укрепили на небесных престолах освобожденного наследника ада; так прекрасна страна, созданная для удовольствия, и так ненавистны тираны, разрушающие его.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

О страна незабвенных героев! которая от долины до горных пещер была жилищем свободы или могилою славы. Храм могущих! ужели это всё, что остается от тебя? Приближься, пресмыкающийся невольник; скажи, не это ли Термопилы? Эти синие воды, плещущие кругом, скажи, порабощенный потомок свободного, скажи, какое это море, какой берег? — это залив, это скала Саламины! . . восстаньте, вспомните прошедшее и возобновите его; исторгните из праха отцов ваших искры огня, коим некогда они пламенели

И *тот*, кто погибнет в битве, к их именам прибавит свое страшное имя, коего будут трепетать тираны; он оставит потомкам надежду, знаменитость; и они прежде умрут, нежели посрамят ее: ибо, если война за свободу уже началась, она передается кровью от отца к сыну, и если иногда неуспешно, то всегда под конец торжествует. Этому свидетель ты, Греция, про которую доказывают о бессмертных столетьях многие живые страницы! Тогда как цари, скрытые в пыльном мраке, оставили одни безымянные пирамиды, твои герои, хотя общим приговором сняты колонны на их могилах, имеют лучшие памятники: горы высокие отечества их!.. Здесь показывает муза могилы тех очам странника, кои не могут умереть. Долго и печально было бы рассказывать каждый шаг Греции от величия к бедственности; довольно — никакой чуждый враг не мог ослабить духа твоего, пока сам он не упал; так собственное унижение открыло путь ненавистным цепям и скипетру деспотов.

Что расскажет нам тот, кто попирает твой брег? Ни песни старинной, ничего, чем может заняться муза, ничего столь высокого как прежде, когда человек был достоин сего климата. Сердца, рожденные в твоих долинах, буйные души, кои могли бы весть твоих сынов к великим подвигам, теперь пресмыкаются от колыбели до могилы, рабы — нет, рабы раба, безжизненные везде, кроме в преступленье; оскверненные всеми бедствиями рода человеческого, где он менее всего возвышается над тварею бессловесной; даже не имея ни одной дикой добро-

детели, не имея в среде своей ни одной храброй и свободной груди. Еще теперь у соседних пристаней они слывут лукавыми, и взошли в пословицу; в этом только хитрый грек найден, и этим, лишь этим, известен. Напрасно свобода стала бы призывать ум, дабы свергнуть иго с шеи, которое льстит ему; я больше не сожалею о их несчастии, однако я расскажу вам печальную повесть, и внимающие мне могут поверить, что тот, кто слушал ее в первый раз, имел право грустить.

Торопливо приближался он, и быстрота его бега привлекала мой удивленный взор; хотя, как ночной демон, он пробежал и скрылся от меня, его вид, выражение лица его оставили навсегда смутное воспоминанье в груди моей, и еще долго после в моем страхом пораженном слухе раздавался топот ног черного его коня. Он жмет ногами коня; он приближается к крутому утесу, выдавшемуся от берега и бросающему тень на поверхность моря; он минует и низвергается за скалу, которая освобождает его от очей моих; неуместен взор, преследующий беглеца, и хотя нет ни одной звезды на небе, но всё для него светло кажется.

Он скрылся; но прежде кинул взгляд, который казался его последним, на минуту удержал беспокойного своего коня, на минуту дал ему отдохнуть, на минуту привстал на стременах — для чего смотрит он в оливную рощу? Полумесяц встает над холмом; лампы в мечетях погасая трепещут.

Napoleon's Farewell [1]

1

Прости! о край, где тень моей славы восстала и покрыла землю своим именем — он покидает меня теперь, но страница его истории, самая мрачная или блестящая, наполнена моими подвигами. Я воевал с целым светом, который победил меня только тогда, когда метеор завоеваний заманил меня слишком далёко; я противился народам, которые боялись меня оставленного, последнего, единственного пленника из миллионов бывших на войне.

2

Прости, Франция! — когда твой венец короновал меня, я сделал тебя алмазом, дивом и красою земли. Но твоя слабость повелевает, чтоб я тебя оставил как нашел, увядшую славой и упадшую своим именем; ибо сердца старых бойцов моих были приведены в отчаянье нападением бури и непогоды, хотя сражения были выиграны, и орел, коего взор померкнул, мог бы снова подняться, встретив солнце победы.

3

Итак, прости же, Франция! — но если свобода снова появится у тебя, вспомни обо мне — фиалка надежды еще растет, скрываясь во глубине долин твоих; хотя она увяла, слезы твои

[1] Прощание Наполеона. (*Англ.*). — *Ред.*

могут воскресить ее — я могу еще смешать неприятелей, нас окружающих, и твоя душа еще может внять голосу моему; в цепи, которая нас оковала, еще есть кольцы, могущие разорваться, тогда, обратясь, призови начальника твоего выбора.

Верро[1]

Известно, по крайней мере должно бы было быть известно, что во всех странах католического исповедания несколько недель до поста *народ* веселится и празднует сколько хочет; покупают раскаяние перед тем, чтобы сделаться богомольными, какого бы высокого или низкого состояния ни были, пируют, играют, пляшут, пьют, маскируются, и употребляют всё, что можно получить попросивши.

(С немецкого)

Я проводил тебя со слезами; но ты удалилась чужда сожалений и слез.

Где долго ожиданный день, столько радости мне обещавший? — погиб он! — но я не раскаялся в том, в чем тебе поклялся.

И если б могла ты понять и измерить страданья мои, то вечно бы ты не забыла того, кто тебя никогда не забывал.

Тогда бы заплакала ты, и тот миг воскресил бы опять охладевшее мое счастье.

Мое сердце, отвергнутое тобою, мой ангел! всё-таки тебе принадлежит; но сердце, тобою любимое, не будет так постоянно.

---

[1] Беппо. (*Англ.*). — *Ред.*

Приложение III

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ЛЕРМОНТОВУ

Экспромт

Три грации считались в древнем мире,
Родились вы... всё три, а не четыре!

* *
*

Хвала тебе, приют лентяев,
Хвала, ученья дивный храм,
Где цвел наш бурный Полежаев
Назло завистливым властям.
Хвала и вам, студенты-братья...

* *
*

И на театре, как на сцене света,
Мы не выходим из балета:
Захочется ль кому

К честям и званиям пробить себе дорогу,
Работы нет его уму —
Умей он поднимать лишь ногу.

Югельский барон

Баллада

(Ал. М. В—ой)

До рассвета поднявшись, перо очинил
Знаменитый Югельский барон,
И кусал он, и рвал, и писал, и строчил
Письмецо к своей Сашеньке он,
И он крикнул: «Мой паж! .. мой малютка! .. скорей! ..
Подойди! .. что робеешь ты так!»
И к нему подошел долговязый лакей,
Тридцатипятилетний дурак.
«Вот! .. возьми письмецо ты к невесте моей
И на почту его отнеси!
И потом пирогов, сухарей, кренделей,
Чего хочешь, в награду проси!»
— «Сухарей не хочу, и письма не возьму,
Хоть расплачься, высокий барон,
А захочешь узнать, я скажу почему,
Нет! .. уж лучше смолчать», — и поклон.
«Паж! .. хочу я узнать! ..» — «Нет! .. позволь мне смолчать! .
— «Говори!» — «За невестой твоей
Обожателей рать кто бы мог сосчитать?
И в разлуке ты вверился ей!
Не девица ль она? .. и одна ли верна?
Нам ли думать: на Севере, там,

Всё вздыхает она, одинока, бледна;
  Нам ли веровать женским словам?
Иль один обольщен, изумлен, увлечен
  Ты невестою милой своей?
Нет!.. высокий барон, ты порой мне смешон,
  И письма не отправлю я к ней!»
Рассмеялся барон — так уверен был он.
  «Ты малютка, мой паж молодой!
Знай!.. ты сам ослеплен! Знай! у северных жен
  Не в размолвке обеты с душой!
Там девица верна, постоянна жена;
  Север силой ли только велик?
Жизнь там веры полна, счастья там сторона,
  И послушен там сердцу язык!
Мелких птиц, как везде, нет в орлином гнезде,
  Там я выбрал невесту себе,
Не изменит нигде; — Ей, как вечной звезде,
  Ей вверяюсь, как самой судьбе!
Так!.. снегов в стороне, будет верною мне!»
  Паж невольно барону внимал,
И без слов, в тишине, он сознался в вине
  И на почту с письмом побежал!

* *
*

Когда легковерен и молод я был,
Браниться и драться я страстно любил.
Обедать однажды сосед меня звал;
Со мною заспорил один генерал.
Я света не взвидел... Стакан зазвенел
И в рожу злодея стрелой полетел.
. . . . . .
Мой раб, вечерком, как свершился удар,
Ко мне, на гауптвахту, принес самовар.

Экспромты 1841 года

*

Очарователен кавказский наш Монако!
Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы:
В нем лихорадят нас вино, игра и драка,
И жгут днем женщины, а по ночам — клопы.

*

В игре, как лев, силен
Наш Пушкин Лев,
Бьет короля бубен,
Бьет даму треф.
Но пусть всех королей
И дам он бьет:
«Ва-банк!» — и туз червей
Мой — банк сорвет!

*

Милый Глебов,
Сродник Фебов,
Улыбнись,
Но на Наде,
Христа ради,
Не женись!

*

Скинь бешмет свой, друг Мартыш,
Роспояшься, сбрось кинжалы,
Вдень броню, возьми бердыш
И блюди нас, как хожалый!

*

Смело в пире жизни надо
Пить фиал свой до конца,
Но лишь в битве смерть — награда,
Не под стулом для бойца.

*

Велик князь Ксандр и тонок, гибок он,
Как колос молодой,
Луной сребристой ярко освещен,
Но без зерна — пустой.

*

Наш князь Василь-
Чиков — по батюшке,
Шеф простофиль,
Глупцов — по дядюшке,
Идя в кадриль
Шутов — по зятюшке,
В речь вводит стиль
Донцов — по матушке.

*

Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон,
Но Соломонов сын,
Не мудр, как царь Шалима, но умен,
Умней, чем жидовин.
Тот храм воздвиг и стал известен всем
Гаремом и судом,
А этот храм, и суд, и свой гарем
Несет в себе самом.

*

С лишком месяц у Мерлини
  Разговор велся один:
Что творится у княгини,
  Здрав ли верный паладин.

Но с неделю у Мерлини
  Перемена — речь не та,
И вкруг имени княгини
  Обвилася клевета.

Пьер обедал у Мерлини,
  Ездил с ней в Шотландку раз,
Не понравилось княгине,
  Вышла ссора за Каррас.

Пьер отрекся... и Мерлини,
  Как тигрица, взбешена.
В замке храброй героини,
  Как пред штурмом, тишина.

*

Он метил в умники, попался в дураки,
Ну, стоило ли ехать для того с Оки!

*

Зачем, о счастии мечтая,
  Ее зовем мы: гурия?
Она как дева — дева рая,
  Как женщина же — фурия.

*

Мои друзья вчерашние — враги,
Враги — мои друзья,
Но, да простит мне грех господь благий,
Их презираю я...

Вы также знаете вражду друзей
И дружество врага,
Но чем ползущих давите червей?..
Подошвой сапога.

*

Им жизнь нужна моя, — ну, что же, пусть возьмут,
Не мне жалеть о ней!
В наследие они одно приобретут —
Клуб ядовитых змей.

*

Ну, вот теперь у вас для разговоров будет
Дня на три тема,
И, верно, в вас к себе участие возбудит
Не Миллер — Эмма.

*

Куда, седой прелюбодей,
Стремишь своей ты мысли беги?
Кругом с арбузами телеги
И нет порядочных людей!

*

За девицей Emilie[1]
Молодежь как кобели.
У девицы же Nadine[2]
Был их тоже не один;
А у Груши в целый век
Был лишь Дикий человек.

*

Надежда Петровна,
Отчего так неровно
Разобран ваш ряд,
И локон небрежный
Над шейкою нежной...
На поясе нож.
C'est un vers qui cloche.[3]

* *
*

Поверю совести присяжного дьяка,
Поверю доктору, жиду и лицемеру,
Поверю, наконец, я чести игрока,
Но клятве женской не поверю.

* *
*

Винтовка пулю верную послала,
Свинцовая запела и пошла.

---

[1] Эмилия. (*Франц.*). — *Ред.*
[2] Надежда. (*Франц.*). — *Ред.*
[3] Вот стих, который хромает. (*Франц.*). — *Ред.*

Она на грудь несча́стливца упала
  И глубоко в нее вошла.
И забаюкала ее, и заласкала,
Без просыпа, без мук страдальцу сон свела,
И возвратила то, что женщина отняла,
  Что свадьба глупая взяла...

* *
*

1

Приветствую тебя я, злое море,
Широкое, глубокое для дум!
Стою и слушаю: всё тот же шум
И вой валов в твоем просторе,
Всё та же грусть в их грустном разговоре.

2

Не изменилося ни в чем ты, злое море,
Но изменился я, но я уж не такой!
С тех пор, как в первый раз твои буруны-горы
Увидел я, — припомнил север свой.
Припомнил я другое злое море,
И край другой, и край другой!..

ПРИМЕЧАНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1828—1841 гг.

Произведения Лермонтова почти во всех собраниях его сочинений открываются лирикой. Лирические стихотворения занимают первое место в литературном наследии поэта и по числу произведений и по их историко-литературному значению. Именно стихотворения Лермонтова принесли ему еще при жизни славу второго после Пушкина поэта. «Стихотворениями М. Лермонтова» был назван и первый, изданный в 1840 г. сборник его сочинений. Из 28 названий, входящих в этот сборник, 26 принадлежат лирическим пьесам (в собрание вошли также две поэмы).

Свое поэтическое сбаяние лирика Лермонтова сохранила до наших дней. В. Г. Белинский в статье «Стихотворения М. Лермонтова» (1840) так определил ее основные художественные черты: «...свежесть благоухания, художественная роскошь форм, поэтическая прелесть и благородная простота образов, энергия, могучесть языка, алмазная крепость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразие идей, необъятность содержания — суть родовые характеристические приметы поэзии Лермонтова и залог ее будущего, великого развития».

В лирике Лермонтова нашли отражение все основные творческие интересы поэта, его идеологические и художественные искания, факты биографии и общественные явления эпохи. По стихотворениям Лермонтова видно, какие друзья и враги его окружали, какие события волновали мир, какие проблемы решались в области политической, философской и эстетической

мысли, какие литературные авторитеты владели умами современников. Лермонтов не оставил в своем литературном наследии специальных критических статей, рецензий и теоретических трактатов. Но взгляды его на литературу, отдельные критические оценки и эстетические декларации нашли место в самих поэтических произведениях, насыщенных философской и публицистической мыслью. Лирика Лермонтова дает богатый материал для заключений об отношении поэта к творчеству декабристов и к Пушкину, к эстетике русских шеллингианцев и к Байрону, к народному творчеству и к реакционной журналистике в лице Булгарина и Сенковского.

По стихотворениям Лермонтова можно проследить эволюцию его литературных вкусов — от кратковременного интереса к поэзии «в древнем роде» до серьезной склонности к философскому направлению в литературе, от влечения к поэзии героического романтизма до обращения к литературе критического реализма.

По мере идейного и художественного созревания поэта менял свой внутренний облик и его лирический герой. На первых порах — это непосредственно связанный с личностью самого автора искатель высоких гражданских идеалов, напряженно размышляющий о судьбах вселенной, исполненный жертвенных героических устремлений. Затем «субъективный элемент», по выражению Белинского, стал проявляться в образах, имеющих иные черты и другое эстетическое значение. Порой это сам автор, но уже с новым, трезвым, критическим отношением к жизни (стихотворения «Дума», «Пророк», «Родина», «Валерик», «Из альбома С. Н. Карамзиной» и многие другие); это и объективированный герой, например старый солдат из «Бородино», вместе с поэтом сокрушающийся о том, что миновало «время богатырей», или участник кавказской войны в «Завещании», увидевший, как и поэт, не парадную, а будничную сторону действительности; это и образы-символы, внешне потерявшие связь с лирическим «я» поэта, но выражающие его мысль и его настроение («Парус», «Утес», «Листок» и другие).

В недрах ранней лирики поэта, богатой наблюдениями над внутренней жизнью человека — историей его сердечных мук и страстей, зарождался новый художе-

ственный метод — психологический реализм, основоположником которого в русской литературе стал Лермонтов.

Замысел многих лермонтовских произведений больших форм находил первоначальное выражение в стихотворениях. Так, работе над поэмой «Демон» предшествовало появление стихотворения «Мой демон», из «Думы» вырос «Герой нашего времени», женские образы в поэме «Сашка» были подготовлены серией стихотворений 1832 г. Многие эпизоды поэмы «Измаил-Бей» сложились из предварительных поэтических «заготовок» — ранних стихотворений на кавказскую тему.

Иногда Лермонтов целиком вводит текст стихотворений в другие произведения, например в драмы «Menschen und Leidenschaften», «Странный человек». В новом контексте эти стихотворения теряют свое значение интимных лирических признаний автора и становятся элементом характеристики того или иного действующего лица.

Мысль Лермонтова легко находила воплощение в самых разнообразных стихотворных формах — в лирических медитациях, в стансах, балладах, думах, в сатирах, эпиграммах и ораторских монологах. Претворяя в стих свои мгновенные впечатления, поэт не всегда был экономен в средствах. Поэтические перлы в торопливых первых набросках стихотворений порой терялись среди словесной руды, отбрасывавшейся при повторном обращении к черновым записям. А обращался поэт к ним постоянно.

Его рабочие тетради хранят следы этих обращений: позднейшую выборочную нумерацию стихотворений, позднейшие пометы с оценкой написанного («это вздор», «это мечта» и т. д.), заметки для памяти, позднейшие зачеркивания и правку текста.

Иногда поэт решительно перечеркивал неудавшееся, по его мнению, стихотворение и никогда к нему более не возвращался («Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови», баллада «Из ворот выезжают три витязя в ряд» и другие). В других случаях он через несколько лет перерабатывал отвергнутый им ранее текст. Так, зачеркнув первую редакцию перевода «Had we never loved so kindly» («Если б мы не дети

были»), сделанного в 1830 г., поэт в 1832 г. создает вторую, более удовлетворившую его редакцию.

Характерна творческая история стихотворения «Стансы». Первая редакция «Стансов» (1830), записанная в черновой тетради, состоит из 28 стихов. Вторая редакция, сохранившаяся в альбоме М. Д. Жедринской (1831), значительно короче: стихотворение состоит из 16 стихов, причем 8 из них полностью совпадают с первой редакцией, 4 начальных стиха переработаны, а 4 последних написаны заново. Текст завершается в новой редакции энергичной концовкой, подчеркивающей главную мысль стихотворения.

Перед нами — часто наблюдаемый у Лермонтова процесс работы: значительное сокращение текста, устранение абстрактных мотивов и вялых оборотов, отработка острой, ударной концовки. Та же последовательность правки в стихотворениях «Силуэт», «Поток» и многих других.

В основе зрелых стихотворений («Узник», «Памяти А. И. Одоевского», «Договор») находятся образы, отдельные строки и даже строфы ранних стихотворений («Желанье», «Он был рожден для счастья, для надежд», «Прелестнице»).

Обращаясь к дорогим для него образам, мотивам, темам, варьируя их в различных редакциях текста, Лермонтов добивался наиболее точного выражения мысли, наиболее совершенной отделки стиха. В этом и заключается природа «самоповторений» Лермонтова, о которых много говорилось в критической литературе.

Собранные воедино, стихотворения Лермонтова наглядно демонстрируют путь его поэтического совершенствования.

Ранняя лирика, как правило, не предназначалась поэтом для печати. Только очень немногие из своих стихотворений он счел достойными увидеть свет. В основном — это стихотворения, написанные им после 1836 г. и включенные в сборник «Стихотворения М. Лермонтова» (1840). Отдельные стихотворения публиковались на страницах альманахов и в журнале «Отечественные записки» за 1839—1841 гг. Но общее число напечатанных при жизни поэта стихотворений не превышает 40, тогда как написано их было более 400, судя только по сохранившимся текстам.

Первая попытка расширить круг известных по прижизненному сборнику произведений Лермонтова была сделана сразу после его смерти. В журнале «Отечественные записки», в альманахе «Утренняя заря», в первом посмертном собрании сочинений поэта (1842) были впервые спубликованы стихотворения «Валерик», «Из альбома С. Н. Карамзиной», «Сосна», «На светские цепи», «М. П. Соломирской» и другие, среди них и ранние стихи — «Парус», «Желанье».

Определившаяся уже тогда тенденция сделать достоянием читателя всё, что написано Лермонтовым, была встречена некоторыми критиками неодобрительно. Например, в журнале «Библиотека для чтения» была напечатана статья, резко осуждавшая тех издателей, которые «ради спекуляции, нарушают последнюю волю только что скончавшегося таланта, его литературное завещание. Лермонтов оставил завещание, утвержденное пятьюдесятью тысячами свидетелей. Это завещание — изданное им самим перед смертью собрание его стихотворений. В нем поместил он всё, что считал достойным себя и читателей из первых своих опытов. Остальное он благоразумно сам предал забвению. По какому же праву, едва закрыл он глаза, спекуляция тотчас исторгает из забвения все эти неудавшиеся, непризнанные пробы юного пера, перемешивает их с хорошими и признанными сочинениями, составляет из этого безвкусную кашу?» [1]

Иную позицию в вопросе о полноте изданий литературного наследия Лермонтова занял В. Г. Белинский. В статье, опубликованной в «Отечественных записках», он писал:

«Такие поэты, как Лермонтов, бывают строже к самим себе, нежели самые строгие и взыскательные их критики. К тому же, перед Лермонтовым лежал длинный и широкий путь будущей славы, и поэт гордо чувствовал в себе прозябание семян великих будущих творений, от этого, естественно, он и не придавал слишком большого значения своим первым опытам. Но несжиданная и преждевременная смерть поэта дала

---

[1] «Библиотека для чтения», 1843, т. 56, отд. VI, стр. 40.

совсем другой оборот делу, и издатели его стихотворений не должны были, скажем более, не имели права не собрать и не сделать известным публике всего написанного Лермонтовым, всего, что только могли они отыскать. . .

«Публика многого, слишком многого лишилась бы, если б издатели стихотворений Лермонтова не сделали известными ей этих великих начатков будущей колоссальной славы будущего великого поэта».[1]

В приведенной полемике победила точка зрения Белинского. С тех пор в собрания сочинений Лермонтова включалось по мере обнаружения всё, что принадлежит перу Лермонтова.

Первые посмертные публикации больших групп стихотворений по автографам были осуществлены: А. А. Краевским в «Отечественных записках» (1841, начиная с августа; 1842 и 1843), А. Н. Афанасьевым, П. А. Ефремовым, М. П. Полуденским, С. А. Рачинским в «Библиографических записках» (1858, 1859 и 1861), С. С. Дудышкиным в «Отечественных записках» (1859), П. А. Ефремовым, П. А. Висковатовым в «Русской старине» (1872, 1873, 1875, 1877 и 1882), П. А. Висковатовым в «Русской мысли» (1881, 1882, 1883 и 1884), И. М. Болдаковым в «Саратовском справочном листке» (1875, 1876).

Журнальные и газетные публикации затем включались в собрания сочинений Лермонтова.

Наиболее значительное пополнение литературного наследия Лермонтова произошло в 1860 г., когда С. С. Дудышкин впервые ввел юношескую лирику поэта в собрание сочинений, осуществлявшееся под его редакцией.[2]

Большой вклад внесли своими разысканиями новых текстов издатели сочинений Лермонтова П. А. Ефре-

---

[1] «Отечественные записки», 1843, т. 26, отд. 6, стр. 1—2.

[2] Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным, в двух томах, СПб., 1860. — Издание второе, сверенное с рукописями, исправленное и дополненное, вышло в 1862 г. и без изменений повторилось в 1863 г.

мов (в 70-х годах), И. М. Болдаков и П. А. Висковатов (в 80-х годах).[1]

К 1889—1891 гг., когда вышло в свет первое полное собрание сочинений Лермонтова под редакцией П. А. Висковатова, лирика поэта была представлена уже почти в окончательном своем составе.[2]

Висковатов же впервые осуществил в главных чертах и тот композиционный принцип, который лег в основу большинства современных изданий: жанровое распределение произведений по томам и хронологическая последовательность внутри каждого тома.

С точки зрения текстологических требований — правильности прочтения автографов, выбора наиболее авторитетного источника текста, учета черновых редакций и вариантов — издание Висковатова содержит серьезные ошибки и неточности. В отдельных случаях он не только ошибался, но и сознательно «исправлял»

---

[1] Сочинения Лермонтова с портретом его, двумя снимками с почерка и статьею о Лермонтове А. Н. Пыпина, в двух томах, изд. 3-е, вновь сверенное с рукописями, исправленное и дополненное, под редакцией П. А. Ефремова, СПб., 1873. — Издание с изменениями и дополнениями повторялось в 1880, 1882, 1887 и 1889 гг.

[2] Публикации И. М. Болдакова, как и П. А. Висковатова, вошли в Сочинения М. Ю. Лермонтова, первое полное издание под редакцией П. А. Висковатова, в шести томах (М., 1889—1891). Послереволюционные издания пополнились 10 новыми стихотворениями Лермонтова: «А. А. Углицкой» (публикация Б. Л. Модзалевского, альманах «Радуга», 1922); «Никто моим словам не внемлет», «Мое грядущее в тумане» (публикация Н. Пахомова, «Литературное наследство», т. 19—21, 1935); два альбомных стихотворения, посвященных Н. Ф. Ивановой и Д. Ф. Ивановой (публикация И. Л. Андроникова, «Литературная газета», 1939); эпиграммы на Булгарина и Маккавея (публикация Э. Э. Найдича, «Литературное наследство», т. 58, 1952); «А. А. Олениной» (публикация А. Н. Михайловой, академическое издание собрания сочинений Лермонтова, т. I, 1954).

текст Лермонтова: сглаживал политически острые места, устранял фривольности.

Перед революцией вышло первое академическое издание собрания сочинений Лермонтова,[1] поставившее своей основной целью установление критически проверенного текста. Однако и в этом издании имеет место целый ряд ошибок и неправильных прочтений. Особенно плохо здесь воспроизведена пунктуация Лермонтова. Редактор считал возможным активно вмешиваться в синтаксис лермонтовской речи: дробил цельные предложения на части, расставлял произвольно вопросительные и восклицательные знаки, многоточия и т. д. что привело к значительным смысловым искажениям.

В советские годы первой наиболее обстоятельной работой в области изучения лермонтовских текстов было полное собрание сочинений поэта в издании «Academia».[2] В результате систематического пересмотра источников в этом издании представлен критически выверенный и, как правило, точно воспроизведенный текст, сопровожденный необходимым справочным аппаратом. Что касается черновых материалов Лермонтова, то в этом издании осуществлен принцип выборочной подачи вариантов, не всегда отражающий важные этапы в работе Лермонтова над своими произведениями. Полный свод черновых редакций и вариантов в систематизированном виде, дан в академическом издании собрания сочинений Лермонтова, вышедшем в 1954—1957 гг.[3] В нем также все тексты заново сверены

---

[1] Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова в пяти томах, под редакцией Д. И. Абрамовича, Академическая библиотека русских писателей, вып. 2, изд. Разряда изящной словесности Академии наук, СПб., 1910—1913. — Второе издание вышло в 1916 г. с небольшими изменениями и дополнениями.

[2] М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений в пяти томах, под редакцией Б. М. Эйхенбаума, «Academia», М.—Л., 1935—1937.

[3] М. Ю. Лермонтов, Сочинения в шести томах, под редакцией Н. Ф. Бельчикова, Б. П. Городецкого, Б. В. Томашевского, издание Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, М.—Л., 1954—1957 (далее — акад. изд.).

с автографами, копиями, различными изданиями и т. д., в результате чего редакцией принят ряд новых решений в отношении источников текста, исправлены отдельные чтения и ошибки.

В основу настоящего издания положен текст, напечатанный в последнем академическом издании (с исправлением некоторых опечаток и пропусков).

Автографы Лермонтова, являющиеся источником текста для изданий его сочинений, собраны в настоящее время в крупнейших архивохранилищах страны.

Наиболее значительная часть рукописных текстов стихотворений Лермонтова сосредоточена в его рабочих, черновых и беловых тетрадях, хранящихся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Автографы Лермонтова имеются также в альбомах П. А. Бартеневой, А. Д. Боратынской-Абамелек, Н. И. Поливанова, А. О. Смирновой, А. А. Углицкой-Альбрехт, Н. С. Шеншина, З. И. Юсуповой-Шове (Пушкинский Дом).

Богатейшим собранием автографов располагает также рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Здесь хранятся автографы таких значительных стихотворений, как «Смерть Поэта», стихотворений, написанных поэтом в последние годы и месяцы его жизни и находящихся в альбоме М. Ю. Лермонтова и в записной книжке, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским.

Отдельные автографы поэта находятся в его тетради с записью лекций, читавшихся в юнкерской школе (например, стихотворение «Когда надежде недоступный» в тетради «Лекции из географии»), в письмах Лермонтова разным лицам (стихотворения «Парус», «Он был рожден для счастья», «Что толку жить» в письмах к М. А. Лопухиной).

В Государственном Историческом музее (Москва) хранится так называемая «тетрадь Чертковской библиотеки», которая содержит «собственноручные бумаги Лермонтова» (надпись на переплете), находившиеся у А. П. Шан-Гирея. В этой тетради — автографы и копии стихотворений, написанных в 1834—1837 гг. Там же хранится альбом, принадлежавший М. П. Полуденскому, с автографом стихотворения Лермонтова, посвященного А. О. Смирновой.

Альбомы автографов имеются в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва): альбом кн. П. А. Вяземского с автографом Лермонтова «Мы ждем тебя, спеши, Бухаров» и альбом С. А. Рачинского с автографами стихотворений «Смерть Поэта» (черновик первой части), «Посреди небесных тел» «И скучно и грустно», «Портрет».

Кроме того, автографы Лермонтова имеются в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Москва): стихотворения «Валерик», «Спор», «Когда волнуется желтеющая нива» и другие, а также тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова.

В ряде случаев, когда автографы не сохранились, источником текста в собраниях сочинений Лермонтова служат копии, сделанные разными лицами. Таковы копии из собрания А. А. Краевского, копии В. Х. Хохрякова и П. А. Висковатова, сделанные с автографов, в то время еще не утраченных (стихотворения «Поле Бородина», «Крест на скале», «В рядах стояли безмолвной толпой», «Юнкерская молитва» и другие).

Иногда даже при наличии автографов в выборе текста предпочтение оказывается печатным публикациям или копиям, если они дают позднейшую, законченную авторскую редакцию (стихотворения «Ангел», «Стансы» и другие).

В отдельных случаях, когда автографы утрачены и отсутствуют авторитетные копии, стихотворения печатаются по посмертным публикациям. Например, стихотворение «Графине Ростопчиной» печатается по сборнику «Русская беседа» (СПб., 1841, т. II); «А. Г. Хомутовой» — по украинскому литературному сборнику «Молодик» на 1844 г.; стихотворение «Он был в краю святом» — по «Библиографическим запискам» (1861); группа стихотворений 1830 г. («Благодарю», «Передо мной лежит листок», «Итак, прощай», «Свершилось! полно ожидать») — по текстам, опубликованным Е. А. Сушковой-Хвостовой в «Библиотеке для чтения» (1844), в «Русском вестнике» (1857) и повторенным в двух изданиях ее «Записок» (1870 и 1928).

Большие трудности представляет датировка стихотворений Лермонтова, особенно тех, автографы которых не сохранились.

В большинстве случаев Лермонтов сам ставил дату написания стихотворений на обложке тетради, в заголовке или в конце текстов. На этом основании — по пометам самого Лермонтова, по нахождению стихотворения в той или иной тетради или же по положению его внутри тетради — и датируется значительное число текстов. Так, стихотворения, находящиеся в тетради с названием «Мелкие стихотворения. Москва в 1829 году», датируются 1829 г.; тетрадь VI помечена самим Лермонтовым 1830 г.; в тетрадях VII и VIII многие стихотворения имеют точную дату — год, месяц, число, например стихотворения «10 июля. (1830)»; «30 июля. — (Париж). 1830 года» и другие, а по этим датам устанавливается и время написания расположенных рядом текстов. Та же возможность в тетради XI, заполнявшейся поэтом в 1831 г. Например, стихотворение «Прекрасны вы, поля земли родной», расположенное в тетради XI после стихотворения «Сентября 28», но до стихотворения «Ужасная судьба отца и сына», в котором говорится о смерти отца поэта Ю. П. Лермонтова (умер 1 октября 1831 г.), датируется по положению в тетради осенью 1831 г. и т. д.

В некоторых случаях установление даты написания стихотворений по принципу смежности оказывалось ошибочным. Так, стихотворения, находящиеся в тетради IV после поэмы «Демон», долгое время датировались 1830 г. Лермонтовская помета о годе написания данной редакции поэмы была перенесена и на стихотворения, которые, как теперь установлено, были вписаны в тетрадь значительно позднее, в 1831 и 1832 гг. (см. полное собрание сочинений Лермонтова в изд. «Academia», т. I, стр. 417—418).

С предположительной датировкой печатаются стихотворения, относящиеся к 1830 или 1831 г. (находятся в тетради XX, сборнике писарских копий с поправками Лермонтова). Автографы многих стихотворений этой группы не сохранились. Однако, исходя из датировки тех стихотворений, которые находятся рядом, но переписаны в сборник из тетрадей, имеющих хронологические указания, а также из содержания самих стихотворений, можно прийти к заключению, что первая половина текстов сборника относится с бо́льшим вероятием к 1830 г., а вторая, начиная примерно со стихотворения

«Поток», — к 1831 г.[1] Не имеют до сих пор точной даты стихотворения, предположительно относимые к концу 1837—началу 1838 г. («Гляжу на будущность с боязнью», «Слышу ли голос твой», «Как небеса твой взор блистает», «Она поет — и звуки тают»). Предположительно датируются и такие значительные стихотворения, как «Из альбома С. Н. Карамзиной», «Прощай, немытая Россия», «Договор», «Из-под таинственной холодной полумаски». Большая группа стихотворений входит в раздел «Стихотворения разных годов», с датировкой еще более приблизительной, чем в названных выше стихотворениях.

Определению некоторых дат, как и уточнению текста ряда стихотворений, помогла находка в 1947 г. так называемой Казанской тетради Лермонтова (продолжение тетради XX), содержащей автографы 9 стихотворений Лермонтова 1832 г. Среди них «Русалка», которая ранее датировалась ошибочно 1836 г.[2]

Обнаруженный в Германии автограф стихотворения «Посреди небесных тел» с поставленной Лермонтовым датой «16 мая 1840 г.» разрешил сомнение исследователей, датировавших это стихотворение 1833—1834 гг., а затем предположительно — 1840 г. Текстологические находки последнего времени (недавно получено еще одно сообщение — о хранящихся в библиотеке Колумбийского университета в Нью-Йорке альбомах А. М. Верещагиной-Гюгель с автографами и рисунками Лермонтова) свидетельствуют о том, что процесс собирания первоисточников произведений Лермонтова не завершен. Многое еще может измениться в прочтении и в объяснении лирики Лермонтова, если будут обнаружены затерянные автографы и документы, содержащие сведения о тех стихотворениях, которые не поддаются в настоящее время полному комментированию.

---

[1] См: «Литературное наследство», т. 58, М., 1952, стр. 394—395.

[2] См.: Б. М. Эйхенбаум. Казанская тетрадь Лермонтова. «Литературное наследство», т. 45—46 М., 1948, стр. 3—10.

1828

Осень (стр. 9). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В автографе — поставленная Лермонтовым дата: «(1828)».

Заблуждение Купидона (стр. 10). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В автографе — поставленная Лермонтовым дата: «(1828)».

Стихотворение написано в период учения Лермонтова в Московском университетском пансионе, где практическими занятиями по словесности руководил С. Е. Раич, поэт и переводчик, признанный знаток античной литературы.

Цевница (стр. 11). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1861 г. в «Библиографических записках».

В автографе — поставленная Лермонтовым дата: «(1828)».

Муза, грации, зефир, цевница — традиционные образы классической поэзии. Обращение к этим образам, как и некоторая архаичность языка («зрел», «взлелеянных», «веселие» и т. д.), — дань юного Лермонтова литературной школе, которую представляли пансионские преподаватели А. Ф. Мерзляков и С. Е. Раич (см. примечание к предыдущему стихотворению).

Поэт (стр. 12). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1872 г. в «Русской старине».

Творческую мысль Лермонтова рано стали занимать философско-эстетические проблемы. Этому во многом

способствовало идейное направление литературного кружка, которым руководил пансионский преподаватель С. Е. Раич. В альманахе «Цефей» на 1829 г., где печатались произведения членов этого кружка, появилось сходное стихотворение «Видение Рафаэля», подписанное буквой «К».

Другой участник кружка Иосиф Грузинов опубликовал позднее (в сборнике «Отблески поэзии», 1849) свое юношеское стихотворение «Поэт»:

Слыхали ль вы старинное преданье,
Как Рафаэль Мадонну написал?
Ее не смел писать он без призванья,
И для святой он вдохновенья ждал...

Затем во сне художник видит образ Марии и принимается за картину, горя «восторгом неземным»:

Окончен труд и сам он удивился;
Склонился он возвышенным челом,
Перед созданием своим молился
Он сам в благоговении немом!
Таков поэт всегда во всем.
Ждет вдохновенья свыше он.
Вдруг грудь его полна огнем,
Мечтой живой он окрилен... и т. д.

1829

К П.....ну (стр. 13). При жизни поэта не печаталось. Цензура запретила публикацию стихотворения в «Отечественных записках» в 1847 г. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В автографе в первом стихе имя Петерсона написано Лермонтовым с пропуском средних букв.

Обращено к товарищу поэта по пансиону Дмитрию Васильевичу Петерсону.

Строки 8—9 заимствованы из стихотворения Хомякова «Три стакана шампанского», напечатанного в «Московском вестнике» в 1828 г.:

Там дружба дружбы не обманет,
Любовь любви не изменит.

К Д....ву (стр. 14). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Обращено к ближайшему товарищу Лермонтова по пансиону Дмитрию Дмитриевичу Дурнову. Ему же посвящены стихотворения 1829 г.: «Русская мелодия», «К другу», «Романс», пятый набросок в «Портретах» и написанное, по всей вероятности, в начале 1830 г. стихотворение «К Дурнову».

Стихотворение имеет сходные мотивы с посвящением Рылеева А. А. Бестужеву к поэме «Войнаровский», напечатанной полностью в 1825 г.

Посвящение. N. N. (стр. 15). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В автографе — позднейшая помета Лермонтова: «(При случае ссоры с Сабуровым)».

Обращено к товарищу Лермонтова по пансиону Михаилу Ивановичу Сабурову.

Последние две строки заимствованы из стихотворения Пушкина «Коварность», напечатанного в «Московском вестнике» в 1828 г. и в собрании стихотворений 1829 г.:

Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

Пир (стр. 16). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

В автографе — позднейшая помета Лермонтова: «К Сабурову. (Как он не понимал моего пылкого сердца?)»

О Сабурове см. примечание к предыдущему стихотворению.

Стих «Под сень черемух и акаций» заимствован из шестой главы «Евгения Онегина» Пушкина (строфа VII), напечатанной в 1828 г.

Веселый час (стр. 17). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В подзаголовке указывается на то, что данное стихотворение является переводом с французского. Однако

оригинальный источник текста не установлен. Существует предположение, что стихотворение является стилизацией тюремных песен Беранже. В конце 1828 г. в России публиковались материалы о суде над французским поэтом, приговоренным к девятимесячному тюремному заключению за сборник его стихов.

К друзьям (стр. 19). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Строка «Дума на сердце лежит» взята из стихотворения Н. Ф. Павлова «К друзьям», напечатанного в журнале «Московский вестник» в 1828 г.

Эпиграмма (стр. 20). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Является стихотворным переложением афоризма, напечатанного в альманахе «Цефей» на 1829 г. (см. т. VI акад. изд., стр. 397).

Мадригал (стр. 21). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Романс (стр. 22). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Поводом для создания стихотворения послужил отъезд в Италию С. П. Шевырева, сотрудника журнала «Московский вестник». Лермонтов был хорошо осведомлен о делах этого журнала через пансионского преподавателя С. Е. Раича.

Начальный стих «Романса» сходен с первой строкой стихотворения «Надежда» А. Подолинского, напечатанного в альманахе «Подснежник» в 1829 г. («Бесплодной жизнью недовольный»).

Заключительные два стиха являются перефразировкой следующих строк из стихотворения Пушкина «Зимняя дорога» (напечатанного в «Московском вестнике» в 1828 г.):

Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Портреты (стр. 24). При жизни поэта не печатались. Впервые опубликованы: первое в 1859 г. в «Оте-

чественных записках», остальные в 1871 г. в «Русской мысли».

В автографе к первому из портретов Лермонтов сделал позднее следующую приписку: «(Этот портрет был доставлен одной девушке: она в нем думала узнать меня: вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта)».

Предполагают, что второй портрет списан с одноклассника Лермонтова, члена пансионского литературного кружка поэта Иосифа Романовича Грузинова (1812—1853) (см. примечание к стихотворению «Поэт») В сборнике 1849 года «Отблески поэзии» И. Грузинов опубликовал юношеское стихотворение «К М... Ю...», связанное по теме с пансионскими стихотворениями Лермонтова «К друзьям», «Пир» и др.:

Не трать своих блестящих взоров
И к наслажденьям не зови,
Не расточай ты разговоров
Со мной о дружбе и любви.
Я не люблю наш мир преступной
И в нем не верю ничему,
Не верю дружбе неподкупной,
Не верю сердцу и уму.
Не для меня любви обеты;
Нет! в мир любви не улечу,
Я, как визитом, за приветы
Приветом холодно плачу...

По всей вероятности, и другие портреты посвящены также пансионским товарищам поэта. Например, в пятом портрете такие черты, как «веселая улыбка», «открытен всегда, постоянен», «не знает горячих страстей», совпадают с лермонтовской же характеристикой Дмитрия Дурнова.

В стихотворении «К Д....ву» упоминается «нежно-постоянная дружба» и «веселые речи» Дурнова. В приписке к автографу стихотворения «Русская мелодия» говорится об его открытой и доброй душе. В «Романсе», адрессованном Дурнову, снова говорится о «нежной душе» и о том, что адресат не знает «в юности страстей прилив».

К Гению (стр. 27). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

В автографе — позднейшая помета Лермонтова: «(Напоминание о том, что было в ефремовской деревне в 1827 году — где я во второй раз полюбил 12 лет — и поныне люблю)».

Принято считать, что здесь говорится о сверстнице и кузине поэта — Анне Григорьевне Столыпиной, впоследствии Философовой. С тем же образом связаны стихотворения: «К. . .» («Не привлекай меня красой») и «Дереву».

По предположению В. А. Мануйлова, речь идет не об Анне, а об Агафье Столыпиной.

«Ефремовская деревня» — Кропотово, имение отца Лермонтова в Ефремовском уезде Тульской губернии, где поэт жил летом 1827 г.

Тирс и золотая лира — эмблемы вдохновенной поэзии.

Покаяние (стр. 29). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Это первое стихотворение на тему, к которой поэт впоследствии возвращается неоднократно, — о любви, не освященной законом. Образ падшей женщины, духовно свободной в самом своем падении, интересовал поэта прежде всего в плане этическом (ср. стихотворения: «Девятый час; уж темно; близ заставы», «Прелестнице», «Договор», поэма «Сашка»). В литературе 40-х годов, в произведениях писателей натуральной школы, эта же тема получила прежде всего социальное освещение.

Письмо (стр. 31). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1872 г. в «Русской старине».

В автографе — позднейшая помета Лермонтова: «Это вздор».

Война (стр. 33). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова: «(В пансионе)». Написано в связи с событиями на Балканском фронте во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

Русская мелодия (стр. 34). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

В автографе — позднейшая помета Лермонтова», затем зачеркнутая: «(Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов — друг — которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу — он мой первый и последний)». Имеются в виду литературные занятия, которыми руководил в пансионе С. Е. Раич.

Д. Д. Дурнов — близкий товарищ Лермонтова по пансиону (см. примечание к стихотворению «К Д...ву»).

Песня («Светлый призрак дней минувших», стр. 35). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

К..... («Не привлекай меня красой», стр. 36). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

В автографе — позднейшая помета Лермонтова: «(А. С.) (Хотя я тогда этого не думал)».

А. С. — см. примечание к стихотворению «К Гению».

Романс («Невинный нежною душою», стр. 37). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В автографе — позднейшая помета Лермонтова: «(Дурнову)».

Д. Д. Дурнов — ближайший товарищ Лермонтова по пансиону (см. примечание к стихотворению «К Д....ву»).

Три ведьмы (стр. 38). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1860 г. в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей».

Стихотворение представляет собой неточный перевод отрывка из шиллеровской переделки «Макбета» Шекспира (акт I, явление 4).

К 1829 г. относятся и другие переводы Лермонтова из Шиллера — «К Нине», «Встреча», «Баллада», «Перчатка», «Дитя в люльке», «К*» («Делись со мною тем, что знаешь»).

Увлечение Шиллером характерно для того эстетического направления, которое сформировалось в России в конце 20-х годов под влиянием немецкой философии, в частности Шеллинга. На страницах «Московского вестника» — журнала, внимательно читавшегося Лермонтовым в пансионские годы, — переводы из Шиллера занимали значительное место. В 1828—1829 гг. здесь печатались в отрывках «Смерть Валленштейна», «Дон Карлос», «Вильгельм Телль», «Мессинская невеста».

К Нине (стр. 40). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1860 г. в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей».

Представляет собой перевод стихотворения Шиллера «К Эмме».

К N. N. (стр. 41). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1881 г. в «Русской мысли»

В автографе — позднейшая помета: «(К Сабурову — наша дружба смешана с столькими разрывами и сплетнями — что воспоминания об ней совсем не веселы. — Этот человек имеет женский характер. — Я сам не знаю, отчего так дорожил им)».

М. И. Сабуров — одноклассник Лермонтова по пансиону. Ему же адресовано «Посвящение. N. N.».

Эпиграммы (стр. 42). При жизни поэта не печатались. Впервые опубликованы: 1 и 6 — в 1881 г. в «Русской мысли», 2 и 4 — в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова, 3 — в 1872 г. в «Русской старине», 5 — в 1859 г. в «Отечественных записках».

Эпиграммы 1, 2 и 5 являются стихотворным переложением афоризмов, напечатанных в альманахе «Цефей» на 1829 г., с подписью «N. N.» (см. акад. изд., т. VI, стр. 396, 398 и 399).

Существует предположение, что эпиграмма 3 относится к поэту и журналисту П. И. Шаликову, а эпиграмма 4 — к писателю Н. Ф. Павлову.

К Грузинову (стр. 44). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

О Грузинове см. в примечаниях к стихотворениям «Поэт» и «Портреты».

Наполеон («Где бьет волна о брег высокой», стр. 45). При жизни поэта не печаталось. Впервые

опубликовано полностью в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Это первое из стихотворений Лермонтова, посвященных Наполеону, — «К ***» («Не говори: одним высоким»), «Наполеон» («В неверный час, меж днем и темнотой»), «Эпитафия Наполеона», «Св. Елена», «Воздушный корабль», «Последнее новоселье». В нем уже наметились основные линии, по которым и в дальнейшем развивалась наполеоновская тема в творчестве Лермонтова: психологический интерес к трагической судьбе «героя дивного», к «истории страстей» этого великого человека и осмысление исторической роли Наполеона («скипетром стальным короны разбивал», «ты побежден московскими стенами»).

Диана (у греков Артемида) — богиня луны.

Пан (стр. 48). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1861 г. в «Библиографических записках».

В автографе — позднейшая помета: «(В Середникове)».

Лето 1829 г. Лермонтов провел в Середникове, подмосковном имении своих родственников со стороны бабушки — Столыпиных.

Подзаголовок («В древнем роде») — см. примечание к стихотворению «Цевница».

Пан — в греческой мифологии сын бога Гермеса, покровитель стад и пастухов, божество, олицетворявшее природу. Его песни и игра на свирели символизировали поэзию. Хмель и сосуд с опьяняющим напитком служили эмблемой радости жизни. Изображался в виде человека с козлиными ногами, рогами и бородой.

Жалобы турка (стр. 49). При жизни поэта не печаталось. С пропусками текста опубликовано впервые в Берлине в 1862 г., полностью — в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Острое политическое содержание стихотворения — скорбь об угнетенной родине — вынудило поэта прибегнуть к иносказанию, замаскировать русские впечатления заглавием «Жалобы турка».

По своей революционно-патриотической устремленности стихотворение отражало традиции декабристов.

По содержанию имеет соответствие с пушкинской «Деревней», распространявшейся в то время в списках.

Первый стих «Ты знал ли дикий край, под знойными лучами» сходен с началом известного стихотворения Гете «Kennst du das Land» («Знаешь ли ты страну») из «Вильгельма Мейстера» (ср. эпиграф к стихотворению Пушкина «Кто знает край, где небо блещет», 1827).

«Абидосская невеста» Байрона также начинается сходными стихами: «Кто знает край далекий и прекрасный, Где кипарис и томный мирт цветут» (перевод Ивана Козлова, 1826).

К N N. *** (стр. 50); **Черкешенка** (стр. 51); **Ответ** (стр. 52). При жизни поэта не печатались. Впервые опубликованы в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Два сокола (стр 53). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Грузинская песня (стр. 55). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано полностью в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В автографе — позднейшая помета: «(Слышано мною что-то подобное на Кавказе)».

Лермонтов жил на Кавказе с 1825 г. в станице Шелковской на Тереге, в имении своих родственников Хастатовых.

Мой демон (стр. 57). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Это первое произведение Лермонтова, связанное с образом Демона. В том же 1829 г. поэт делает первый набросок поэмы «Демон», над которой потом работает всю жизнь. (Ср. также поэмы «Ангел смерти», «Азраил»).

Демоническими чертами наделены и Вадим в одноименном романе и Арбенин в драме «Маскарад». «Демонизм», распространенный в европейской романтической литературе и в русской поэзии 20—30-х годов XIX в., получил у Лермонтова не только этическое, но и политическое осмысление. В нем нашел выражение могучий протест поэта против застойных явлений русской действительности

Непосредственную связь данное стихотворение имеет со стихотворением Пушкина «Демон», опубликованным в 1824 г. в «Мнемозине».

Жена Севера (стр. 58). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

К другу (стр. 59). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано полностью в 1881 г. в «Русской мысли».

Первоначальное заглавие в автографе — «Эпилог (К Д. . . .ву)».

Дмитрий Дурнов — см. примечание к стихотворению «К Д. . . .ву».

Полемические интонации стихотворения свидетельствуют о том, что между членами кружка велись серьезные споры по вопросам эстетики — в данном случае о предмете поэзии, о понятиях высокого и низкого в искусстве.

Элегия (стр. 60). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

«Забывши волнения жизни мятежной» (стр 61). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Набросок представляет собой начало стихотворения. В автографе он зачеркнут.

К *** («Глядися чаще в зеркала», стр. 62). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Кому адресовано — не установлено.

В день рождения N.N. (стр. 63). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Есть предположение, что стихотворение адресовано М. Сабурову, однокласснику Лермонтова по пансиону.

К *** («Мы снова встретились с тобой», стр. 64). При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Кому адресовано — не установлено.

Монолог (стр. 65). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Стихи: «К чему глубокие познанья, жажда славы, Талант и пылкая любовь свободы, Когда мы их употребить не можем» являются полемикой Лермонтова с требованием русских шеллингианцев ограничить задачи искусства самопознанием. В 1827 г. поэт Д. В. Веневитинов, теоретик русских последователей философии Шеллинга, писал в журнале «Московский вестник»:

«Всякому человеку, одаренному энтузиазмом, знакомому с наслаждениями высокими, представлялся естественный вопрос: для чего поселена в нем страсть к познанию и к чему влечет его непреоборимое желание действовать?.. К самопознанию, отвечает нам книга природы».

Лермонтов ответил на этот вопрос иначе. Он выступил с резким обличением политического бездействия современников в условиях последекабрьской реакции. Поставленная в данном стихотворении тема получила полное развитие в стихотворении «Дума» и романе «Герой нашего времени»

Встреча (стр. 66). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1860 г. в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей».

Является вольным переводом двух первых строф стихотворения Шиллера «Die Begegnung» («Встреча»).

Баллада («Над морем красавица-дева сидит», стр. 67). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1860 г. в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей».

Написано под влиянием двух баллад Шиллера: «Der Taucher» («Водолаз») и «Der Handschuh» («Перчатка»).

Перчатка (стр. 69). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1860 г. в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей».

Является неполным переводом баллады Шиллера «Der Handschuh» («Перчатка»).

Дитя в люльке (стр. 72). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1860 г. в издании

«Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей».

Является переводом стихотворения Шиллера «Das Kind in der Wiege» («Дитя в люльке»).

К * («Делись со мною тем, что знаешь», стр. 73). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1860 г. в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей».

Вольный перевод стихотворения Шиллера «An*».

Молитва («Не обвиняй меня, всесильный», стр. 74). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

1830

Кавказ (стр. 75). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г в «Библиотеке для чтения».

Написано весной 1830 г.; Лермонтов был на Кавказе в 1825 г. — за 5 лет до создания данного стихотворения. К этому периоду относится первое увлечение поэта — девятилетней девочкой. Он рассказывает об этом в заметке от 8 июля 1830 г.: «...Белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность... я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священны...» (см. т. IV настоящего издания, «Планы, заметки, сюжеты»).

К *** («Не говори: одним высоким», стр. 76). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1887 г. в собрании сочинений под редакцией Ефремова.

Входит в цикл стихотворений, посвященных Наполеону, — см. примечание к стихотворению «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой»).

Опасение (стр. 77); **Стансы** («Люблю, когда, борясь с душою», стр. 78). При жизни поэта не печатались. Впервые опубликованы в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Н. Ф. И....вой (стр. 79). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках» с искаженным заглавием «М. Ф. М...вой».

Это первое стихотворение из лирического цикла, посвященного Наталии Федоровне Ивановой, в замужестве Обресковой (1813—1875), дочери московского драматурга Ф. Ф. Иванова.

Стихотворения 1830—1832 гг., обращенные к этой женщине, можно рассматривать как лирический дневник, в котором отразилась не только история обманутой любви поэта, но и история его идеологических исканий (ср. драму «Странный человек»).

«Ты помнишь ли, как мы с тобою» (стр. 81). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1842 г. в «Отечественных записках».

Автограф не сохранился.

Это перевод стихотворения «The evening gun» («Вечерний выстрел») английского поэта Томаса Мура. Сделан Лермонтовым, по всей вероятности, в 1830 г. Как свидетельствует современник Лермонтова В. С. Межевич, учившийся в это время в Московском университете, данный перевод был помещен в одном из изданий университетского пансиона. Таких изданий было в 1830 г. четыре — «Арион», «Улей», «Пчелка», «Маяк» («Северная пчела», 1849, № 284, стр. 1134—1135).

Весна (стр. 82). Стихотворение было опубликовано при жизни Лермонтова в «Атенее» (1830, ч. 4) с подписью «L».

Это первое попавшее в печать произведение поэта. Автограф его не сохранился. По утверждению сверстницы Лермонтова Е. А. Сушковой (см. примечание к стихотворению «К Сушковой»), это стихотворение написано для нее во время пребывания поэта в подмосковном имении Столыпиных — Середникове.

Ночь. I («Я зрел во сне», стр. 83). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В лето 1830 г. Лермонтов начал знакомиться с Байроном. К этому времени относится прозаический перевод Лермонтова из Байрона — «Мрак. Тьма», а также заметка: «Перевесть в прозе: The Dream, of Lord Byron...» (см. т. IV настоящего издания). Данное стихотворение и написано под влиянием таких стихотворений Байрона, как «The Dream» («Сон») и «Darkness» («Тьма»).

Разлука (стр. 86). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Существует предположение, что стихотворение обращено к М. Сабурову, однокласснику Лермонтова по Университетскому пансиону.

Ночь. II («Погаснул день», стр. 87). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Написано под влиянием Байрона (см. примечание к стихотворению «Ночь. I»).

«В старинны годы жили-были» (стр. 90). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова. Стихотворение не закончено.

«Had we never loved so kindly» (стр. 91). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Это неточный перевод эпиграфа к поэме Байрона «Абидосская невеста», взятого из стихотворения Роберта Бернса «Прощальная песнь к Кларинде». Лермонтов обращался к этому переводу два раза — в 1830 и 1832 гг.

Незабудка (стр. 92). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках».

В автографе первоначально была следующая концовка (затем зачеркнутая):

Вы, верно, спросите: девица
Жила, грустила мало дней?
Конечно, ранняя могила
Горючи слезы осушила? —
Нет — беспристрастно посмотрев
На нынешних, прелестных дев,
Вы это отгадайте сами:
Они (весь мир тому судья)
В своем характере, друзья,
Не изменяются веками! . .

Существует предположение, что это — переделка одноименного стихотворения («Vergissmeinnicht») немецкого поэта Августа Платена (М. Ю. Лермонтов, Собр. соч. в 4-х томах, т. 1, М, 1957, стр. 368).

Совет (стр. 95). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Написано под влиянием стихотворения Пушкина «Если жизнь тебя обманет. Не печалься, не сердись», напечатанного в 1825 г.

Стихотворение включено полностью в трагедию Лермонтова «Menschen und Leidenschaften» (действие I, явление 4).

Одиночество (стр. 96). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1884 г. в «Ниве».

В альбом («Нет! — я не требую вниманья», стр. 97). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в «Библиотеке для чтения» с подзаголовком «Подражание Байрону».

Автограф перечеркнут. Ему предшествует другая редакция этого стихотворения, также зачеркнутая:

В альбом

1

Прими, хотя и без вниманья,
Моей души печальный бред;
Чудак безумный, в цвете лет,
Я вяну жертвою страданья.

2

Пусть эти строки над собой
На миг удержат взор твой милый,
Как близ дороги столбовой
Пришельца памятник могилы.

Стихотворение представляет собой вольный перевод стихотворения Байрона «Lines written in an Album at Malta» («Стихи, написанные в альбом на Мальте»). В 1836 г. Лермонтов снова переводит это стихотворение с бо́льшим приближением к подлиннику под названием «В альбом. (Из Байрона)».

Гроза (стр. 98). При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике»

«Гроза шумит в морях с конца в конец» (стр. 99). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова как продолжение стихотворения «Гроза».

Звезда («Светись, светись, далекая звезда», стр. 100). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Еврейская мелодия («Я видал иногда, как ночная звезда», стр. 101). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в «Библиотеке для чтения».

По названию совпадает с «Еврейскими мелодиями» Байрона, но сходного стихотворения среди них нет.

Вечер после дождя (стр. 102). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1891 г. в «Северном вестнике».

Наполеон («В неверный час, меж днем и темнотой», стр. 103). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1881 г. в «Русской мысли».

Стихи: «Сей острый взгляд с возвышенным челом И две руки, сложенные крестом» и последние два стиха являются перефразировкой стихов 13—14 строфы XIX главы VII «Евгения Онегина» Пушкина.

Входит в цикл стихотворений Лермонтова, посвященных Наполеону, — см. примечание к стихотворению «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой»).

Эпитафия Наполеона (стр. 106). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1881 г. в «Русской мысли».

О теме Наполеона в творчестве Лермонтова см. примечание к стихотворению «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой»).

К глупой красавице (стр. 107). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В автографе — позднейшая помета: «(Меня спрашивали, зачем я не говорю с одной девушкой, а только смотрю...)».

Очн. N.N. (стр. 108). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Кавказу (стр. 109). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Написано в связи с военными событиями на Кавказе. В начале 1830 г. вспыхнуло восстание горцев в Чечне, затем в Дагестане. Национально-освободительное движение подавлялось царскими войсками.

Утро на Кавказе (стр. 110). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Интерес Лермонтова к Кавказу (см. примечание к стихотворению «Грузинская песня») обострился в 1830 г. в связи с известиями о национально-освободительном движении горцев (ср. стихотворения «Кавказ» и «Кавказу»).

«Прости, мой друг!.. как призрак, я лечу» (стр. 111); **Челнок** («Воет ветр и свистит пред недальной грозой», стр. 112); **Отрывок** («На жизнь надеяться страшась», стр. 114). При жизни поэта не печатались. Впервые опубликованы в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

«Оставленная пу́стынь предо мной» (стр. 118). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках» (первая часть) и в 1882 г. в «Русской мысли» (вторая часть).

Вместо заглавия в автографе пометы: «(В Воскресенске. Написано на стенах [пу́стыни] жилища Никона). 1830 года». Перед второй частью стихотворения помета: «(Там же в монастыре)».

Воскресенский монастырь, основанный патриархом Никоном, находился в 53 верстах от Москвы. В 1941 г. разрушен.

Лермонтов был летом 1830 г. в Середникове — подмосковном имении Столыпиных. По всей вероятности, из Середникова и была совершена поездка в Воскресенский монастырь.

К... («Простите мне, что я решился к вам», стр. 120). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Ночь. III («Темно. Всё спит», стр. 121). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В автографе — позднейшая помета: «(Сидя в Середникове у окна)».

Середниково — см. примечание к стихотворению «Оставленная пустынь предо мной».

Farewell (стр. 122). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

В черновом автографе — заголовок «(Прости) из Байрона» Это перевод стихотворения Байрона «Farewell! if ever fondest prayer» («Прощай! если когда-либо самая горячая молитва»).

Элегия («Дробись, дробись, волна ночная», стр. 123). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г. в «Библиотеке для чтения».

Эпитафия («Простосердечный сын свободы», стр. 125). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Стихотворение, по всей вероятности, является автоэпитафией. Все его мотивы, в большинстве случаев дословно, повторены в автобиографической трагедии «Menschen und Leidenschaften» в применении к образу Юрия Волина. Трагедия писалась в том же 1830 г.

О простосердечии и свободе — см. в монологе Юрия «Ты правду говоришь, товарищ» (действие I, явление 5). «Для чувств он жизни не щадил» — основная характеристика Юрия Волина, погибшего в ранней молодости жертвой страстей. «И верные черты природы Он часто списывать любил» — ср. в монологе Юрия слова: «...Помнишь ли, как нетерпеливо старался я узнавать сердце человеческое, как пламенно я любил природу...» (действие I, явление 5).

О философских увлечениях Юрия — см. действие II, явление 2. «Он верил темным предсказаньям, И талисманам, и любви» — трагическая любовь Юрия к двоюродной сестре окружена в пьесе мистической атмосферой предчувствий (см. слова Юрия: «...от колыбели какое-то странное предчувствие мучило меня...», действие I, явление 5), предсказаний (см. слова Любови: «Я смутно помню, что когда-то я была у Троицкой Лавры — и мне схимник предсказал много горестей. — О, святой старик, зачем твое предсказание исполнилось?», действие I, явление 6).

О перстне — талисмане любви — см. в монологе Юрия «Наши сердечные связи расторгнуты...» (действие IV, явление 5)

О «неестественных желаньях» — см. в сцене объяснения Юрия и Любови слова последней: «...узы родства, которые связывают нас вместе, разрывают сердца наши... — забудь свои безумные желанья...» (действие II, явление 4).

«Он умер ~ Он не был создан для людей» — умирая, Юрий Волин произносит: «...Мы с тобой не были созданы для людей» (действие V, явление 10). Ср также в стихотворении «К ***» («Когда твой друг с пророческой тоскою»): «...меж людей Он не годился ~ ... погиб во цвете лучших дней».

В той же тетради, где находится данное стихотворение, имеется заметка, первоначальное заглавие которой было: «Моя эпитафия» -

Sentenz (стр. 126). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Стихотворение связано с предыдущим пометой Лермонтова в автографе: над текстом «Эпитафии» стоит цифра «1», над «Сентенцией» — «2».

Гроб Оссиана (стр. 127). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1873 г. в «Русской старине».

В автографе — позднейшая помета: «(узнав от путешественника описание сей могилы)».

Оссиан — легендарный шотландский певец, живший по преданиям в III в. Интерес Лермонтова к Шотландии, которую он называет «моей» и «родимой», объясняется тем, что Лермонтовы считали себя потомками Лермонта, выходца из этой страны

Посвящение («Прими, прими мой грустный труд», стр. 128). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

По всей вероятности, стихотворение является первоначальным вариантом посвящения к трагедии «Menschen und Leidenschaften», над которой Лермонтов в это время работал.

«Прими, прими мой грустный труд» соответствует стиху «Я строки грустные писал» из оконча-

тельного текста посвящения к «Menschen und Leidenschaften».

Стихи: «Я думал, думал всё об ней ~ Уж нет ее и слез уж нет» — воспоминание поэта о матери, умершей, когда ему было три года. Об этой утрате много говорится и в трагедии, имеющей автобиографические черты («Menschen und Leidenschaften», см. действие I, явление 1 и действие III, явление 2).

Стихи: «Блестит надменный, глупый свет ~ И гордых дум не постигал» — по всей вероятности, отклик Лермонтова на мысли, высказанные Пушкиным в стихотворениях «Чернь» (напечатано в 1829 г. в «Московском вестнике») и «К вельможе» (напечатано в мае 1830 г. в «Литературной газете»).

Слова «Ужели важному шуту Я вдохновенье посвящал» (и далее — о злате) могут относиться к Н. Б. Юсупову, адресату стихотворения «К вельможе».

Кладбище (стр. 129). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В автографе — помета: «(На кладбище написано)» и дата — «1830».

Посвящение («Тебе я некогда вверял», стр. 130). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Моя мольба (стр. 131). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках».

В автографе — помета: «(После разговора с одной известной очень мне старухой, которая восхищалась и читала и плакала над Грандисоном)». Имеется в виду сентиментальный роман «История кавалера Грандисона» английского писателя Ричардсона (1689—1761).

К Су⟨шковой⟩ (стр. 132). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в «Библиотеке для чтения».

В автографе рядом с заглавием — приписка Лермонтова: «(При выезде из Середникова к Miss black-eyes. Шутка — преположенная от M. Kord)».

«Miss black-eyes» («черноокая») — Е. А. Сушкова (в замужестве Хвостова), московская приятельница Лермонтова, автор «Записок», в которых рассказывается история ее отношений с поэтом в годы его уче-

ния в Университетском пансионе и в 1835 г. в Петербурге. К ней и обращено стихотворение.

Свидетельства Сушковой о Лермонтове не всегда объективны и достоверны, однако в ряде случаев они служат единственным дошедшим до нас источником текста стихотворений, автографы которых не сохранились, и сведений о дате их написания.

В данном случае Сушкова утверждает, что стихотворение, ей посвященное, написано в Середникове 12 августа 1830 г., накануне отъезда Лермонтова в Москву после окончания летних каникул (Е. А. Сушкова-Хвостова. Записки, изд. Academia,, 1928, стр. 112).

Мистер Корд — гувернер сверстника и двоюродного дяди Лермонтова, Аркадия Столыпина.

Гость («Как прошлец иноплеменный», стр. 133). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

1830. Мая. 16 число (стр. 135). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано (начальные шесть стихов) в 1887 г. в собрании сочинений под редакцией Ефремова с заголовком: «Предчувствие. (Отрывок)». Полностью — в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

К *** («Не думай чтоб я был достоин сожаленья», стр. 136). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

В черновом автографе — помета Лермонтова: «(Прочитав жизнь Байрона ‹написанную› Муром)» и дата: «(1830)».

Письма и дневники Байрона с подробными биографическими примечаниями, изданные английским поэтом Томасом Муром, вышли в Лондоне в 1830 г. и в том же году в Париже, в переводе на французский язык.

В поэзии и судьбе Байрона Лермонтов видел для себя высокий идеал. В исторически сходной обстановке (духовная и политическая реакция после революционных событий) Лермонтова не могла не привлечь «личность человеческая возмутившаяся против общего и, в гордом восстании своем, опершаяся на самого себя» (Белинский). Сочетание глубокой философской мысли и политической активности, поэзия «сердечных мук»,

борьбы и подвига, характерные для Байрона, были близки и Лермонтову.

«О если б одинаков был удел» — Байрон в расцвете славы участвовал в освободительном движении итальянских карбонариев и отдал жизнь в борьбе за национальную независимость греческого народа (в 1824 г.).

Эпитафия («Кто яму для других копать трудился», стр. 137). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Дереву (стр. 138). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1882 г. в «Русской мысли».

В автографе рядом с заголовком — помета: «(1830)».

С данным стихотворением связана по содержанию заметка на следующем листе тетради: «[Моя эпитафия] Мое завещание (Про дерево, где я сидел с А. С.)».

А. С. — см примечание к стихотворению «К Гению».

Предсказание (стр. 140). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1862 г. в Берлине.

В автографе рядом с заглавием — помета: «(Это мечта)».

Написано в связи с крестьянскими восстаниями в России в 1830 г., которые привели Лермонтова к мысли о неизбежности революции.

Мрачный колорит, в котором изображается стихийная народная революция, был характерен для романтической литературы, отражавшей позиции революционного дворянства. Как и у Пушкина, тираноборческие идеи у Лермонтова влекли за собой представление о жестокости народного бунта, о кровавом пире свободы (ср. у Пушкина — «кровавая пелена», «буря мрачная» в стихотворении «Андрей Шенье», 1825; «свобода грозная», «мрачный ужас» в стихотворении «К вельможе», 1830, и др.). Лермонтов посвящает особое произведение волновавшей его теме народного восстания (незаконченный роман о пугачевщине — «Вадим», 1833—1834).

«Черный год» — так называлось обычно в современной поэту литературе время пугачевского восстания.

«Всё тихо — полная луна» (стр 141); **«Никто, никто, никто не усладил»** (стр. 142). При жизни поэта

не печатались. Впервые опубликованы в 1882 г. в «Русской мысли».

1830 год. Июля 15-го (стр. 143). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Булевар (стр 145). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В автографе — заметка: «В следующей сатире всех разругать, и одну грустную строфу. Под конец сказать, что я напрасно писал и что если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно — лучше». После текста приписка: «(Продолжение впредь)».

Лермонтов высмеивает в сатире московскую знать, завсегдатаев Тверского бульвара.

В строфе 4 имеется в виду князь П. И. Шаликов, издатель «Дамского журнала», объект многочисленных эпиграмм и карикатур в литературе того времени.

Ф. И. Мосолов — генерал, проживавший в Москве на Тверском бульваре.

Адресаты других сатирических портретов не установлены.

Песнь барда (стр. 149) При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

10 июля. (1830) (стр. 151). При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1862 г. в Берлине.

Стихотворение не закончено. Отсутствие полного текста не дает возможности окончательно установить, о каком народном восстании говорит поэт. Высказывались предположения, что стихотворение является откликом либо на события Июльской революции 1830 г. во Франции. либо на восстание горцев на Кавказе, либо на восстание 1830 г. в Польше, либо на национально-освободительное движение 1830 г в Албании. Однако поставленная Лермонтовым дата и смысл отдельных строк (упоминание Суворова, фраза о поражении царских войск) не вполне соответствуют историческим данным каждого из названных событий.

«Победы мрачный знак» — см. примечание к стихотворению «Предсказание».

Благодарю! (стр 152). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в «Библиотеке для чтения».

Автограф не сохранился.

Как утверждает Е. А. Сушкова (см. примечание к «К Сушковой»), стихотворение посвящено ей и написано 12—13 августа 1830 г.

Нищий (стр. 154). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в «Библиотеке для чтения».

Автограф не сохранился.

По воспоминаниям Е. А. Сушковой, стихотворение посвящено ей и написано в середине августа 1830 г. в Троице-Сергиевой лавре, куда молодежь ходила из Середникова на богомолье. Мемуаристка рассказывает при этом о следующем эпизоде, послужившем сюжетной основой для стихотворения: «На паперти встретили мы слепого нищего Он дряхлою дрожащею рукою поднес нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: „пошли вам бог счастие, добрые господа; а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!“».

К... («Не говори: я трус, глупец», стр. 155). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Чума в Саратове (стр. 156). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в «Русской мысли» в 1883 г.

В автографе рядом с заглавием — помета: «(Cholera-morbus)» и дата: «1830 года августа 15 дня».

Написано в связи с эпидемией холеры, распространившейся на Поволжье

«Плачь! плачь! Израиля народ» (стр. 157). При жизни поэта не печаталось. Это первоначальный набросок «Еврейской мелодии» для драмы «Испанцы», опубликованный впервые в 1880 г. в собрании сочинений под редакцией Ефремова.

30 июля. — (Париж). 1830 года (стр. 158). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1883 г. в «Русской мысли».

Стихотворение является откликом на события Июльской революции 1830 г. во Франции. Лермонтов приветствует восстание как торжество вольности над тиранией. Однако по романтической традиции изображению революции сопутствуют кровавые образы смерти и насилия (ср. «Предсказание»).

«Ты мог быть лучшим королем ~ Ты в бегстве уронил венец» — имеется в виду отречение от престола французского короля Карла X, бежавшего затем в Англию.

Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор», стр. 160). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в «Библиотеке для чтения».

В автографе — под заглавием дата: «(1830 года)» «(26 августа)».

Рядом с текстом нарисован пером портрет девушки, по всей вероятности, Е. А. Сушковой.

Чума (стр. 162). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1883 г. в «Русской мысли».

В автографе — дата: «(1830. Августа)».

Это отрывок какого-то большого произведения, задуманного Лермонтовым в связи с эпидемией холеры, двигавшейся с юга России и распространившейся в Москве в начале сентября 1830 г.

Строфы в автографе пронумерованы. Текст начинается с 79-й строфы Конец произведения отсутствует. Строфа 85 Лермонтовым зачеркнута:

Когда ж потом в себя пришел живой
И увидал, что унесен мертвец,
Он завернулся в плащ широкий свой,
Чтоб ожидать бестрепетно конец.
И стал в глазах двоиться луч дневной,
Глава отяжелела как свинец,
И душу рок от тела оторвал —
И будто сноп на землю он упал!

«Нередко люди и бранили» (стр. 165); **Романс** («В те дни, когда уж нет надежд», стр. 166). При жизни поэта не печатались. Впервые опубликованы

в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Написаны в августе 1830 г.

Отрывок («Приметив юной девы грудь», стр. 167). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1891 г. в собрании сочинений под редакцией Введенского.

Написано в августе 1830 г.

Баллада («Берегись! берегись! над бургосским путем», стр. 168). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1862 г. в Берлине.

Написано в августе 1830 г.

Это незавершенный и не вполне точный перевод баллады из XVI песни «Дон-Жуана» Байрона. Лермонтов перевел 1-ю, 3-ю и половину 4-й строфы. После текста он сделал приписку: «(Продолжение впредь)», но больше к этому переводу не возвращался.

Бургос — город в Испании, в средние века — важный транзитный пункт.

«Когда Мавр пришел» — Испания в начале VIII в. была завоевана арабами.

Ночь («Один я в тишине ночной», стр. 169). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

В автографе — рядом с заглавием дата: «(1830 года ночью. Августа 28)».

К *** («Когда к тебе молвы рассказ», стр. 171). Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Библиотеке Колумбийского университета в Нью-Йорке (Альбом А. М. Верещагиной). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1857 г. в «Русском вестнике»

Е. А Сушкова (см. примечание «К Сушковой») утверждает, что стихотворение посвящено ей и написано в сентябре 1830 г.

«Передо мной лежит листок» (стр. 172). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1857 г. в «Русском вестнике».

Автограф не известен.

Е. А. Сушкова (см примечание «К Сушковой») утверждает, что стихотворение посвящено ей и написано в сентябре 1830 г.

«Свершилось! полно ожидать» (стр. 173). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1857 г. в «Русском вестнике».

Автограф не известен.

По словам Е. А. Сушковой, стихотворение написано 1 октября 1830 г. в связи с ее отъездом из Москвы в Петербург.

«Итак, прощай! впервые этот звук» (стр. 174). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в «Библиотеке для чтения» под названием «К Е... А.....е» (Е. А. Сушковой).

Автограф не известен

Написано, по словам Сушковой, одновременно с предыдущим стихотворением.

Новгород (стр. 175). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1883 г. в «Русской мысли».

В автографе — дата: «3 октября 1830». Стихотворение не завершено и автором зачеркнуто. Заголовок его приписан позднее.

«Бедный град» — древний Новгород, общественное устройство которого воспевалось декабристами. Предполагают, что стихотворение представляет собой замаскированное обращение к сосланным участникам декабрьского восстания.

Глупой красавице (стр. 176). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

В автографе — дата: «(1830 года — 4 октября)».

Могила бойца (стр. 177). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1862 г. в Берлине.

В черновом автографе — дата: «1830 год — 5-го октября. Во время холеры — morbus».

Смерть («Закат горит огнистой полосою», стр. 179). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках».

Автограф не сохранился. Под текстом копии — дата: «1830, октября 9».

В стихотворении отразились настроения поэта в связи с эпидемией холеры в Москве.

Русская песня (стр. 180). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился. В копии — дата: «1830 год».

1831-го января (стр. 181). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике»

Автограф не сохранился.

«Послушай! вспомни обо мне» (стр. 182). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1875 г. в «Русской старине».

Автограф находится в альбоме Н. И. Поливанова, друга Лермонтова в студенческие годы. К тексту стихотворения Поливанов сделал следующее примечание: «23-го марта 1831 г. Москва. Михайла Юрьевич Лермонтов написал эти строки в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью, когда вследствие какой-то университетской шалости он ожидал строгого наказания».

«Университетская шалость», о которой упоминает Н. И. Поливанов, — это так называемая «маловская история», в которой участвовал и Лермонтов: 16 марта 1831 г. студенты изгнали из университетской аудитории профессора уголовного права М. Я. Малова. По характеристике А. И Герцена, «Малов был глупый, грубый и необразованный профессор в политическом отделении. Студенты презирали его, смеялись над ним». (А И. Герцен, Собр. соч., т. VIII, Изд. АН СССР, 1956, стр. 117).

В стихотворении звучит тема, возникшая у Лермонтова еще в 1830 г. (см. «Когда к тебе молвы рассказ») и очень устойчивая в 1831—1832 гг., — это размышления о трагической судьбе поэта, непосредственного участника революционных событий, каким хотел себя видеть Лермонтов. Отсюда постоянные пророческие мотивы в лирике поэта — смерть на плахе, политическое изгнание, гибель в борьбе «за дело общее».

1831-го июня 11 дня (стр. 183). При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1860 г. в собрании сочинений под редакцией Дудышкина.

Автограф не сохранился.

Это одно из наиболее значительных по идейному содержанию и по объему стихотворений Лермонтова раннего периода. В нем с особенной силой проявился действенный, жизнеутверждающий характер лермонтовской поэзии. «В стихах Лермонтова начинают громко

звучать ноты, почти незаметные у Пушкина, — это жадное желание дела, активного вмешательства в жизнь. Жажда дела, тоска сильного человека, который не находит почвы для приложения своих сил, — была вообще свойственна людям тех годов», — отмечал А. М. Горький в своих лекциях о русской литературе в 1909 г. (М. Горький. История русской литературы. ГИХЛ, М., 1939, стр. 160).

Стихотворение Лермонтова «1831-го июня 11 дня» перекликается с известными высказываниями Белинского и Герцена об активном отношении к жизни (см. академич. собрание сочинений, т. 1, стр. 417).

Женщина, к которой обращены многие строки стихотворения, — Н. Ф. Иванова, с чьим именем связан ряд стихотворений Лермонтова 1830—1832 гг. (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И....вой»).

Романс к И... («Когда я унесу в чужбину», стр. 194). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках».

Посвящено Н Ф. Ивановой.

В измененном виде стихотворение вошло в драму Лермонтова «Странный человек».

Завещание («Есть место: близ тропы глухой», стр. 195). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1876 г. в «Саратовском листке».

В автографе — помета: «(Середниково: ночью; у окна)». В авторизованной копии стихотворения имеется подзаголовок: «(Из Гете)». Однако у Гете нет сходного стихотворения. Предполагают, что это вольное переложение последней просьбы Вертера (в письме к Лотте) из романа Гете «Страдания молодого Вертера», но сходство обоих «завещаний» — весьма отдаленное.

Середниково — подмосковное имение Столыпиных, где Лермонтов жил летом 1831 г.

«Сижу я в комнате старинной» (стр. 196). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1882 г. в «Русской мысли».

В автографе — помета: «(Середниково) (В мыльне) (Ночью, когда мы ходили попа пугать)».

Товарищ, о котором упоминается в стихотворении, — сын помещика Лаптева, имение которого находилось неподалеку от Середникова.

Последние стихи обращены, по всей вероятности, к Н. Ф. Ивановой.

К *** («Всевышний произнес свой приговор», стр. 197). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Стихотворение обращено к Н. Ф. Ивановой. Упоминание о прощальном поцелуе и измене повторяется в ряде других стихотворений, ей адресованных.

Желание («Зачем я не птица, не ворон степной», стр. 199). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

В автографе — помета: «(Средниково. Вечер на бельведере)». «(29 июля)».

В стихотворении отражены семейные предания о шотландском происхождении рода Лермонтовых.

К деве небесной (стр. 200). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Св. Елена (стр. 201). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

«Св. Елена» — остров в южной части Атлантического океана, место последней ссылки Наполеона I, где он и умер в 1821 г.

«Порочная страна не заслужила» — оценка исторических событий во Франции после отречения Наполеона: реставрации деспотического режима Бурбонов, половинчатого исхода Июльской революции 1830 г., в которой Лермонтов хотел видеть «торжество вольности» (см. стихотворение «30 июля. — (Париж). 1830 года»). Позднее Лермонтов возвращается к этой теме в стихотворении «Последнее новоселье».

К другу В. Ш (стр. 202). При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Обращено к Владимиру Александровичу Шеншину — другу Лермонтова в период его учения в Московском университете В стихотворении содержится намек на отношения с Н Ф. Ивановой.

«Блистая пробегают облака» (стр. 203). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Вместо заглавия в автографе — помета: «(7-го августа. В деревне на холме; у забора)».

Лермонтов писал это стихотворение, находясь в подмосковном имении Столыпиных — Середникове.

Атаман (стр. 205) При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Стихотворение написано по мотивам народных песен о Степане Разине.

Исповедь (стр. 208). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Надежда (стр. 209) При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Видение (стр. 210). При жизни поэта не печаталось. Впервые как отдельное стихотворение опубликовано в 1936 г. в собрании сочинений под редакцией Б. М. Эйхенбаума.

В автографе после стиха «Но верил он — одной своей любви» Лермонтов зачеркнул следующие строки:

Не верил он — и как же мог он верить,
В тот самый миг, когда б решился бросить
К ногам любимого предмета жизнь,
Земное счастье и блаженство рая.
Увы! он был душой далек от неба:
Ужасные кипели страсти в ней,
И гордый ум мятежно восставал
Противу власти бога или рока.

С изменениями стихотворение вошло в текст драмы «Странный человек».

Стихотворение имеет автобиографический характер. На реке Клязьме, упоминаемой в стихотворении, находился «давно знакомый» (как сказано в черновых вариантах текста) дом — подмосковное имение драматурга Ф. Ф. Иванова. Лермонтов был увлечен его дочерью, Н. Ф. Ивановой. Ее сестра, также упоминаемая в тексте, — Дарья Федоровна Иванова, которой Лермонтов посвятил в 1832 г. альбомное стихотворение.

Чаша жизни (стр. 214). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

К Л. — (Подражание Байрону) (стр. 215). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Написано в августе или в начале сентября 1831 г. Отдельные мотивы стихотворения и рефрен «Люблю, люблю одну» сходны со «Стансами, написанными при отплытии из Англии» Байрона.

Существует предположение, что под буквой «Л» в заглавии скрыто имя Варвары Александровны Лопухиной (впоследствии Бахметевой), которую Лермонтов горячо полюбил в студенческие годы и сохранил это чувство до конца жизни

К Н. И..... (стр. 217). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Стихотворение адресовано Н. Ф. Ивановой.

А. Д. З .... (стр. 219). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1913 г. в «Русском библиофиле».

Стихотворение обращено к Андрею Дмитриевичу Закревскому, товарищу Лермонтова по Московскому университету. Закревский известен был в Москве как автор анонимной книжки о Царе-Горохе, в которой высмеивались слабости профессоров Павлова, Каченовского, Погодина, Давыдова, журналистские повадки Н. А. Полевого, тематика повестей некоторых тогдашних писателей. Особенно остро звучало в сатирическом памфлете Закревского высмеивание Булгарина и Греча — главных представителей реакционной прессы.

Упоминаемые в стихотворении кн. Валериан Павлович Гагарин и Дмитрий Павлович Тиличеев — студенты словесного отделения университета, члены дружеского кружка, в который входил Лермонтов.

Воля (стр. 220). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Заголовок в автографе заключен в скобки.

Стихотворение с некоторыми изменениями вошло в текст романа «Вадим» в качестве народной песни, которую пели пугачевцы.

Сентября 28 (стр. 222). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1861 г. в «Библиографических записках».

Возможно, что в стихотворении имеются в виду отношения поэта с Н. Ф. Ивановой.

«Зови надежду — сновиденьем» (стр. 224). При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1844 г. в «Библиотеке для чтения» в цикле стихотворений «Из альбома Е А. Сушковой».

Первоначальный текст этого стихотворения сохранился в черновом автографе:

Не верь хвалам и увереньям,
Неправду истиной зови,
Зови надежду сновиденьем...
— Но верь, о верь моей любви.

Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего;
Ты не способна лицемерить —
Ты слишком ангел для того.

В автографе из альбома А. М Верещагиной, представляющем также раннюю редакцию текста (хранится в Библиотеке Колумбийского университета в Нью-Йорке), стихотворение имеет заголовок «К».

Е. А. Сушкова в своих «Записках» ошибочно датирует стихотворение 1830 г.

«Прекрасны вы, поля земли родной» (стр. 225). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

По содержанию характерно для патриотической лирики Лермонтова: глубокая любовь к родной земле, мечты о ее свободе сочетаются в его творчестве с обличением общественного зла в «стране порочной».

В последних стихах Лермонтов говорит о смерти отца. Ю. П. Лермонтов умер 1 октября 1831 г. (см. примечание к стихотворениям «Ужасная судьба отца и сына» и «Эпитафия», 1832).

«Метель шумит и снег валит» (стр. 226). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Песня («Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном», стр. 227). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Небо и звезды (стр. 228). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г. в «Библиотеке для чтения».

Счастливый миг (стр. 229). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1913 г. в «Русском библиофиле».

«Когда б в покорности незнанья» (стр. 231). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

К кн. Л Г—ой (стр 232). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Существует предположение, что стихотворение обращено к Елизавете Павловне Горчаковой, двоюродной сестре Н. Ф. Ивановой.

«Кто видел Кремль в час утра золотой» (стр. 233). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

«Я видел тень блаженства; но вполне» (стр. 234). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г в «Отечественных записках».

Лермонтов говорит в стихотворении, по-видимому, о любви к Н. Ф. Ивановой.

В начале 5-й строфы — о смерти отца (см. примечание к стихотворению «Ужасная судьба отца и сына»).

К *** («О, не скрывай! ты плакала об нем», стр. 236). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

После первой строфы Лермонтов зачеркнул в автографе следующие стихи:

Все, все улыбки, виданные мной,
Ничто против одной слезы твоей,
Однако ж плакать я б не смел с тобой,
Хотя б то было о судьбе моей;
О если бы слеза твоя могла
Скатиться на чело мое, в тот час,
Когда луна серебристая плыла
Над нами — свет не разлучил бы нас!

Стихотворение относится к лирическому циклу, посвященному Н. Ф Ивановой.

К *** («Ты слишком для невинности мила», стр. 237). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1881 г в «Русской мысли».

Перед стихотворением записан немецкий оригинал первых четырех стихов:

Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein,
Um treu zu lieben ist zu lieblich sie;
Wohl tausend Herzen könnte sie erfreun,
Doch selbst, — selbst glücklich wird sie nie.

Автор немецкого текста не установлен.

На полях приписка Лермонтова. «L'âme de mon âme» («Душа моей души» — франц.). Это выражение по-русски встречается ранее в «Романсе» (1829).

«Кто в утро зимнее, когда валит» (стр. 238). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1881 г. в газете «Русь».

Ангел (стр. 239). Написано поздней осенью 1831 г. Сохранилось несколько автографов и авторизованных копий этого стихотворения. Лермонтов напечатал его при жизни в «Одесском альманахе» на 1840 г. Однако в первое собрание своих стихотворений (1840) не включил, очевидно, в связи с резкой оценкой, которую дал Белинский стихотворениям «Ангел» и «Узник» в рецензии на «Одесский альманах» («Отечественные записки», 1840, т. IX, № 3).

Стансы. К Д *** (стр. 240). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках»

Кому адресовано стихотворение — не установлено.

«Ужасная судьба отца и сына» (стр. 243). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1872 г. в «Русском архиве».

Написано в связи со смертью отца. Ю. П. Лермонтов умер 1 октября 1831 г. в своей деревне Кропотово Тульской губернии Стихотворение содержит намеки на семейные раздоры, которые привели к разлуке Лермонтова с отцом.

«Свершил свой подвиг» — идиоматическое выражение, обозначающее завершение жизненного пути, смерть.

«Пусть я кого-нибудь люблю» (стр. 245). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано

в 1880 г. в собрании сочинений под редакцией Ефремова.

В первоначальной редакции стихотворение состояло из трех строф и было озаглавлено «Стансы».

Приводим зачеркнутый Лермонтовым текст:

Строфа 1:

Гляжу вперед сквозь сумрак лет,
Сквозь луч надежд, которым нет
Определенья, и они
Мне обещают годы, дни,
Подобные минувшим дням,
Ни мук, ни радостей, а там
Конец — ожиданный конец:
Какая будущность, творец!

Строфа 3:

Я сын страданья Мой отец
Не знал покоя по конец.
В слезах угасла мать моя;
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом; —
В ней соку нет, хоть зелена, —
Дочь смерти — смерть ей суждена!

Семейная трагедия, о которой говорится в стихотворении, частично освещена Лермонтовым в драмах «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек».

К другу («Забудь опять», стр 246). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1884 г. в «Русской мысли».

Адресат стихотворения не установлен.

«Пора уснуть последним сном» (стр. 247). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1882 г. в «Русской мысли».

Из Паткуля (стр 248). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Написано осенью 1831 г.

Иоганн-Рейнгольд Паткуль (1660—1707) — лифляндский политический деятель, возглавивший борьбу против шведского господства в Прибалтике и казненный Карлом XII. В своих письмах, написанных перед казнью (изданы Московским университетом в 1806 г.), Паткуль изображает себя борцом за счастье отчизны и жертвой клеветы.

Романтическим ореолом окружено имя Паткуля и в романе Лажечникова «Последний Новик», первые две части которого вышли из печати в 1831 г. Все эти литературные факты привлекли внимание Лермонтова. Мысли о Паткуле связываются в представлении поэта с его собственными мечтами о подвиге во имя родины (см. примечание к стихотворению «Настанет день — и миром осужденный»).

«Я не для ангелов и рая» (стр. 249). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

По смыслу стихотворение является послесловием или одним из вариантов посвящения к поэме «Демон»

Портрет (стр. 250). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

«Настанет день — и миром осужденный» (стр. 251). При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Мотивы предчувствия трагической гибели в борьбе «за дело общее», жажда подвига во имя свободы повторяются во многих стихотворениях Лермонтова этого периода («Когда к тебе молвы рассказ», «Послушай! вспомни обо мне», «1831-го июня 11 дня», «Романс к И...», «Из Андрея Шенье», «Из Паткуля», «Не смейся над моей пророческой тоскою» и др.).

К Д. (стр. 253). При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках»

Адресат стихотворения не установлен (ср. «Стансы. К Д ***»).

Песня («Желтый лист о стебель бьется», стр. 254). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

К Нэере (стр 255). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1862 г. в Берлине.

Нэера («юная») — в греческой мифологии так именуется возлюбленная Гелиоса, бога солнца. В античной литературе этим именем поэты называли ту, которой посвящали свои любовные песни.

В современной Лермонтову литературе имя Нэера встречалось в переводе А. Киреева из Тибулла (1829), в «Опытах перевода Горациевых од» В. Орлова (1830), в стихотворении Мерзлякова «К Нэере» и др.

Отрывок («Три ночи я провел без сна — в тоске», стр. 256). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Это набросок к задуманной Лермонтовым исторической поэме о Мстиславе Черном из времен татарского нашествия (см. запись сюжета в т. IV настоящего издания). Первоначальное название в автографе — «Монолог».

В монологе Мстислава звучат собственные мечты Лермонтова о «вольности святой», о подвиге ради «спасенья целого народа» (см. примечание к стихотворению «Настанет день — и миром осужденный»).

Баллада («В избушке позднею порою», стр. 258). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1881 г. в «Русской мысли».

По содержанию связано с задуманной в 1831 г. исторической поэмой о Мстиславе Черном и его борьбе с татарами (ср. «Отрывок»).

Силуэт (стр. 260). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано по автографу в 1859 г. в «Отечественных записках», по сокращенной копии — в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Сохранились две редакции этого стихотворения — позднейшая, в автоцензированной копии, по которой печатается текст, и ранняя редакция, дошедшая до нас в черновом автографе:

Есть у меня твой силуэт;
На память я его чертил,
И мнится, этот черный цвет —
Родня с моей душою был;
Висит он на груди моей,
И мрачен он, как сердце в ней;

Души в глазах, ланит огня
Не различите вы на нем,
Зато он вечно близ меня,
И взор его не на другом;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.

Стансы («Мгновенно пробежав умом», стр. 261). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано по автографу в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова, по копии — в 1939 г. в «Литературной газете».

Сохранились две редакции этого стихотворения — позднейшая, в копии 1831 г., по которой печатается текст, и редакция 1830 г., дошедшая до нас в автографе:

Я не крушуся о былом,
Оно меня не усладило.
Мне нечего запомнить в нем.
Чего б тоской не отравило!

Как настоящее, оно
Страстями чудными облито,
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый!

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

Я к одиночеству привык,
Я б не умел ужиться с другом;
Я б с ним препровожденный миг
Почел потерянным досугом.

Мне скучно в день, мне скучно в ночь,
Надежды нету в утешенье;
Она навек умчалась прочь,
Как жизни каждое мгновенье.

На светлый запад удалюсь;
Вид моря грусть мою рассеет.

Ни с кем в отчизне не прощусь —
Никто о мне не пожалеет!..

Быть может, будет мне о ком
Тогда вздохнуть, — и провиденье
Заплатит мне спокойным днем
За долгое мое мученье.

«Как дух отчаянья и зла» (стр. 262). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

«Я не люблю тебя; страстей» (стр. 263). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в «Библиотеке для чтения» вместе с другими стихотворениями «Из альбома Е. А. Сушковой». В автографе из альбома А. М. Верещагиной имеется заглавие — «К».

В 1837 г. Лермонтов значительно переработал это стихотворение (см. «Расстались мы, но твой портрет») и затем включил его в сборник стихотворений, напечатанных в 1840 г.

‹Новогодние мадригалы и эпиграммы› (стр. 264). Следующие семнадцать стихотворений написаны Лермонтовым в конце 1831 г. и оглашены им на новогоднем маскараде в Благородном собрании. Друг и родственник поэта А. П. Шан-Гирей рассказывает об этом следующее: «Мне известно, что они были написаны по случаю одного маскарада в Благородном собрании, куда Лермонтов явился в костюме астролога, с огромной книгой судеб подмышкой, в этой книге должность кабалистических знаков исправляли китайские буквы, вырезанные мною из черной бумаги, срисованные в колоссальном виде с чайного ящика и вклеенные на каждой странице; под буквами вписаны были... стихи, назначенные разным знакомым, которых было вероятие встретить в маскараде» («Русское обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 730).

Н. Ф. И. (стр. 264). Посвящено Наталии Федоровне Ивановой. Впервые опубликовано, как и следующие два, в 1859 г. в «Отечественных записках».

Бухариной (стр. 264). Вера Ивановна Бухарина — дочь сенатора И. Я. Бухарина. С осени 1830 г. жила

в Москве. В доме Бухариных собиралась московская знать, писатели и музыканты.

Трубецкому (стр. 265). Обращено, по всей вероятности, к Николаю Николаевичу Трубецкому, общему знакомому Лермонтова и его друзей — Лопухиных.

Г‹-ну› Павлову (стр 265). Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Эпиграмма обращена к писателю Николаю Филипповичу Павлову (1805—1864), который в конце 20-х— начале 30-х годов выступал со своими стихами и переводами в журналах «Московский телеграф», «Московский вестник», «Телескоп» и альманахах. Например, в «Мнемозине» и «Драматическом альбоме» печатались отрывки из павловского перевода в стихах французской переделки трагедии Шиллера «Мария Стюарт». Лермонтов пренебрежительно относился к подобному роду литературы (см. письмо Лермонтова к М. А. Шан-Гирей, № 4, в т. IV настоящего издания). По всей вероятности, тому же Павлову адресована 4-я эпиграмма («Г-ну П. . . .») из «Эпиграмм» (1829).

Алябьевой (стр. 265). Впервые опубликовано в 1880 г. в собрании сочинений под редакцией Ефремова.

Стихотворение посвящено известной красавице того времени — Александре Васильевне Алябьевой (ср. стихотворение Пушкина «К вельможе», 1830).

Нарышкиной (стр. 265). Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках»

По всей вероятности, стихотворение обращено к Екатерине Ивановне Нарышкиной, дочери статского советника И. В. Нарышкина

Толстой (стр. 266) Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Какая Толстая имеется в виду, не установлено.

Бартеневой (стр. 266). Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Стихотворение посвящено Прасковье Арсеньевне Бартеневой (1811—1872), известной певице.

Мартыновой (стр. 266). Впервые опубликовано, как и два следующих, в 1859 г. в «Отечественных записках».

Стихотворение обращено к одной из сестер Н. С. Мартынова, убийцы Лермонтова, — Елизавете Соломоновне или Екатерине Соломоновне.

Додо (стр. 267). Стихотворение обращено к Евдокии Петровне Сушковой в замужестве Ростопчиной (1811—1858), поэтессе, другу Лермонтова.

«Талисман», упоминаемый в мадригале, — название стихотворения Ростопчиной, напечатанного в альманахе «Северные цветы» на 1831 г.

Башилову (стр. 267). Стихотворение обращено к Александру Александровичу Башилову, сенатору и тайному советнику, который в 1831 г. был директором Комиссии строений в Москве.

Кропоткиной (стр. 268). Впервые опубликовано в 1889 г в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Автограф зачеркнут.

К какой Кропоткиной обращается Лермонтов, окончательно не установлено. Возможно, это племянница кн. А. П. Кропоткина, Елизавета Ивановна, тогда невеста, а впоследствии жена Тиличеева, товарища Лермонтова по Московскому университету.

Щербатовой (стр. 268). Впервые опубликовано в 1882 г. в «Русской мысли».

Посвящено Анне Александровне Щербатовой, фрейлине, известной московской красавице.

Булгакову (стр. 268). Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Обращено к сыну московского почт-директора А. Я. Булгакова — Константину Александровичу Булгакову, с которым Лермонтов учился в Московском университетском пансионе. К. Булгаков имел в Москве громкую репутацию гуляки и повесы.

Сабуровой (стр 268). Это и следующее стихотворение впервые опубликованы в 1882 г. в «Русской мысли».

Какая Сабурова имеется в виду, не установлено.

Уваровой (стр. 269). Какая Уварова имеется в виду, не установлено.

«Вы не знавали князь Петра» (стр. 269). Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Эпиграмма относится, по всей вероятности, к кн. Петру Ивановичу Шаликову, издателю «Дам-

ского журнала» (ср. 3-ю эпиграмму в «Эпиграммах» 1829 г. и стихотворение «Булевар»).

1830—1831

Звезда («Вверху одна», стр. 270). Печатается по фотокопии автографа из альбома А. М. Верещагиной, который находится в Библиотеке Колумбийского университета в Нью-Йорке. При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в «Библиотеке для чтения».

Стихотворение, по-видимому, относится к Е. А. Сушковой.

Раскаянье (стр 271). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г. в «Библиотеке для чтения».

Автограф не сохранился.

Венеция (стр. 273) При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился. Имеется авторизованная копия, в которой две строфы зачеркнуты:

Случалось, с вихрем и грозой
Носились тучи надо мной;
Хоть я один в челне моем,
Вас не боюсь я, дождь и гром.

Не так с душою! — Если в ней
Кипит опасный бой страстей,
Ты не мечтай, чтоб он затих,
И жалости не жди от них.

Чичизбей (cicisbeo) — в XVI—XVIII вв. в Италии так называлось лицо которое дама выбирала себе в спутники для прогулок. Здесь — возлюбленный.

Епанча — старинная одежда, род плаща

«Я видел раз ее в веселом вихре бала» (стр. 275). При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1875 г. в «Саратовском листке».

Автограф не сохранился.

Подражание Байрону (стр. 276). При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике». Автограф не сохранился.

Некоторые мотивы стихотворения сходны с «Посланием к другу в ответ на несколько строк, увещевающих автора быть веселым» Байрона («Epistle to a friend, in answer to some lines exhorting the author to be cheerful...»).

К Дурнову (стр. 277) При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

В авторизованной копии текст следует за тремя стихотворениями 1829 г. Одно из них — «К другу» — также адресовано Дурнову Им завершается тетрадь 1829 г. Данное стихотворение написано, по всей вероятности, в начале 1830 г.

Арфа (стр. 278); **«На темной скале над шумящим Днепром»** (стр. 279); **Песня** («Не знаю, обманут ли был я», стр. 280). При жизни поэта не печатались. Впервые опубликованы в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автографы не сохранились.

Пир Асмодея (стр. 282). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Автограф не сохранился.

Сатира содержит острые политические намеки. На адском пиру главы демонов Асмодея наряду с Фаустом, продавшим душу черту, представлен и русский царь Павел I, имя которого зашифровано в рукописи четырьмя звездочками. 5-я строфа сатиры является откликом на революционные события 1830 г. во Франции, Бельгии и Польше В последних двух строфах речь идет о холерной эпидемии в России в 1830 г

Сон (стр. 285). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Стихи: «Всё было тихо, как луна и ночь, И ветр не мог дремоты превозмочь» являются переделкой стихов Пушкина: «Тиха украинская ночь — своей дремоты превозмочь Не хочет воздух...» из второй песни

поэмы «Полтава», напечатанной в конце марта 1829 г.

На картину Рембрандта (стр. 287). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г. в «Библиотеке для чтения».

Автограф не сохранился.

Существует предположение, что Лермонтов имел в виду рембрандтовский «Портрет молодого человека в одежде францисканца», который находился в Москве в Художественной галерее Строгановых.

К *** («О, полно извинять разврат», стр. 288). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Прямых указаний на то, кому посвящено это важнейшее по идейному звучанию стихотворение, не имеется. Большинство исследователей склоняется к точке зрения, высказанной еще в 1909 г. А. М. Горьким, который считал, что Лермонтов обратился со словами суровой укоризны к Пушкину.

Лермонтова остро волновал вопрос о месте поэта в борьбе за политическую свободу. Эта тема проходит через многие его стихотворения, начиная с 1830 г. В Пушкине — авторе «Вольности», «Деревни», элегии «Андрей Шенье», воспринимавшемся современниками как революционное воззвание, Лермонтов видел идеальный образ поэта-борца, такую же героическую личность, каким был в его представлении другой поэт с судьбой политического изгнанника — Байрон. После того как в мае 1830 г. было опубликовано стихотворение Пушкина «К вельможе», дифирамбическое по отношению к именитому придворному кн. Н. Б. Юсупову, в критике раздались голоса, обвинявшие Пушкина в низкопоклонстве. Пушкину припомнили и его предыдущие произведения — «Стансы», «Друзьям», поэму «Полтава», в которых некоторые современники увидели стремление пойти на компромисс с самодержавием. Аналогичные упреки звучат и в стихотворении Лермонтова.

О том, что именно послание «К вельможе» послужило поводом для выступления Лермонтова, можно судить и по другому его стихотворению, написанному в 1830 г. и расположенному в тетради стихотворений

этого года близко от пометы «Маия, 16 числа». Речь идет о «Посвящении» («Прими, прими мой грустный труд»), по всей вероятности, предназначавшемся к драме «Menschen und Leidenschaften», произведению резко критическому по отношению к дворянскому самовластью.

В этом стихотворении есть стихи, которые воспринимаются как ответ Лермонтова Пушкину в связи с тем же посланием «К вельможе»:

Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!
Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал.

Тема поэта и толпы возникла у Лермонтова как тема пушкинская, в связи с появлением стихотворения «Чернь» в 1829 г. Она варьируется Лермонтовым и в окончательном посвящении к драме «Menschen und Leidenschaften» и в «Посвящении» к драме «Испанцы», написанных почти одновременно, в 1830 г. Создавая каждое свое произведение в это время, Лермонтов задумывался над тем, зачем он пишет и для кого. В стихотворении Пушкина «К вельможе» оба эти вопроса решались не так, как хотелось бы Лермонтову, и он ответил стихотворением «О, полно извинять разврат».

Прощанье (стр. 289). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

К приятелю (стр. 291). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г. в «Библиотеке для чтения».

Автограф не сохранился.

Смерть («Оборвана цепь жизни молодой», стр. 292). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Волны и люди (стр. 293). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г. в «Библиотеке для чтения».

Автограф не сохранился.

Звуки (стр. 294). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1875 г. в «Саратовском листке».

Автограф не сохранился.

Посвящено известному московскому гитаристу М. Т. Высотскому, с которым Лермонтов встречался в 1830 г. и которому преподнес данное стихотворение после одного из концертов.

11 июля (стр. 295). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г. в «Библиотеке для чтения».

Автограф не сохранился. По расположению копии в тетради можно заключить, что дата 11 июля относится к 1830 г.

Первая любовь (стр. 296). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1875 г. в «Саратовском листке».

Автограф не сохранился.

Поле Бородина (стр 297) При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1860 г. в собрании сочинений под редакцией Дудышкина под названием «Бородино».

Автограф не сохранился. К авторизованной копии стихотворения приложена записка на французском языке о Бородинском сражении «Le champ de Borodino» с подписью Лермонтова.

Стихотворение является первой попыткой Лермонтова воспроизвести в форме рассказа очевидца события Бородинской битвы, имевшей решающее значение в победе русских над Наполеоном. В 1837 г поэт возвращается к этой теме и создает новую редакцию стихотворения («Бородино»), в которой замысел автора доведен до художественного совершенства.

Мой дом (стр. 300). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Смерть («Ласкаемый цветущими мечтами», стр. 301). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Вторая половина стихотворения повторяет с некоторыми изменениями текст стихотворения 1830 г. «Ночь. I».

Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено», стр. 305). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Солнце осени (стр. 306). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Поток (стр. 307). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился. В авторизованной копии последние восемь стихов зачеркнуты:

Пускай же мчится мой поток,
Неистовый и бурный,
Пускай от берега цветок
Отмоет он лазурный
И увлечет с собою в путь,
И с ним погибнет где-нибудь
Вдвоем, забыт вселенной
В пустыне отдаленной.

К *** («Не ты, но судьба виновата была», стр. 308). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Обращено к Н. Ф. Ивановой.

Ночь («В чугун печальный сторож бьет», стр. 310). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился

Стихотворение входит в лирический цикл, посвященный Н. Ф. Ивановой. Судя по содержанию, написано летом 1831 г. (ср. «К***» — «Всевышний произнес свой приговор», «К Н. И. . . . . .» и др.).

К себе (стр. 312). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Относится к Н. Ф. Ивановой.

Стихотворение написано, по всей вероятности, в 1831 г.

«Душа моя должна прожить в земной неволе» (стр. 313). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Стихотворение написано, по всей вероятности, в 1831 г.

Песня («Колокол стонет», стр. 314). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Стихотворение написано, по всей вероятности, в 1831 г.

«Пускай поэта обвиняет» (стр. 315). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1876 г. в «Саратовском листке».

Автограф не сохранился.

Стихотворение написано, по всей вероятности, в 1831 г.

Слава (стр. 316); **Вечер** (стр. 318); **«Унылый колокола звон»** (стр. 319); **«Хоть давно изменила мне радость»** (стр. 321); **Звуки и взор** (стр. 322); **Земля и небо** (стр. 323); **К***** («Дай руку мне, склонись к груди поэта», стр. 324). При жизни поэта не печатались. Впервые опубликованы в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автографы не сохранились.

Стихотворения написаны, по всей вероятности, в 1831 г.

Из Андрея Шенье (стр. 325). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Написано, по всей вероятности, в 1831 г.

Входит в лирический цикл, посвященный теме поэта — борца за свободу. Мотивы героического подвига, изгнания, гибели поэта в борьбе «за дело общее» характерны для многих стихотворений Лермонтова 1830—1831 гг. Эти настроения были откликом поэта на современные явления общественной жизни — крестьянские восстания в России, национально-освобо-

дительное движение кавказских народов, революционные события в Европе.

Литературным образцом для политической лирики Лермонтова в этот период была поэзия Байрона и декабристские стихотворения Пушкина. На связь с Пушкиным указывает и заголовок стихотворения — «Из Андрея Шенье». У французского поэта Шенье нет сходного стихотворения. Но в памяти современников Лермонтова еще свеж был политический процесс 1826—1828 гг. о распространении отрывка из элегии Пушкина «Андрей Шенье» с надписью «На 14-е декабря». Этой аналогией Лермонтов оттенял революционный смысл своего стихотворения.

К*** («Не медли в дальной стороне», стр. 326); **Сосед** («Погаснул день на вышинах небесных», стр. 327). При жизни поэта не печатались. Впервые опубликованы в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автографы не сохранились.

Написаны, по всей вероятности, в 1831 г.

Стансы («Не могу на родине томиться», стр. 328). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Написано, по всей вероятности, в 1831 г.

Посвящено Н. Ф. Ивановой.

Мой демон (стр. 330). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Написано, по всей вероятности, в 1831 г.

Является новой редакцией одноименного стихотворения, созданного в 1829 г. (совпадают первые четыре стиха). Тема этих стихотворений Лермонтова связана с началом его работы над поэмой «Демон».

Романс («Хоть бегут по струнам моим звуки веселья», стр. 332). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в «Библиотеке для чтения», в цикле стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой».

Автограф не сохранился.

В своих «Записках» Сушкова дает противоречивые сведения о времени создания стихотворения, называя то 1830, то 1831 г.

«Люблю я цепи синих гор» (стр. 334). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Солнце (стр. 336); **«Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови»** (стр. 337). При жизни поэта не печатались. Впеовые опубликованы в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой», стр. 338). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Стихи: «Поверь, отчизна там, где любят нас» и «Побудь еще со мной хоть день, хоть час» повторяются с изменением в строфах 34 и 35 поэмы «Измаил-Бей».

«Она была прекрасна, как мечта» (стр. 340). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1862 г. в Берлине.

Первая строфа в измененном виде повторяется в стихотворении «Девятый час; уж темно; близ заставы».

«Время сердцу быть в покое» (стр. 341). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

В автографе после первой строфы следует зачеркнутый текст:

Мой проступок перед миром,
Пред людьми моя вина,
Для которых ты кумиром,
Но не другом быть должна;
И поклонников ты встретишь,
И, блистая пред толпой,
Меж рабов ты не заметишь
Для себя души родной.

Стихи: «Слишком знаем мы друг друга, Чтоб друг друга позабыть» с небольшим изменением повторяются в стихотворении «К*» («Я не унижусь пред тобою»), адресованном Н. Ф. Ивановой. По всей вероятности, и данное стихотворение относится к ней же. В черно-

вом автографе стихотворения «К *» первоначально повторялась с небольшим изменением и вся первая строфа данного стихотворения. Начальные четыре стиха этой строфы являются переводом из стихотворения Байрона «Lines, inscribed: On this day I complete my thirty-sixth year» («Стихи, надписанные: В этот день я завершил свой тридцать шестой год»).

«Склонись ко мне, красавец молодой» (стр. 343). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано полностью в 1862 г. в Берлине.

Последние два стиха третьей строфы повторяются с небольшим изменением в стихотворении «Девятый час; уж темно; близ заставы». Стихотворения эти связаны между собой и по содержанию (ср. также «Прелестнице», «Договор», образ Тирзы в поэме «Сашка»).

Тема «свободной любви» интересовала Лермонтова прежде всего со стороны этической: его героини, так называемые «падшие женщины», по силе и естественности своих чувств, по неприятию общественных предрассудков обладают высшей нравственностью в сравнении с порочной, но узаконенной моралью социальных верхов.

«Девятый час; уж темно; близ заставы» (стр. 345). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Текстуально и по содержанию связано со стихотворениями «Она была прекрасна, как мечта», «Склонись ко мне, красавец молодой», «Как луч зари, как розы Леля» (см. примечания). Возможно, что все эти стихотворения являются набросками к поэме «Сашка», где имеются сходные эпизоды.

«Парни питомец нежный» — имеется в виду, что герой воспитан на эротической поэзии французского поэта Эвариста Парни (1753—1814).

«Как в ночь звезды падучей пламень» (стр. 347). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

К* («Я не унижусь пред тобою», стр. 348). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано полностью в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

После стиха «Когда мне ангел изменил» в автографе первоначально следовали строки, сходные с первой строфой стихотворения «Время сердцу быть в покое» (см. примечание):

Но время сердцу быть в покое
От счастья, муки, от всего,
С того мгновенья, как другое
Не бьется больше для него!
И если снова затрепещет
Оно — то прежнего лишь след:
Так всё волнами море плещет,
Хотя над ним уж бури нет.

Стихотворение обращено к Н. Ф. Ивановой.

‹В альбом Н. Ф. Ивановой› (стр. 350). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1939 г. в «Литературной газете».

Автограф не сохранился. Под текстом дата — 1832 год.

‹В альбом Д. Ф. Ивановой› (стр. 351). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1939 г. в «Литературной газете»

Автограф не сохранился. Датировано 1832 г.

Обращено к Дарье Федоровне Ивановой, сестре Натальи Федоровны. Лермонтов упоминает о ней в стихотворении «Видение».

«Как луч зари, как розы Леля» (стр. 352). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Первые четыре стиха повторяют характеристику женского образа в стихотворении «Девятый час; уж темно; близ заставы». Дальнейший текст имеет соответствие с образом Тирзы в поэме «Сашка» (см. примечания к стихотворениям «Склонись ко мне, красавец молодой» и «Девятый час; уж темно; близ заставы»).

«Синие горы Кавказа, приветствую вас» (стр. 353). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

В автографе третий абзац («Как я любил твои бури ~ всё в этом крае прекрасно») зачеркнут.

Отрывок представляет собой опыт ритмической прозы. Текстуально и по содержанию (лирические воспоминания о Кавказе) отрывок имеет соответствие с первыми строфами поэмы «Измаил-Бей», над которой в это время работал поэт (см. примечание к стихотворению «Прощанье», 1832).

Романс («Стояла серая скала на берегу морском», стр. 355). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

В стихотворении говорится об отношениях с Н. Ф. Ивановой.

Прелестнице (стр. 356). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

Стихотворение переработано Лермонтовым в 1841 г. (см. «Договор»).

«Ты молод, Цвет твоих кудрей» (стр. 357). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г. в «Библиотеке для чтения».

Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова», стр. 358). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках».

В стихотворении имеется в виду смерть отца Лермонтова. Ю. П. Лермонтов умер 1 октября 1831 г.

«Измученный тоскою и недугом» (стр. 359). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1884 г. в «Русской мысли».

Обращено к Н. Ф. Ивановой.

«Когда последнее мгновенье» (стр. 360). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Стихотворение не закончено. Набросок, по всей вероятности, связан с работой Лермонтова над поэмой «Демон» и представляет собой один из вариантов посвящения.

«Нет, я не Байрон, я другой» (стр. 361). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г. в «Библиотеке для чтения».

Автограф не сохранился.

В автобиографических заметках 1830 г. Лермонтов дважды говорит о своем сходстве с Байроном (см. т. IV настоящего издания). Во многих произведениях 1830—

1832 гг. отразился интерес Лермонтова к жизни и творчеству английского поэта. В поэзии Байрона Лермонтова привлекали сочетание критической и философской мысли, призыв к действию и богатство психологических эмоций. Подражая Байрону, учась у Байрона, Лермонтов, однако, уже в начале 30-х годов вполне осознал себя как поэт национальный, что проявилось и в непосредственных высказываниях поэта, как в данном стихотворении, и в злободневности тем его творчества, и в самом характере исторических, фольклорных и политических интересов Лермонтова.

Романс («Ты идешь на поле битвы», стр. 362). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1876 г в «Саратовском листке».

Автограф не сохранился.

Весьма вероятно, что стихотворение связано с работой Лермонтова над поэмой «Измаил-Бей» (см. примечание к стихотворению «Прощанье», 1832).

Сонет (стр. 364); **«Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья»** (стр. 365). При жизни поэта не печатались. Впервые опубликованы в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автографы не сохранились.

Обращены к Н. Ф. Ивановой.

К* («Мы случайно сведены судьбою», стр. 366). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автограф не сохранился.

Обращено, по всей вероятности, к Варваре Александровне Лопухиной (см. примечание к стихотворению «К Л.—»).

Стих «Будь товарищ грозных бурь моих» сходен со стихом «Товарищ бурь моих суровых» в черновом автографе посвящения к поэме «Измаил-Бей», также относящегося к Лопухиной.

«Поцелуями прежде считал» (стр. 367); **«Послушай, быть может, когда мы покинем»** (стр. 368). При жизни поэта не печатались. Впервые опубликованы в 1889 г. в «Северном вестнике».

Автографы не сохранились.

К* («Оставь напрасные заботы», стр. 369). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1876 г. в «Саратовском листке».

Автограф не сохранился.

Обращено, по всей вероятности, к В. А. Лопухиной.

Баллада («Из ворот выезжают три витязя в ряд», стр. 370). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Первые два стиха являются переводом начальных стихов старинной немецкой народной песни «Die drei Ritter» («Три рыцаря»).

Бой (стр. 371). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

«Я жить хочу! хочу печали» (стр. 372). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано полностью в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Написано в июле 1832 г. Первые восемь стихов приводятся в письме Лермонтова С. А. Бахметевой, помеченном августом 1832 г. (см. т. IV настоящего издания).

«Смело верь тому, что вечно» (стр. 373). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1876 г. в «Саратовском листке».

«Приветствую тебя, воинственных славян» (стр. 374). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1857 г. в «Современнике» без последних двух строк.

Написано в августе 1832 г. Лермонтов должен был проезжать через Новгород по пути из Москвы в Петербург в августе 1832 г. Мысли об этом городе ассоциировались у Лермонтова с декабристским идеалом политической свободы — древней вольностью новгородцев с их вечевым общественным самоуправлением (ср. стихотворение «Новгород» и поэму «Последний сын вольности»).

Желанье («Отворите мне темницу», стр. 375). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в октябре 1841 г в «Отечественных записках».

Существует несколько редакций этого стихотворения. Одна из них, очевидно самая ранняя, сохранилась в автографе из альбома А. М. Верещагиной (хранится в Библиотеке Колумбийского университета в Нью-Йорке). В этой редакции стихи 5—8 читаются (цитируем по фотокопии):

Я пущусь по дикой степи
И надменно сброшу я
Образованности цепи
И вериги бытия.

Вместо заключительных шести стихов, после слов «Чтоб в тени его широкой», в этой редакции следуют стихи:

Бил жемчужный водопад;
Перед звучными струями
Я лениво растянусь
И над прежними мечтами
Засыпая посмеюсь.

Автограф второй редакции, состоящей всего из восьми стихов, сохранился в рабочей тетради поэта среди стихотворений 1832 г. Здесь стихи 5—8, завершающие стихотворение, читаются так:

Чтоб я с ней по синю полю
Ускакал на том коне.
Дайте волю — волю — волю —
И не надо счастья мне!

Последняя редакция сохранилась в копии.

В 1837 г. Лермонтов переработал стихотворение и под названием «Узник» опубликовал в «Одесском альманахе» на 1840 г.

К* («Мой друг, напрасное старанье», стр. 377). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в «Северном вестнике».

Обращено, по всей вероятности, к В. А. Лопухиной, как и стихотворение «К*» («Оставь напрасные заботы»).

«Названье», упоминаемое Лермонтовым, — имя Н. Ф. Ивановой.

К* («Печаль в моих песнях, но что за нужда», стр. 378). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1876 г. в «Саратовском листке».

Два великана (стр. 379). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1842 г. в «Отечественных записках».

В черновом автографе первоначально была еще одна строфа, затем вычеркнутая:

Страшны миру были оба
С гордым пасмурным челом;
Но в одном кипела злоба,
А презрение в другом.

Тема Наполеона, появившаяся у Лермонтова еще в 1829 г., приобрела в данном стихотворении патриотическое звучание (ср. «Поле Бородина»). В сказочно-аллегорической форме Лермонтов изображает поражение Бонапарта, «трехнедельного удальца», в столкновении с «русским великаном» — Россией.

В последних четырех стихах имеется в виду ссылка Наполеона на остров Св. Елены, где он и умер в 1821 г.

Сходная характеристика Наполеона дана в строфе 7 главы I поэмы «Сашка».

К * («Прости! — мы не встретимся боле», стр. 380). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1876 г. в «Саратовском листке».

Обращено, по всей вероятности, к Н. Ф. Ивановой. Это прощальное стихотворение Лермонтова перед его отъездом из Москвы в Петербург в начале августа 1832 г. Начало второй строфы повторяется с изменением в стихотворении 1840 г. «Есть речи — значенье».

«Слова разлуки повторяя» (стр. 382). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1876 г. в «Саратовском листке».

Стихотворение написано перед отъездом Лермонтова из Москвы в Петербург в начале августа 1832 г.

«Безумец я! вы правы, правы!» (стр. 383). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1875 г. в «Саратовском листке».

Первоначальное заглавие стихотворения — «Толпе». Лермонтов развивает тему поэта и толпы, появившуюся у него в 1830 г. (ср «Посвящение», 1830 и посвящения к драмам «Испанцы» и «Menschen und Leidenschaften»).

«Она не гордой красотою» (стр. 384). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1876 г. в «Саратовском листке».

В стихотворении говорится о В. А. Лопухиной.

«Примите дивное посланье» (стр. 385). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1873 г. в «Русской старине».

Автограф находится в письме Лермонтова С. А. Бахметевой, написанном из Петербурга в августе 1832 г. (см. т. IV настоящего издания).

Петербург, куда переехал Лермонтов в это время из Москвы, оттолкнул поэта своей столичной официальностью.

«Красный ворот» — речь идет о полицейских мундирах.

Третий и четвертый стихи заключают каламбур, основанный на сопоставлении имен апостола Павла и Павла Евреинова, родственника Лермонтова со стороны бабушки поэта Е. А. Арсеньевой. С Евреиновым Лермонтов отправил свое письмо в Москву.

Челнок («По произволу дивной власти», стр. 386). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1873 г. в «Русской старине».

Более краткая редакция стихотворения (без стихов 5—8) сохранилась в автографе из альбома А. М. Верещагиной, который находится в Библиотеке Колумбийского университета в Нью-Йорке (имеется фотокопия).

Первоначальный автограф — в письме Лермонтова С. А. Бахметевой, написанном в августе 1832 г.

«Что толку жить!.. Без приключений» (стр. 387). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1872 г. в «Русской старине».

Первоначальный автограф сохранился в письме Лермонтова к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 г. (см. т. IV настоящего издания).

«Для чего я не родился» (стр 389). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1863 г. в «Русском архиве».

Стихотворение написано 27 августа 1832 г. под впечатлением небольшого наводнения в Петербурге. Поэт рассказывает об этом в письме к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 г., где и находится автограф стихотворения (см. т. IV настоящего издания).

Парус (стр. 390). Впервые опубликовано после смерти Лермонтова в 1841 г. в «Отечественных записках».

Стихотворение написано в Петербурге. Первоначальный автограф сохранился в письме Лермонтова к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г. (см. т. IV настоящего издания).

Первый стих «Белеет парус одинокой» совпадает со стихом 19 в первой главе (строфа XV) поэмы А. А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский», напечатанной впервые в 1828 г. анонимно (в 6-м номере «Московского телеграфа» за 1832 г. было обнародовано имя автора).

Лермонтов отразил в стихотворении настроения передовой интеллигенции 30-х годов XIX в. — ее революционные порывы и духовную разобщенность в обстановке последекабрьской реакции. Образ одинокого паруса запечатлен Лермонтовым и в живописном произведении того же периода — в акварельном морском пейзаже (см. настоящий том, стр. 392—393). Впоследствии Лермонтов вернулся к этому образу в романе «Герой нашего времени» (завершающие строки повести «Княжна Мери»).

«Он был рожден для счастья, для надежд» (стр. 391). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1863 г. в «Русском архиве».

Первые пять стихов почти без изменений вошли в стихотворение «Памяти А. И. Одоевского» Следующие четыре стиха варьируются в стихотворении «Дума».

Тростник (стр. 392). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1875 г. в «Саратовском листке».

Русалка (стр. 394). Стихотворение напечатано при жизни поэта в 1839 г. в «Отечественных записках» и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» (1840), где помечено 1836 годом. Однако автограф стихотворения находится в тетради, заполнявшейся поэтом в 1832 г.

Баллада («Куда так проворно, жидовка младая», стр. 396) При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1876 г. в «Саратовском листке».

Гусар (стр. 389). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1876 г. в «Саратовском листке».

Образ гусара с детальным описанием его формы (красный доломан, блистающий золотом ментик) по-

явился у Лермонтова в связи с его поступлением в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где поэт был зачислен в лейб-гвардии гусарский полк.

1833

Юнкерская молитва (стр. 400). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1858 г. в «Атенее».

Автограф не сохранился.

По свидетельству А. Ф. Тирана, учившегося вместе с Лермонтовым в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, стихотворение это, в числе других произведений поэта, было помещено в рукописном журнале «Школьная заря».

«Алехин глас» — речь идет о преподавателе юнкерской школы Алексее Степановиче Стунееве.

1833—1834

«На серебряные шпоры» (стр. 401). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1876 г. в «Саратовском листке».

Написано во время учения Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (1833—1834).

«В рядах стояли безмолвной толпой» (стр. 402). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Автограф не сохранился.

Существует предположение, что стихотворение написано в связи со смертью юнкера Егора Сиверса (5 декабря 1833 г.). Литературным образцом Лермонтов избрал стихотворение И. И. Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура».

1836

Умирающий гладиатор (стр. 403). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано полностью в 1884 г. в газете «Русь».

Автограф не сохранился. В тексте авторизованной копии — дата: «2 февраля 1836 г.». Последние две строфы зачеркнуты неизвестной рукой, возможно, редакцией «Отечественных записок», где стихотворение было опубликовано в 1842 г. без двух последних строф.

Эпиграф к стихотворению взят Лермонтовым из поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд» (песнь IV, строфа 110, стих 1). С этой же поэмой связано и содержание стихотворения: начальные 20 стихов являются свободным переложением строф 139—141 песни IV «Чайльд-Гарольда».

В стихах «Когда-то пламенных мечтателей кумир» и следующих четырех Лермонтов говорит о крушении надежд, возлагавшихся на революционные движения в Европе в конце XVIII и первой трети XIX в., о духовном кризисе, охватившем «европейский мир» в период послереволюционной реакции.

В последней строфе говорится о европейском романтизме, с его культом старины, стремлением уйти от современности в мир средневековой мистики.

Еврейская мелодия («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!», стр. 405). Напечатано при жизни поэта в 1839 г. в «Отечественных записках» и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» (1840), где датировано 1836 г.

Автограф не сохранился.

Стихотворение является вольным переводом из «Еврейских мелодий» Байрона — «My soul is dark» («Моя душа темна»).

В альбом («Как одинокая гробница», стр. 406). Напечатано при жизни поэта в 1839 г. в «Отечественных записках» и в 1840 г. в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано 1836 г.

Стихотворение является вольным переводом «Стихов, написанных в альбом на Мальте» Байрона («Lines, written in an Album, at Malta»). Ранняя редакция этого перевода относится к 1830 г. (см. стихотворение «В альбом» — «Нет! — я не требую вниманья»).

«Великий муж! Здесь нет награды» (стр. 407). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1875 г. в «Русской старине».

Верхняя часть листа с началом текста и заглавием в котором мог быть указан адресат стихотворения, оторвана.

Кого имеет в виду Лермонтов в своем обращении, до настоящего времени не установлено. Существует предположение, что это П. Я. Чаадаев (1793—1856), писатель и ученый, друг декабристов и Пушкина. В 1836 г. Чаадаев напечатал «Философическое письмо» остро критического характера, за что подвергся правительственным гонениям.

По другой версии — это русский полководец М. Б. Барклай де-Толли (1761—1818), заслуги которого в Отечественной войне 1812 г. долгое время недооценивались современниками. В 1836 г., в связи с подготовкой к двадцатипятилетию со времени Отечественной войны, споры об исторической роли Барклая де-Толли как главнокомандующего русской армией велись на страницах прессы

Высказаны были также догадки, касающиеся имен А. Н. Радищева, К. Ф. Рылеева, П. И. Пестеля, но ни одна из них не получила достаточного подтверждения

1837

Бородино (стр. 408). Напечатано при жизни поэта в 1837 г. в журнале «Современник» и в 1840 г. в сборнике «Стихотворения М Лермонтова», где датировано 1837 г.

Автограф не сохранился

Написано, по всей вероятности, в январе 1837 г., в связи с исполнявшимся в этом году двадцатипятилетием со времени Отечественной войны 1812 г.

Бородинская битва давно привлекала внимание Лермонтова. Среди юношеских произведений поэта (1830 — 1831) имеется сходное по замыслу стихотворение «Поле Бородина» (рассказ участника событий) и записка на французском языке, в которой излагаются исторические обстоятельства сражения.

В 1837 г. Лермонтов основательно переработал свое раннее стихотворение. Повествование, лишенное индивидуальных черт рассказчика, в новой редакции заменено

живой, народной, характерной речью старого солдата, образ которого и стал центральным в стихотворении. Ум, беззаветная храбрость действенный патриотизм русского народа — вот качества, которые, по мысли Лермонтова, обусловили победу над Наполеоном.

Говоря о конкретном историческом событии, которое изображено почти с документальной точностью, Лермонтов проводит идею, имевшую злободневное звучание: он противопоставляет богатырей духа, героев недавнего прошлого дремлющему в бездействии поколению своих современников. Эта же мысль позже с новой силой зазвучала в стихотворении «Дума». В. Г. Белинский в своей рецензии на стихотворения Лермонтова оценил «Бородино» как подлинно народное произведение.

Смерть Поэта (стр. 412). Стихотворение написано на смерть Пушкина (Пушкин умер 29 января 1837 г.)

Автограф полного текста стихотворения не сохранился. Имеются черновой и беловой автографы первой части стихотворения до слов «А вы, надменные потомки». Вторая часть стихотворения сохранилась в копии, приложенной к следственному «Делу о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермантовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским». В этой копии, содержащей полный текст стихотворения, имеется следующий эпиграф:

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Эпиграф взят из трагедии французского писателя Ротру «Венцеслав» в переделке А. Жандра. В обоих автографах эпиграф отсутствует. Нет его также ни в первой публикации текста — в «Полярной звезде» (Лондон, 1858, кн. 2), ни в собрании сочинений Лермонтова под редакцией Дудышкина (1860, т. I, первая публикация полного текста в России), ни в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861),

ни в собрании сочинений Лермонтова под редакцией Ефремова (1873, т. I), где стихотворение «Смерть Поэта» печаталось с учетом поправок, сделанных сверстником и современником поэта А. Меринским, переписавшим полный текст стихотворения с автографа сразу после его создания.

С эпиграфом стихотворение стало печататься только с 1887 г., когда были опубликованы следственные материалы по «Делу о непозволительных стихах» и среди них копия стихотворения. По содержанию эпиграфа, смягчающего политически острый смысл стихотворения, особенно последних 16 строк, и по тому, что эпиграф впервые появился в списке, представленном для суда, можно предположить, что он приписан к стихотворению позднее и продиктован стремлением смягчить ожидаемое наказание (ср. воспоминания Шан-Гирея — «Русское обозрение», 1896, кн. 8). Смысл эпиграфа находится в противоречии с последующим текстом. На основании вышеизложенного стихотворение печатается в настоящем издании без эпиграфа.

Стихотворение вызвало широкий общественный резонанс. Дуэль и смерть Пушкина, клевета и интриги против поэта в кругах придворной аристократии вызвали глубокое возмущение среди передовой части русского общества. Лермонтов выразил эти настроения в мужественных, исполненных поэтической силы стихах, которые разошлись во множестве списков среди современников.

Имя Лермонтова, как достойного наследника Пушкина, получило всенародное признание. В то же время политическая острота стихотворения вызвала тревогу в правительственных кругах.

По рассказам современников, один из списков с надписью «Воззвание к революции» был доставлен Николаю I. Лермонтова и его друга С. А. Раевского, участвовавшего в распространении стихов, арестовали и привлекли к судебной ответственности. 25 февраля 1837 г. по высочайшему повелению был вынесен приговор: «Лейб-гвардии гусарского полка корнета Лермонтова... перевесть тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского... выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию на службу, по усмотрению та-

мошнего гражданского губернатора». В марте Лермонтов выехал из Петербурга, направляясь в действующую армию на Кавказ, где в это время находился Нижегородский драгунский полк.

В стихах «Его убийца хладнокровно» и следующих речь идет о Дантесе — убийце Пушкина. Жорж Шарль Дантес (1812—1895) — французский монархист, бежавший в 1833 г. в Россию после вандейского мятежа, был приемным сыном голландского посланника в Петербурге барона Геккерена. Имея доступ в салоны придворной русской аристократии, участвовал в травле поэта, закончившейся роковой дуэлью 27 января 1837 г. После смерти Пушкина выслан во Францию.

В стихах «Как тот певец, неведомый, но милый» и следующих Лермонтов вспоминает Владимира Ленского из романа Пушкина «Евгений Онегин».

«А вы, надменные потомки» и следующие 15 стихов, по свидетельству С. А. Раевского, написаны позднее, чем предшествующий текст. Это — отклик Лермонтова на попытку правительственных кругов и космополитически настроенной знати очернить память Пушкина и оправдать Дантеса. Непосредственным поводом для создания последних 16 стихов, по свидетельству Раевского, послужила ссора Лермонтова с родственником, камер-юнкером Н. А. Столыпиным, который, навестив больного поэта, стал излагать ему «невыгодное» мнение придворных лиц о Пушкине и попытался защитить Дантеса.

Аналогичный рассказ содержится в письме А. М. Меринского к П. А. Ефремову, издателю сочинений Лермонтова.

«Есть грозный суд: он ждет» — этот стих в издании сочинений Лермонтова под редакцией Ефремова (1873) впервые был напечатан с разночтением: «Есть грозный судия: он ждет». Изменение первоначального чтения данного стиха не мотивировано. Глухое упоминание об автографе, который якобы лег в основу полного текста стихотворения в этом издании, вызвано тем, что Ефремов внес ряд поправок в текст по письму А. М. Меринского, у которого хранился список стихотворения, сделанный им с автографа в 1837 г., сразу же после того, как Лермонтов написал его. Письмо Меринского к Ефремову сохранилось, но в нем нет поправки к стиху

«Есть грозный суд». Очевидно, Ефремов исправил его произвольно.

В некоторых изданиях сочинений Лермонтова (под редакцией Болдакова в 1891 г., в нескольких советских изданиях начиная с 1924 г.) было повторено чтение Ефремова — «судия» вместо «суд». Между тем во всех дошедших до нас копиях стихотворения и в первых публикациях текста читается «суд», а не «судия». Сохранилось также стихотворение поэта П. Гвоздева, учившегося вместе с Лермонтовым в юнкерской школе. Гвоздев 22 февраля 1837 г. написал ответ Лермонтову, содержавший строки, подтверждающие правильность первоначального чтения спорного стиха:

Не ты ль сказал: «Есть грозный суд!»
И этот суд есть суд потомства...

Ветка Палестины (стр. 415). Напечатано при жизни поэта в 1839 г. в «Отечественных записках» и в 1840 г. в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано 1836 г.

Однако писатель А. Н. Муравьев (1806—1874), которому вначале посвящено было стихотворение (о чем свидетельствует зачеркнутая помета в копии), утверждает в своих воспоминаниях, что «Ветка Палестины» была написана у него на квартире в феврале 1837 г., перед арестом Лермонтова, когда тот приезжал к нему в связи с начавшимся следствием по делу о стихотворении «Смерть Поэта» (А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871).

Автограф не сохранился.

О «ветке Палестины» родственник и друг поэта А. П. Шан-Гирей рассказывает: «Пальмовая, искусно сплетенная ветка Палестины была привезена известным путешественником ко святым местам Андреем Николаевичем Муравьевым. С нею стоял он у заутрени в Вербное воскресенье в Иерусалиме и подарил ее Лермонтову» («Русское обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 747). При виде этой ветки перед образами в доме Муравьева Лермонтов «по мгновенному вдохновению» записал стихотворение на том же листке, где была им оставлена записка хозяину дома (см. в указанной выше книге А. Н. Муравьева).

Солим — Иерусалим.

Последняя строфа сходна со следующими стихами из поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан»:

Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный,
Пречистой девы кроткий лик
И крест, любви символ священный.

В литературе указывалось также на параллелизм образов, интонаций и отдельных строк данного стихотворения и стихотворения Пушкина «Цветок» (напечатано в 1829 г.)

Узник (стр. 417). Напечатано при жизни поэта в 1839 г. в «Одесском альманахе» и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» (1840), где датировано 1837 г.

Родственник Лермонтова А. П. Шан-Гирей рассказывает в своих воспоминаниях, что стихотворение написано в феврале 1837 г., когда поэт находился под арестом за стихотворение «Смерть Поэта»: «Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес, а именно: „Когда волнуется желтеющая нива", „Я, матери божия, ныне с молитвою", „Кто б ни был ты, печальный мой сосед", и переделал старую пьесу „Отворите мне темницу"» («Русское обозрение», 1890, г. 4, № 8, стр. 740)

Первые четыре стиха перенесены из стихотворения 1832 г. «Желанье», остальной текст значительно переделан и дополнен — в нем нашли отражение реальные черты тюремного быта.

Сосед («Кто б ни был ты, печальный мой сосед», стр. 419). Напечатано при жизни поэта в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» (1840), где датировано 1837 г.

Автограф не сохранился.

Родственник Лермонтова А. П. Шан-Гирей указывает в своих воспоминаниях, что это стихотворение было написано в феврале 1837 г., когда поэт находился в заключении (см. примечание к стихотворению «Узник»).

«Когда волнуется желтеющая нива» (стр. 421). Напечатано при жизни поэта в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» (1840), где датировано 1837 г.

Автограф не сохранился

Написано в феврале 1837 г., когда поэт находился в заключении (см примечание к стихотворению «Узник»).

Молитва («Я, матерь божия, ныне с молитвою», стр. 422). Напечатано при жизни поэта в 1840 г. в «Отечественных записках» и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано 1837 г.

В автографах (их два) стихотворение озаглавлено «Молитва странника». Возможно, что оно было написано перед отъездом Лермонтова на Кавказ, в ссылку. А. П. Шан-Гирей называет это стихотворение в числе тех, которые создавались поэтом в заключении, во время следствия по «Делу о непозволительных стихах» на смерть Пушкина (см. примечание к стихотворению «Узник»).

«Расстались мы; но твой портрет» (стр. 423). Напечатано при жизни поэта в «Стихотворениях М. Лермонтова» (1840), где датировано 1837 г.

Последняя строфа перенесена с изменением первых двух строк из стихотворения 1831 г. «Я не люблю тебя; страстей», посвященного Е. А. Сушковой.

«Я не хочу, чтоб свет узнал» (стр. 424). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г. в литературном сборнике «Вчера и сегодня».

Написано, по всей вероятности, в 1837 г., как и стихотворение «Не смейся над моей пророческой тоскою», расположенное на другой стороне того же листа в тетради.

«Не смейся над моей пророческой тоскою» (стр. 425). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1846 г в литературном сборнике «Вчера и сегодня».

Стихотворение не закончено.

«Удар судьбы», «хитрая вражда», клевета, поразившая «недоцветший гений», — все эти мотивы позволяют предположить, что стихотворение написано в 1837 г. после ареста Лермонтова за стихотворение «Смерть Поэта».

«Венец певца, венец терновый» — ср. сходный образ в стихотворении «Смерть Поэта»: «И прежний сняв венок — они венец терновый, Увитый лаврами, надели на него».

Первые четыре строки комментируемого текста повторяют начальную строфу юношеского стихотворения «К *» («Когда твой друг с пророческой тоскою»). В начале 30-х годов в лирике Лермонтова постоянным мотивом звучали мечты о подвиге во имя свободы, жажда борьбы и ожидание трагического конца — изгнания, преследований клеветой, ранней гибели (см. стихотворения «Послушай! вспомни обо мне», «1831 июня 11 дня», «Из Андрея Шенье», «Из Паткуля», «Когда твой друг с пророческой тоскою» и многие другие). Повторяя строки одного из этих стихотворений, Лермонтов как бы напоминал о том, что пророческие предчувствия не обманули его.

‹Эпиграмма на Н. Кукольника› (стр. 426). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1875 г. в «Русской старине».

«Давали Скопина» — имеется в виду псевдопатриотическая пьеса Н. В. Кукольника «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский», которая шла в Петербурге, на сцене Александринского и Большого театров, с 1835 г., но успеха не имела.

‹Эпиграммы на Ф. Булгарина› (стр. 427—428). Впервые опубликованы в 1952 г. в «Литературном наследстве».

Написаны, по всей вероятности, в апреле 1837 г. в Москве.

«Фадей» — Ф. В. Булгарин (1789—1859), реакционный писатель, редактор полуофициозной газеты «Северная пчела», шпион и доносчик, агент политической полиции Николая I. В начале 30-х годов с эпиграммами, высмеивающими политическую продажность Булгарина и его бездарное творчество, выступил в печати Пушкин.

Поводом для эпиграмм Лермонтова послужил выход в 1837 г. книги, печатавшейся под именем Булгарина, — «Россия в историческом, статистическом и литературном отношениях» (подлинный автор Н. А. Иванов). Первая строка эпиграмм имеет двойной смысл и содержит намек не только на продажу книги, но и на предательскую деятельность Булгарина вообще, в частности на то, что в 1812 г. он служил в армии Наполеона.

«Се Маккавей-водопийца» (стр. 429); **«Остаться без носу — наш Маккавей боялся»** (стр. 430). Впервые

опубликованы в 1952 г. в «Литературном наследстве».

Написаны летом 1837 г. на Кавказских водах.

Против кого направлены эпиграммы — не установлено.

Маккавей — библейское наименование израильтянина.

‹А. Петрову› (стр. 431). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1864 г. в «Русском архиве» под заглавием «Ребенку».

Автограф не сохранился. Относится к Аркадию Павловичу Петрову, троюродному брату Лермонтова, тогда двенадцатилетнему мальчику.

«Спеша на север из далека» (стр. 432). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г в литературном сборнике «Вчера и сегодня» под заглавием «Казбеку».

Написано, вероятно, в конце 1837 г. перед отъездом Лермонтова в Петербург с Кавказа, где он отбывал первую ссылку.

1837—1838

Кинжал (стр. 434). Напечатано при жизни поэта в 1841 г. в «Отечественных записках» (т. XVI, № 6).

Написано, по всей вероятности, в конце 1837 или в начале 1838 г., после отъезда Лермонтова с Кавказа в Петербург, а потом в Новгород.

На обороте листа, где находится автограф стихотворения, записано посвящение к поэме «Тамбовская казначейша», относящееся также к этому времени — к концу 1837 или к самому началу 1838 г.

«Гляжу на будущность с боязнью» (стр 435). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г. в литературном сборнике «Вчера и сегодня».

Написано, по всей вероятности, в конце 1837 или в начале 1838 г., после отъезда Лермонтова с Кавказа, где он отбывал ссылку (см. примечание к стихотворению «Кинжал»).

Первоначальную редакцию этого стихотворения представляет набросок «Мое грядущее в тумане».

«Слышу ли голос твой» (стр. 436). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г. в литературном сборнике «Вчера и сегодня».

На том же листке, где автограф, имеется запись «Я в Тифлисе...», которую относят к 1837 г. или к началу 1838 г.

По содержанию связано со стихотворениями «Как небеса, твой взор блистает» и «Она поет — и звуки тают», по всей вероятности, относящимися к одному лицу и написанными в тот же период.

Кому адресовано стихотворение — не установлено.

«Как небеса, твой взор блистает» (стр. 437). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Библиографических записках».

Написано, по всей вероятности, в конце 1837 или в самом начале 1838 г.

«Она поет — и звуки тают» (стр. 438). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Библиографических записках».

Стихотворение предположительно датируется концом 1837 или самым началом 1838 г.

Последние четыре стиха перенесены с некоторыми изменениями из стихотворения 1832 г. «Она не гордой красотою».

1838

‹К М. И. Цейдлеру› («Русский немец белокурый», стр. 439). При жизни поэта не печаталось. В 1859 г. стихотворение было опубликовано в «Библиографических записках» с указанием, что оно списано с собственноручных бумаг поэта.

Автограф не сохранился.

Это экспромт, посвященный Михаилу Ивановичу Цейдлеру, товарищу Лермонтова по юнкерской школе, служившему в лейб-гвардии Гродненском полку, куда с Кавказа был переведен Лермонтов. Написано на проводах, устроенных в честь отъезда Цейдлера в действующую армию на Кавказ 3 марта 1838 г. (см. воспоминания Цейдлера — «Русский вестник», 1888, № 9).

«Но иной, не бранной сталью Мысли юноши полны» — эти стихи содержат игру слов. Цейдлер был

влюблен в Софью Николаевну Стааль фон Гольштейн, жену дивизионного командира.

‹К портрету старого гусара› («Смотрите, как летит, отвагою пылая», стр. 440). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках» с подзаголовком «(Н. И. Б—ву)».

Автограф не сохранился.

Стихотворение представляет собой подпись к рисунку, на котором изображен скачущий на коне старый гусар, полковник лейб-гвардии гусарского полка Николай Иванович Бухаров, сослуживец Лермонтова по полку. Рисунок сделан товарищем Лермонтова лейб-гусаром А. Н. Долгоруким. Под рисунком — авторизованная копия стихотворения Лермонтова (его подпись и дата — «1838»).

‹К Н. И. Бухарову› («Мы ждем тебя, спеши, Бухаров», стр. 441). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в украинском литературном сборнике «Молодик». Адресовано, как и предыдущее стихотворение, Н. И. Бухарову и написано, по всей вероятности, тогда же, в 1838 г.

Стихи «Нам дорога твоя отвага. — В бутылке старого вина» являются переделкой трех стихов подписи «К портрету старого гусара».

Дума (стр. 442). Напечатано при жизни поэта в 1839 г. в «Отечественных записках» и в 1840 г. в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано 1838 г.

Автограф не сохранился.

Это одно из наиболее значительных стихотворений в гражданской лирике Лермонтова. В нем поэт подытожил мысли, волновавшие его с юности, — о судьбе поколения, которое утратило героические черты, политическую активность, высокие нравственные идеалы. В самой постановке этих вопросов, как и во всей картине идейного состояния общества, нарисованной Лермонтовым, отразились характерные черты эпохи в условиях николаевской реакции конца 30-х годов.

«Дума» Лермонтова подготовлена такими стихотворениями, как «Монолог», «Поверь, ничтожество есть благо в этом мире», «Бородино» и многими другими, содержащими отдельные мысли, отдельные стихи, пере-

несенные затем в «Думу» (ср. «Чаша жизни», «Он был рожден для счастья, для надежд»).

Идея стихотворения легла в основу романа «Герой нашего времени».

В. Г. Белинский в своей рецензии на стихотворения Лермонтова высоко оценил художественные достоинства и идейное содержание «Думы». Гражданская позиция поэта, не пожелавшего мириться с болезнями века и выступившего с могучим протестом против общественного зла, была близка передовым современникам Лермонтова и прежде всего Белинскому.

‹А. Г. Хомутовой› («Слепец, страданьем вдохновенный», стр. 444). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в украинском литературном сборнике «Молодик» без заглавия.

Написано, по всей вероятности, в 1838 г., когда Лермонтов служил в лейб-гвардии Гродненском полку, которым командовал генерал М. Г. Хомутов. Его сестре, Анне Григорьевне Хомутовой, и адресовано стихотворение.

«Слепец, страданьем вдохновенный» — поэт И. И. Козлов, в это время уже совсем больной, разбитый параличом, ослепший. В молодости его связывала тесная дружба с А. Г. Хомутовой, двоюродной сестрой, беззаветно его любившей. В 1838 г. они встретились после более чем двадцатилетней разлуки. Взволнованный этой встречей, Козлов написал стихотворение «К другу весны моей после долгой, долгой разлуки».

Лермонтов, часто бывая в доме Хомутовых, узнал об этом стихотворении и ответил на него своим посланием.

Вид гор из степей Козлова (стр. 446). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1846 г. в литературном сборнике «Вчера и сегодня».

Автограф не сохранился.

Написано в 1838 г., когда Лермонтов служил в лейб-гвардии Гродненском полку. Это вольный перевод одноименного стихотворения Мицкевича из цикла «Крымских сонетов».

Лермонтов писал по подстрочнику, сделанному его однополчанином, корнетом Краснокутским.

Стихотворение является единственным переводом Лермонтова из Мицкевича. Литературных фактов, свидетельствующих о влиянии произведений польского

поэта на творчество Лермонтова, имеется мало. Романтическая устремленность поэзии Мицкевича, экзотические краски «Крымских сонетов», явно ощутимое поклонение Байрону, мятежная судьба самого поэта — все это должно было очень импонировать молодому Лермонтову и вызвать интерес к творчеству своего славного современника Между тем в литературе указывается обычно лишь на сходство нескольких мотивов в творчестве обоих поэтов: образа девы-воина в «Литвинке», четырех стихов из поэмы «Боярин Орша» (см. стихи «И тот, кто крик сей услыхал» и сл.) и концовки поэмы Мицкевича «Валленрод» (причем стихи эти имеют общий литературный источник — сходные строки в «Паризине» Байрона); повторение образа «ночного огонька», «засвеченного сатаной» («Валленрод»), в поэме «Демон»; сходство постоянного у Лермонтова сравнения души с опустевшим храмом и соответствующего образа в сонете Мицкевича «Покорность».

В отношении Лермонтова к Мицкевичу, как и в отношении к нему Пушкина, серьезную роль сыграли польское восстание 1830 г. и последующая деятельность польского поэта в эмиграции. Лермонтов, как и Пушкин, не разделял демократических убеждений Мицкевича, проявившихся в его публицистических выступлениях против русского самодержавия в первой половине 30-х годов XIX в. (подробнее см. в примечании к стихотворению «Опять, народные витии»).

Обращение Лермонтова к переводу из Мицкевича в 1838 г. было вызвано, по всей вероятности, его особым в это время интересом к личности поэта И. И. Козлова (см. примечание к стихотворению «А. Г. Хомутовой»). Принадлежащий Козлову перевод сонета Мицкевича «Вид гор из степей Козловских» издавался неоднократно (в 1828 1829, 1833 и 1834 гг.) как один из лучших переводов.

Козлов (по-турецки Гёзлев) — так называлась раньше Евпатория.

«Застывших волн.. твердыни» — Крымские горы, самая высокая из которых Чатырдаг.

Дивы — по древней персидской мифологии — злые гении, некогда царствовавшие на земле, потом изгнанные ангелами и ныне живущие на конце света, за горою

Каф (примечание Мицкевича). В переводе Козлова упоминание о дивах отсутствует.

Мирза — в Иране почетный титул царедворцев и высших чинов.

«А!» — Мицкевич сам объясняет значение последнего восклицания пилигрима, потрясенного смелостью мирзы: «Выражаясь по-восточному, надо было бы сказать, что мирза при этих словах вложил в уста палец изумления». В переводе Козлова восклицание отсутствует.

Поэт (стр. 448). Напечатано при жизни поэта в 1839 г. в «Отечественных записках».

Стихотворение является выражением декабристских представлений о высоком назначении поэта — побуждать сердца сограждан к борьбе за политическую свободу. Отсюда такие образы, как «колокол на башне вечевой» — обращение к теме древней новгородской вольности, воспевавшейся декабристами.

«Осмеянный пророк» — этот образ лег в основу позднейшего стихотворения Лермонтова «Пророк».

1839

«Ребенка милого рожденье» (стр. 450). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках».

Стихотворение находилось в письме Лермонтова к А. А. Лопухину (конец февраля—первая половина марта 1839 г.). Написано по поводу рождения его сына Александра.

‹А. А. Олениной› («Ах! Анна Алексевна», стр. 451). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1954 г. в академическом собрании сочинений Лермонтова.

Автограф не сохранился.

Стихотворение написано 11 августа 1839 г. в альбом А. А. Олениной по поводу дня ее рождения.

Анна Алексеевна Оленина — дочь директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств А. Н. Оленина.

«Не верь себе» (стр. 452). Напечатано при жизни поэта в 1839 г. в «Отечественных записках» и в 1840 г. в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано 1839 г.

Автограф не сохранился.

В стихотворении решается остро волновавший Лермонтова вопрос о взаимоотношении поэта и народа (ср. стихотворения «Поэт», «Журналист, читатель и писатель», «Пророк»). Лермонтов трагически воспринимал положение непонятого обществом поэта, равнодушие «толпы». В отличие от Пушкина, поднимавшего те же темы в стихотворениях «Поэт и толпа», «Поэту», «Разговор книгопродавца с поэтом» и др., Лермонтов объяснял разрыв, существующий между поэтом и народом, не только инертностью «черни простодушной», но и утратой лучших поэтических традиций, — измельчанием поэзии, превратившейся из рупора «благородных страстей» в «заученные напевы» холодных литературных ремесленников.

Эпиграф взят из «Пролога» к «Ямбам» французского прогрессивного поэта Огюста Барбье, с изменением первого стиха. Вместо «Que me font» («Какое мне дело») Лермонтов написал «Que nous font» («Какое нам дело»).

Три пальмы (стр. 454). Напечатано при жизни поэта в 1839 г. в «Отечественных записках» и в 1840 г. в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано 1839 г.

Автограф не сохранился.

В литературе указывалось на связь этой баллады с «Подражаниями Корану» Пушкина (ср. «И путник усталый на бога роптал»), напечатанными в 1828 г.

Молитва («В минуту жизни трудную», стр. 457). Напечатано при жизни поэта в 1839 г. в «Отечественных записках» и в 1840 г. в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано 1839 г.

Автограф не сохранился

Современница Лермонтова А. О. Смирнова-Россет в своих воспоминаниях указывает, что стихотворение посвящено кн. М. А. Щербатовой, которой был увлечен поэт (см.: А. О Смирнова-Россет. Автобиография. Изд. «Мир», 1931, стр. 247).

О Щербатовой см. примечание к стихотворению «На светские цепи».

Дары Терека (стр. 458). Напечатано при жизни поэта в 1839 г. в «Отечественных записках» и в 1840 г.

в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано 1839 г.

Автограф не сохранился.

В стихотворении отразилось знакомство Лермонтова с народными песнями и сказами гребенских казаков о Тереке.

В. Г. Белинский по поводу этого стихотворения писал о Лермонтове: «...Каков его „Терек“? Черт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт и что Пушкин умер не без наследника» (письмо к Боткину от 9 февраля 1840 г.).

Памяти А. И. О‹доевско›го (стр. 461). Напечатано при жизни поэта в 1839 г. в «Отечественных записках» и в 1840 г. в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано 1839 г. (с заглавием «Памяти А. И. О—го»).

Написано в связи со смертью друга Лермонтова, поэта-декабриста Александра Ивановича Одоевского (1802—1839), сосланного после декабрьского восстания в Сибирь, а затем на Кавказ, где он и умер 15 августа 1839 г. от лихорадки. Лермонтов познакомился с Одоевским в 1837 г. во время своей кавказской ссылки. Оба поэта служили в Нижегородском драгунском полку.

Стихи «Он был рожден для них, для тех надежд» и следующие являются повторением в новой редакции второй строфы юношеского стихотворения «Когда твой друг с пророческой тоскою» и начала стихотворения 1832 г. «Он был рожден для счастья, для надежд». Третья и четвертая строфы этого стихотворения текстуально сходны с строфами 3, 4, 136 и 137 поэмы «Сашка».

«На буйном пиршестве задумчив он сидел» (стр 464). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано под заглавием «Казот» в 1857 г. в «Современнике».

Стихотворение не закончено. В основу его лег вымышленный рассказ французского писателя Лагарпа о том, что в начале 1788 г. на банкете у одного знатного вельможи писатель-монархист Ж. Казот (казненный в 1792 г.) предсказал дату Французской революции и судьбу присутствовавших на вечере гостей (Лагарп, Посмертные сочинения, 1806).

В 1829 г. рассказ Лагарпа был повторен и в русской печати. Тема эта была близка Лермонтову, в лирике которого «мечта» о годе, «когда с царей корона упадет» — предсказания и пророческие предчувствия революционных событий занимают значительное место.

‹Э. К. Мусиной-Пушкиной› («Графиня Эмилия», стр. 465). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1860 г. в «Русском вестнике».

Стихотворение относится к известной красавице графине Эмилии Карловне Мусиной-Пушкиной, рожденной Шерриваль (1810—1846).

1840

«Как часто, пестрою толпою окружен» (стр. 466). Напечатано при жизни поэта в 1840 г. в «Отечественных записках» и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано 1 января 1840 г.

Автограф не сохранился.

Стихотворение написано под впечатлением новогоднего бала-маскарада в Дворянском собрании. На этом балу Лермонтова видел И. С. Тургенев, о чем он рассказывает в своих «Литературных и житейских воспоминаниях» (Собрание сочинений, М., 1956, т. X, стр. 331): «На бале Дворянского собрания ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи:

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки... и т. д.».

И скучно и грустно (стр. 468). Напечатано при жизни поэта в 1840 г. в «Литературной газете» (20 января) и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано тем же годом.

В. Г. Белинский писал об этом стихотворении: «„И скучно и грустно“ из всех пьес Лермонтова обра-

тила на себя особенную неприязнь старого поколения. Странные люди! Им всё кажется, что поэзия должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тешить побрякушками, а не греметь правдою!» (Академическое собрание сочинений, т. IV, стр. 527).

Посреди небесных тел (стр. 469). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1858 г. в «Библиографических записках». Написано 16 мая 1840 г.

Казачья колыбельная песня (стр. 470). Напечатано при жизни поэта в 1840 г. в «Отечественных записках» и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано тем же годом.

В. Г. Белинский писал о «Казачьей колыбельной песне»: «Ее идея — мать; но поэт умел дать индивидуальное значение этой общей идее: его мать — казачка, и потому содержание ее колыбельной песни выражает собою особенности и оттенки казачьего быта» (Академическое собрание сочинений, т. IV, стр. 535).

Стихотворение свидетельствует о знакомстве Лермонтова с народным творчеством гребенских казаков.

‹М. А. Щербатовой› («На светские цепи», стр. 472). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1842 г. в «Отечественных записках», где датировано 1840 г.

Обращено к княгине Марии Алексеевне Щербатовой (рожденной Штерич), украинке по происхождению, молодой вдове, которой, по свидетельству современников, был увлечен Лермонтов в 1839—1840 гг. Ей посвящено стихотворение «Молитва» («В минуту жизни трудную»). С именем Щербатовой связывалась история дуэли поэта с Барантом, сыном французского посланника в Петербурге.

«Есть речи — значенье» (стр. 474). Напечатано при жизни поэта в 1841 г. в «Отечественных записках» (т. 14, № 1). В другой редакции стихотворение опубликовано в 1846 г. в литературном сборнике «Вчера и сегодня» под заглавием «Волшебные звуки». После стиха «В них трепет свиданья» здесь следует текст:

Их кратким приветом,
Едва он домчится,
Как божиим светом
Душа озарится.

Средь шума мирского
И где я ни буду,
Я сердцем то слово
Узнаю повсюду;
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.
Надежды в них дышат,
И жизнь в них играет, —
Их многие слышат,
Один понимает,
Лишь сердца родного
Коснутся в дни муки
Волшебного слова
Целебные звуки,
Душа их с моленьем,
Как ангела, встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.

Стих «Из пламя и света» упоминается в рассказе И. И. Панаева о том, как Лермонтов привез это стихотворение в журнал Краевскому (И. И. Панаев. Литературные воспоминания, 1950, стр. 134—135). По словам мемуариста, поэт пытался исправить «грамматическую вольность» в этом стихе («пламя» вместо «пламени» в родительном падеже), но не нашел подходящей замены.

Названная выше грамматическая форма у Лермонтова не случайна (ср. стихи «Не выглянет до время седина» в поэме «Сашка», строфа 146; «Погаснувших от время и страстей» в стихотворении «1831-го июня 11 дня»; «Ни даже имя своего» в стихотворении «А. О. Смирновой» в автографе из альбома М. П. Полуденского и др.).

Журналист, читатель и писатель (стр. 475). Напечатано при жизни поэта в 1840 г. в «Отечественных записках» и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова».

Написано 20 марта 1840 г. в Петербурге, когда Лермонтов находился под арестом на Арсенальной гауптвахте за дуэль с Барантом.

Эпиграф взят из «Изречений в стихах» Гете.

В стихотворении поставлен центральный для поздней лирики Лермонтова вопрос — об общественном содержании поэзии, призванной служить народу, правдиво и глубоко отражать жизнь. Пустоте и мелочному содержанию современной литературы и критики поэт противопоставляет как идеал поэзию «благородной мечты» и сатирического обличительного звучания (ср. стихотворения «Поэт», «Не верь себе»).

Тему поэта-пророка, поэта-обличителя, не понятого «неблагодарной толпой», Лермонтов развивает в стихотворении «Пророк».

Следуя за Пушкиным в постановке этой темы (ср. «Поэт и толпа», «Поэту», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Пророк» Пушкина), Лермонтов вносит в ее трактовку черты, отражающие настроения передовой интеллигенции начала 40-х годов: трагизм в восприятии общественных противоречий и стремление к «крайним граням отрицательного отношения» к порокам своего времени. В. Г. Белинский высоко оценил стихотворение «Журналист, читатель и писатель»: «Разговорный язык этой пьесы — верх совершенства; резкость суждений, тонкая и едкая насмешка, оригинальность и поразительная верность взглядов и замечаний — изумительны. Исповедь поэта, которою оканчивается пьеса, блестит слезами, горит чувством. Личность поэта является в этой исповеди в высшей степени благородною» (Академическое собрание сочинений, т. IV, стр. 530).

Воздушный корабль (стр. 482). Напечатано при жизни поэта в 1840 г. в «Отечественных записках» и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано тем же годом.

Автограф не сохранился.

Написано в марте 1840 г., когда Лермонтов находился под арестом за дуэль с Барантом. В. Г. Белинский в письме Боткину от 15 марта писал, что Лермонтов, которого он навестил в ордонанс-гаузе, «читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает».

Стихотворение является свободным переложением баллады австрийского поэта-романтика Цедлица «Geisterschiff» («Корабль призраков»). Лермонтов значительно сократил подлинник и внес в текст сюжетные изменения. В лирике Лермонтова имеется несколько стихотворений, посвященных Наполеону (см. «Наполеон»

(1829), «Наполеон» (1830), «Эпитафия Наполеона», «Св. Елена», «Последнее новоселье»).

Соседка (стр. 485). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1842 г. в «Отечественных записках».

Как указывает родственник и друг поэта А. П. Шан-Гирей, стихотворение написано в ордонанс-гаузе, когда Лермонтов находился под арестом за дуэль с Барантом. По словам Шан-Гирея, соседка, о которой написано стихотворение, действительно существовала, но «была вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащего при ордонанс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с ружьем точно стоял у двери» («Русское обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 749). Имеются свидетельства, что существовал и портрет этой девушки, нарисованный Лермонтовым, с подписью «la jolie fille de sous-officier» («хорошенькая дочь унтер-офицера») (см. т. VI собрания сочинений под редакцией Висковатова, 1891, стр. 330).

Пленный рыцарь (стр. 487). Впервые опубликовано после смерти Лермонтова в 1841 г. в «Отечественных записках» (т. 17, № 8).

Написано, по всей вероятности, весной 1840 г. в ордонанс-гаузе, когда Лермонтов находился под арестом за дуэль с Барантом.

‹М. П. Соломирской› («Над бездной адскою блуждая», стр. 488). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1842 г. в «Отечественных записках».

Обращено к Марии Петровне Соломирской, жене В. Д. Соломирского, брат которого в 1837 г. командовал лейб-гвардии гусарским полком, где служил Лермонтов. В 1839—1840 гг. поэт встречался с Соломирской на балах.

Стихи «Так разбирая в заточенье Досель мне чуждые черты» объясняются, по всей вероятности, тем, что Лермонтов, находясь в ордонанс-гаузе под арестом, получил от Соломирской приветственное письмо.

Отчего (стр. 489). Напечатано при жизни поэта в 1840 г. в «Отечественных записках» и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано тем же годом.

Существует предположение, что стихотворение посвящено М. А. Щербатовой (см. примечание к стихотворению «На светские цепи»).

Благодарность (стр. 490). Напечатано при жизни поэта в 1840 г. в «Отечественных записках» и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано тем же годом.

Это одна из «молитв» Лермонтова — полная сарказма благодарность вершителю судеб, богу. В стихотворении того же года «Валерик» есть сходные строки:

Судьбе как турок иль татарин
За всё я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переношу.

Из Гёте (стр. 491) Напечатано при жизни поэта в 1840 г. в «Отечественных записках» и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано тем же годом.

Является вольным переводом стихотворения Гете «Über allen Gipfeln» («Над всеми вершинами»).

Ребенку (стр. 492). Напечатано при жизни поэта в 1840 г. в «Отечественных записках» и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», где датировано тем же годом.

Высказывалось предположение, что стихотворение относится к дочери В. А. Бахметевой (рожденной Лопухиной).

А. О. Смирновой (стр. 494). Напечатано при жизни поэта (с сокращением первой строфы) в 1840 г. в «Отечественных записках».

Написано в альбом Александре Осиповне Смирновой, рожденной Россет, хозяйке известного литературного салона, где бывали Жуковский, Пушкин, Гоголь и многие другие русские писатели. Лермонтов встречался со Смирновой в 1840—1841 гг. в ее салоне и у Карамзиных.

К портрету (стр. 495). Напечатано при жизни поэта в 1840 г в «Отечественных записках».

Написано к портрету графини Александры Кирилловны Воронцовой-Дашковой, рожденной Нарышкиной. Портрет литографирован в 1840 г. в Париже Гревдоном.

В черновом автографе стихотворение озаглавлено «Портрет. Светская женщина».

Тучи (стр. 496). Напечатано при жизни поэта в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» (1840).

Написано в апреле 1840 г. перед отъездом Лермонтова в ссылку на Кавказ.

По воспоминаниям В. А. Соллогуба, стихотворение создавалось при следующих обстоятельствах: «Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим, и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение „Тучки небесные, вечные странники!..“ Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез...» (см. т. VI собрания сочинений под редакцией Висковатова, 1891, стр. 338).

Валерик (стр. 497). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано с пропусками в 1843 г. в альманахе «Утренняя заря».

В черновом автографе заглавие отсутствует, но оно имеется в копии из архива Ю. Ф. Самарина (сделанной, по всем признакам, с более позднего автографа) и в первопечатном издании.

После стиха «Нам был обещан бой жестокий» в черновом автографе первоначально следовал другой текст:

Чечня восстала вся кругом;
У нас двух тысяч под ружьем
Не набралось бы. Слава богу
Выходит из кустов обоз,
В цепи стрельба; но началось
И в арьергарде понемногу;
Вот жарче, жарче... Крик! Глядим,
Уж тащат одного, — за ним
Других... и много... ружья носят
И кличут громко лекарей!
Уж им не в мочь — подмоги просят:
«Сюда орудие — скорей
Картечи»... тихо развернулся

Меж тем в поляне весь отряд,
Кругом зеленый лес замкнулся;
Дымится весь. Свистят, жужжат
Над нами пули. — Перед нами
Овраг река, — по берегам
Валежник, бревна здесь и там —
Но ни души — кусты ветвями
Сплелись — мы ближе подошли,
Орудий восемь навели
На дерева, в овраг без цели.
Гранаты глухо загудели
И лопнули... Ответа нет,
Мы ближе... Что за притча, право!
Вот от ружья как будто свет,
Вот кто-то выбежал направо...
Мелькнул и скрылся враг лукавый.
Мы снова тронулись вперед,
Послали выстрел им прощальный —
И ружей вдруг из семисот
Осыпал нас огонь батальный
И затрещало... по бокам,
И впереди, и здесь, и там
Валятся целыми рядами...
Как птиц нас бьют со всех сторон...
Второй и третий батальон
В штыки, дружнее, молодцами;

После стиха «Была тепла, была красна» вычеркнуто:

Тогда на самом месте сечи
У батареи я прилег
Без сил и чувств; я изнемог,
Но слышал, как просил картечи
Артиллерист. Он приберег
Один заряд на всякий случай.
Уж раза три чеченцы тучей
Кидали шашки наголо;
Прикрытье всё почти легло.
Я слушал очень равнодушно;
Хотелось спать и было душно.

Послание обращено, по всей вероятности, к В. А. Бахметевой (Лопухиной). Поэт рассказывает в нем о бое-

вых действиях отряда генерал-лейтенанта Галафеева в Чечне. 11 июля 1840 г. на реке Валерик (приток Сунжи, впадающей в Терек) разыгралось сражение, стоившее больших жертв той и другой стороне. Лермонтов участвовал в этом бою. Ему было поручено наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и держать связь с командиром, что было связано с величайшей опасностью, так как чеченцы скрывались в лесу. С первыми рядами храбрецов поэт ворвался в неприятельские завалы. За проявленное «отличное мужество» Лермонтов был представлен к ордену. Но высочайшим повелением опальному поэту было отказано в награде.

В «Журнале военных действий» отряда Галафеева подробно описано валерикское сражение. Рассказ Лермонтова в стихотворном послании до деталей совпадает с этими журнальными записями.

Реалистическая простота и точность повествования, ведущегося от лица участника событий, бытовые зарисовки, разговорный язык — всё это очень сильно отличало стихотворение Лермонтова от традиционных образцов высокой батальной лирики. Первым опытом поэта в этом направлении было «Бородино». Та же подчеркнутая «сниженность» темы — в стихотворениях «Завещание» и «Родина».

Завещание («Наедине с тобою, брат», стр. 506). Напечатано при жизни поэта в 1841 г. в «Отечественных записках» (т. 14. № 2).

Автограф не сохранился.

Написано, по всей вероятности, в конце 1840 г., когда Лермонтов участвовал в военных действиях на Кавказской линии.

1841

Оправдание (стр. 508). Напечатано при жизни поэта в 1841 г. в «Отечественных записках» (т. 15, № 3)

Автограф не сохранился.

Является переработкой двух юношеских стихотворений Лермонтова: «Романса к И...» («Когда я унесу в чужбину») и «Когда одни воспоминанья», включенного в трагедию «Странный человек».

Родина (стр. 509). Напечатано при жизни поэта в 1841 г. в «Отечественных записках» (т. 15, № 4) под заглавием «Родина».

В автографе стихотворение называется «Отчизна». 13 марта 1841 г. В. Г. Белинский писал В. П. Боткину: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его „Родина“ — то, аллах-керим, — что за вещь — пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских».

Лермонтов заявляет в стихотворении о своем неприятии славянофильского понимания патриотизма и традиционно-романтического воспевания парадной стороны русской жизни. Любовь Лермонтова к родине была прогрессивной, народной по своему характеру, она включала в себя активный протест против общественного зла. Эту особенность своего отношения к отчизне поэт и называет «странной любовью» (ср. стихотворение «Прекрасны вы, поля земли родной»).

Н. А. Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» отметил, что Лермонтов, рано постигнув недостатки современного общества, понял, что спасение находится только в народе. «Доказательством, — писал критик, — служит его удивительное стихотворение „Родина“, в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно». (Полн. собр. соч., т. I, Гослитиздат, 1934, стр. 238).

Эпиграмма («Под фирмой иностранной иноземец», стр. 511). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1861 г. в «Библиографических записках» с примечанием П. А. Ефремова — «На О. И. Сенковского».

Осип Иванович Сенковский (1800—1858) — реакционный писатель, редактор «Библиотеки для чтения», поляк по национальности. Подписывался псевдонимом «Барон Брамбеус» Его критические статьи носили грубый, оскорбительный характер или содержали двусмысленные комплименты. В 1840 г .Сенковский выступил в «Библиотеке для чтения» с двумя статьями о Лермонтове — о его стихотворениях и о «Герое нашего времени».

«На севере диком стоит одиноко» (стр. 512). Это вольный перевод стихотворения Генриха Гейне «Ein

Fichtenbaum steht einsam» из цикла «Lirische Intermezzo» («Лирическое интермеццо»), входящего в «Buch der Lieder» («Книга песен»).

Существуют две редакции этого перевода. Первая, более близкая к подлиннику, но не окончательная, имеет в автографе эпиграф — цитату из немецкого текста стихотворения:

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh.

Heine.

(Сосна стоит одиноко
На севере, на голой вершине.

Гейне).

Затем следует текст:

На хладной и голой вершине
Стоит одиноко сосна,
И дремлет... под снегом сыпучим
Качаяся дремлет она.
Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.

Эта редакция стихотворения была впервые опубликована в 1888 г. в «Ниве».

Окончательная редакция создана Лермонтовым вскоре после первой — весной 1841 г., перед отъездом поэта на Кавказ. Эпиграф в ней отсутствует. Опубликована впервые в 1842 г. в «Отечественных записках» под заглавием «Сосна» и с ошибочной датой «1840».

В обеих редакциях изменен смысл стихотворения Гейне: любовную тему — влечение пальмы к сосне (сосна на немецком языке — слово мужского рода), Лермонтов заменил темой одиночества.

Любовь мертвеца (стр. 513). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в альманахе «Утренняя заря» за 1842 г.

Написано весной 1841 г. в Петербурге.

В черновом автографе и в копии — несколько вариантов заглавия: «Новый мертвец», «Живой мертвец»,

«Влюбленный мертвец». В ранней лирике Лермонтова имеется сходное по содержанию стихотворение (см. «Письмо»).

Последнее новоселье (стр. 515). Напечатано при жизни Лермонтова в 1841 г. в «Отечественных записках» (т. 16, № 5).

Написано по поводу перенесения праха Наполеона с острова Св. Елены в Париж 15 декабря 1840 г.

Культ Наполеона, распространенный в западной и русской литературе 20—30-х годов XIX в., нашел отражение и у Лермонтова. Поэт пишет в разные годы ряд стихотворений, посвященных Наполеону (см. «Наполеон» (1829), «Наполеон» (1830), «Эпитафия Наполеона», «Св. Елена», «Воздушный корабль»).

Образ поверженного императора и полководца с ранних лет привлекал внимание Лермонтова как сильная личность с трагической судьбой и как фигура политическая. Еще в 1831 г., после Июльской революции во Франции, когда впервые поднялся вопрос о перенесении останков Наполеона в Париж, Лермонтов написал стихотворение «Св. Елена», близкое по оценке событий к «Последнему новоселью»:

«Порочная страна не заслужила, Чтобы великий жизнь окончил в ней» — поэт имел в виду политическую неустойчивость Франции, не оправдавшей возлагавшихся на нее революционных надежд.

Имеется в творчестве Лермонтова и патриотическое осмысление наполеоновской темы. В стихотворениях «Два великана» «Бородино», в поэме «Сашка» французский полководец представлен «трехнедельным удальцом», дерзко посягнувшим на несокрушимую русскую твердыню.

В «Последнем новоселье» поэта интересует иной аспект. Как и в 1831 г., Наполеон изображен здесь трагическим героем, жертвой политического вероломства французов. Новым поводом для таких заключений была шумиха во Франции в связи с переносом останков Наполеона в Париж. В России была известна дипломатическая игра Луи Филиппа и его министров, которые в борьбе с племянником Наполеона, Луи Бонапартом, претендовавшим на французский престол, спекулировали на памяти Наполеона I, пытаясь завоевать поддержку широких кругов французского населения.

Торжественная церемония похорон Наполеона в Париже вызвала в России ряд поэтических откликов, в том числе славянофильских (стихотворения Хомякова и Тютчева).

«Французоедство» Лермонтова в «Последнем новоселье» было также воспринято некоторыми современниками как проявление славянофильских настроений поэта. Белинский, например, следующим образом откликнулся на стихотворение в письме к П. Н. Кудрявцеву от 28 июня 1841 г.: «Какую дрянь написал Лермонтов о Наполеоне и французах — жаль думать, что это Лермонтов, а не Хомяков».

В стихе «Из вольности — орудье палача» и следующих речь идет о якобинской диктатуре эпохи Великой французской революции. Лермонтов, как и Пушкин, отрицательно относился к «мрачной буре» якобинского террора (ср. элегию Пушкина «Андрей Шенье»). Наполеона Лермонтов считал спасителем свободы, завоеванной на первом этапе революции.

«В степях египетских, у стен покорной Вены, В снегах пылающей Москвы» — имеются в виду военные походы Наполеона в Египет (Египетская экспедиция 1798—1801 гг.), в Австрию (разгром Австрии завершился Венским миром 1809 г.), в Россию (1812 г.), где пожар Москвы знаменовал закат военной славы Бонапарта.

«Вы потрясали власть избранную, как бремя, Точили в темноте кинжал» — возвращение разгромленной армии Наполеона из России сопровождалось общественным возмущением во Франции, оппозицией внутри законодательного корпуса и демонстрацией недоверия Наполеону.

«Лишенный прав и места гражданина» и в следующих трех стихах Лермонтов точно излагает последовательность событий: 31 марта 1814 г., в день вступления союзников в Париж, Сенат объявил Наполеона низложенным с престола. 4 апреля последовало его собственное отречение в пользу сына, герцога Рейхштадтского (1811—1832). Этот шаг не был признан союзниками. После вторичного и полного отречения от престола 11 апреля 1814 г., повлекшего за собой восстановление монархии Бурбонов, Наполеон был отправлен на остров Эльбу, а сын его увезен в Австрию.

«И на чужой скале, за синими морями, Забытый, он угас один» — речь идет о ссылке Наполеона в 1815 г. на остров Св. Елены, где он и умер 5 мая 1821 г.

«Из-под таинственной холодной полумаски» (стр. 518). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках».

Автограф не сохранился. Датируется 1841 г. предположительно

И. П. Мятлеву (стр. 519). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1842 г. в «Отечественных записках».

Автор шутливого романа «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'этранже» — Иван Петрович Мятлев (1796—1844), русский салонный поэт, писавший в сатирических целях макароническими стихами, т. е. основанными на смешении различных языков.

О стихах «Ишки Мятлева» Лермонтов упоминает в стихотворении «Из альбома С. Н. Карамзиной». Сам поэт написал макароническими стихами шутливое обращение к А. А. Углицкой.

‹А. А. Углицкой› (стр. 520). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1922 г. в альманахе «Радуга»

Написано в альбом А. А. Углицкой весной 1841 г., во время последнего приезда Лермонтова в Петербург.

Александра Александровна Углицкая — родственница поэта со стороны матери.

Стихотворная шутка Лермонтова написана макароническими стихами (см. примечание к предыдущему стихотворению).

«За мой армейский чин» — в апреле 1840 г. Лермонтов был переведен из лейб-гвардии гусарского полка в армейский Тенгинский пехотный полк.

«Quand vous serez Madame» («Когда вы будете Мадам» — в апреле 1841 г. А. Углицкая вышла замуж за К. И. Альбрехта.

‹Из альбома С. Н. Карамзиной› (стр. 521). Впервые опубликовано (без последней строфы) после смерти поэта в 1841 г. в сборнике «Русская беседа» (т. 2).

Написано, по всей вероятности, в начале 1841 г. В стихотворении Лермонтов говорит об изменении своих

эстетических воззрений, об отказе от романтических литературных традиций. Аналогичное признание он делает в поэме «Сказка для детей». Стремление Лермонтова к простоте подчеркнутое «снижение» традиционно «высоких» тем проявились и в творческой практике Лермонтова последнего периода (см. стихотворения «Валерик» «Родина», «Завещание» и др.).

Софья Николаевна Карамзина — старшая дочь писателя Н. М. Карамзина, хозяйка известного литературного салона. Лермонтов в последние годы жизни часто бывал у Карамзиных, где и встречался с упоминаемыми в стихотворении лицами — А. О. Смирновой (см. примечание к стихотворению «А. О. Смирновой»), И. П. Мятлевым (см примечание к стихотворению «И. П. Мятлеву»), Александром Николаевичем Карамзиным (поэт, брат С. Н. Карамзиной).

Имена Смирновой и Мятлева в автографе обозначены первыми буквами

Графине Ростопчиной (стр. 522). Впервые опубликовано после смерти поэта в 1841 г. в сборнике «Русская беседа» (т. 2).

Автограф не сохранился.

Написано в альбом Е. П. Ростопчиной, который Лермонтов подарил ей в апреле 1841 г., перед последним отъездом его на Кавказ. Поэтесса рассказывает об этом в примечании к своему стихотворению «Пустой альбом» (Стихотворения графини Ростопчиной, СПб., 1856, т. II стр. 93).

О Ростопчиной см. в примечании к стихотворению «Додо».

Договор (стр. 523). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1842 г. в «Отечественных записках».

Датируется 1841 г. предположительно. Является переработкой юношеского стихотворения «Прелестнице». Входит в лирический цикл, посвященный теме «свободной любви» (см. примечание к стихотворению «Покаяние»).

«Прощай, немытая Россия» (стр. 524). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано с цензурными искажениями в 1887 г. в «Русской старине».

Отчизна

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не пылким её разумом горю,
Ни славою купленной кровью,
Ни полным гордого доверья покоя,
Ни тихой старины завещанью преданьем
Не шевелят волнуя отрадною мечтою.

Но я люблю — зачем не знаю сам? —
Её поля холодное молчанье,
Её лесов дремучих колыханье,
Её реки раздольные и подобные морям...

Проселочным путем люблю скакать в телеге,
И, взоры мимо пролетая столбы,
Вскрикивать по сторонам, вдыхая ароматы
Дорожной пыли и полей цветущих...

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи кочующий обоз,
И нахлынувший с полей жнивы
Чету бывалых берёз.
В отрадном мне покое
Я вижу хлебное гумно,
Избу покрытую соломой,
Со звонким аистом в окно,
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть с крутого берега,
На пляску с песнями и свистом
Под говор пьяных мужиков.

М. Ю. Лермонтов

Автограф стихотворения М. Ю. Лермонтова, напечатанного под названием „Родина“ (стр. 509), 1841 г.

Написано, по свидетельству биографов, в апреле 1841 г., перед отъездом Лермонтова из Петербурга на Кавказ по месту ссылки. Датировка 1837 г. в изд. М. Ю. Лермонтов, Собр. соч. в 4-х томах (М., 1957, т. 1, стр. 344) неубедительна.

Автограф не сохранился. До нас дошло несколько вариантов текста этого стихотворения в списках, сделанных в разное время П. И. Бартеневым.

В 1873 г. Бартенев, посылая стихотворение Ефремову, писал: «Вот еще стихи Лермонтова, списанные с подлинника» При этом сообщался следующий текст:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

В 1890 г. Бартенев опубликовал другую редакцию текста (по которой печатается стихотворение в настоящем издании), сопроводив ее примечанием: «Записано со слов поэта современником» («Русский архив», 1890, кн. 3, № 11, стр. 375).

В 1955 г. опубликован еще один вариант текста — список того же Бартенева из архива Н. В. Путяты. В этом списке стих 4 читается: «И ты, покорный им народ». Остальной текст — как в письме Ефремову (подробнее см. в «Известиях Академии наук СССР», 1955, Отделение литературы и языка, т. 14, вып. 4, стр. 372—373).

Ту редакцию, где стих 6 читается «Сокроюсь от твоих пашей», есть основание считать наиболее вероятной по смыслу и по форме. Резко обличительное стихотворение Лермонтова, направленное против самодержавно-бюрократического режима России, распространялось в списках и подвергалось многим искажениям.

«Мундиры голубые» — речь идет о царских жандармах.

Утес (стр 525). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках».

Написано в апреле 1841 г.

Спор (стр. 526). Напечатано при жизни поэта в 1841 г. в «Москвитянине» (ч. III, № 6).

Написано в апреле 1841 г. в Москве и через Ю. Ф. Самарина передано редактору «Москвитянина» М. П. Погодину.

В стихотворении, написанном в форме аллегорической баллады, Лермонтов говорит о завоевании Кавказа Россией.

В оценке событий Лермонтов был близок тем кругам грузинской интеллигенции, с которыми он общался во время первой ссылки. Значительная часть этой интеллигенции признавала прогрессивное влияние русской экономики и культуры на жизнь народов Кавказа и видела в России мощного союзника в борьбе против внешних врагов (ср. поэму Н. Бараташвили «Судьба Грузии», 1839 и его же стихотворение «Могила царя Ираклия», 1842).

Однако, показывая историческую неизбежность покорения Кавказа Россией, поэт посвящает сочувственные строки Казбеку, олицетворяющему покоренную вольность.

«Генерал седой» — Алексей Петрович Ермолов (1772—1861), командовавший войсками кавказского корпуса с 1816 по 1827 г.

Сон («В полдневный жар в долине Дагестана», стр. 530). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках».

Написано между маем и началом июля 1841 г. В литературе указывалось на связь этого стихотворения с одной из песен терского казачества — «Ох, не отстать-то тоске-кручинушке», где рассказывается о казаке, который увидел себя во сне убитым.

L'attente (стр. 531). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1887 г. в «Русской старине».

Беловой автограф находится в письме Лермонтова к С. Н. Карамзиной от 10 мая 1841 г., — по всей вероятности, тогда же и написано стихотворение.

Стихотворение ошибочно связывалось с именем французской поэтессы Оммер де Гелль, жены французского консула в Одессе. В 80-х годах XIX в. П. П. Вяземский, автор вымышленных «Писем и записок» Оммер де Гелль, создал легенду о романе Лер-

монтова с этой француженкой в период, когда поэт находился в последней ссылке на Кавказе. Тот же Вяземский напечатал в своей статье переделанный им текст стихотворения «L'attente» — якобы первоначальную его редакцию под названием «A madame Hommaire de Helle» («К мадам Оммер де Гелль»). Сведения П. П. Вяземского опровергнуты советским литературоведением, когда в архиве были обнаружены рукописи, изобличавшие подделку (подробнее см. в «Литературном наследстве», т. 45—46, М., 1948).

«Лилейной рукой поправляя» (стр. 532). Впервые опубликовано в 1844 г. в «Отечественных записках».

Стихотворение не окончено. Написано между маем и началом июля 1841 г.

Капгар — от турецкого «капкара» — черный.

Туксус (тюксюз) — по-татарски — безбородый.

«На бурке под тенью чинары» (стр. 533). Впервые опубликовано в 1844 г. в «Отечественных записках».

Стихотворение не окончено. Написано между маем и началом июля 1841 г.

«Они любили друг друга так долго и нежно» (стр. 534). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках».

Написано между маем и началом июля 1841 г. Это вольный перевод стихотворения Генриха Гейне «Sie liebten sich beide» из «Buch der Lieder» («Книга песен»). Первые строки этого стихотворения взяты в качестве эпиграфа.

В черновом автографе сохранились две предварительные редакции перевода Лермонтова. Первая из них — не рифмована:

Они любили друг друга так нежно,
С такой глубокой и страстной тоскою,
Но как враги друга друга боялись,
И были речи их пусты и хладны.

Они расстались и только порою
Во сне друг друга видали, — но скоро
Им смерть настала — и встретились в небе,
И что ж? Друг друга они не узнали.

Вторая черновая редакция ближе к окончательной, но, как и первая, отличается от нее по метрике:

Они любили друг друга так нежно,
С тоской глубокой и страстью мятежной!
Но как враги опасалися встречи,
И были пусты и хладны их речи.

Они расстались в безмолвном страданье
И милый образ во сне лишь видали.
Но смерть пришла, им настало свиданье...
И что ж? Друг друга они не узнали.

Тамара (стр. 535). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках».

Написано между маем и началом июля 1841 г. Стихотворение свидетельствует о знакомстве Лермонтова с грузинским фольклором. В Грузии сохранилась легенда о коварной царице Дарье, замок которой находился в Дарьяльском ущелье. Царица волшебной силой заманивала путников к себе в замок и после ночи любви убивала их, сбрасывая затем трупы в Терек. В истории Грузии не было царицы Дарьи. Лермонтов, возможно, слышал другой вариант легенды, связанный с именем царицы Тамары, жившей в конце XII—начале XIII в

Свиданье (стр. 537). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в «Отечественных записках».

Написано между маем и началом июля 1841 г.

Листок (стр. 541). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках».

Написано между маем и июлем 1841 г.

Символический образ оторванного бурей листка появляется у Лермонтова еще в ранней лирике («Портреты», «Дай руку мне, склонись к груди поэта» и др.).

В литературе указывалось на связь стихотворения «Листок» с элегией французского поэта Арно, переводившейся на русский язык В. Жуковским и Д. Давыдовым. В статье Пушкина «Французская академия», напечатанной в 1836 г. в «Современнике», приводится история шумного успеха этой элегии Арно.

«Выхожу один я на дорогу» (стр. 543); **Морская царевна** (стр. 545). При жизни поэта не печатались.

Впервые опубликованы в 1843 г. в «Отечественных записках». Написаны между маем и началом июля 1841 г.

Пророк (стр. 547). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1844 г. в «Отечественных записках».

Написано между маем и началом июля 1841 г.

Лермонтов продолжает своим стихотворением пушкинскую тему поэта-гражданина (ср. стихотворение Пушкина «Пророк», 1826). Но у Лермонтова — трагическое осмысление темы: поэт, обладающий всеведением пророка, становится обличителем общественного зла. За горькую правду, продиктованную любовью к людям, он подвергается гонениям со стороны общества

В. Г. Белинский относил стихотворение «Пророк» по глубине мысли и энергии поэтического выражения к лучшим созданиям Лермонтова.

«Нет, не тебя так пылко я люблю» (стр. 549). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках».

Высказывались предположения, что стихотворение относится к Софье Михайловне Соллогуб, жене писателя В. А. Соллогуба, или к Екатерине Быховец, дальней родственнице Лермонтова, с которой поэт встречался летом 1841 г. в Пятигорске. Лермонтов находил в ней сходство с В А. Бахметевой (Лопухиной) — «подругой юных лет», горячо любимой поэтом.

Стихотворения разных годов

Крест на скале (стр. 550). При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1889 г в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Автограф не сохранился В копии стихотворения, сделанной В Х. Хохряковым, имеется надпись — «M-lle Souchkoff». К какой Сушковой могло относиться это стихотворение, — к Е А. Сушковой (впоследствии Хвостовой), адресату многих стихотворений Лермонтова 1830 г., или к поэтессе Е. П. Сушковой (в замужестве Ростопчиной), которой в 1831 г. Лермонтов посвятил мадригал («Додо»), — не установлено, как не установлено и время написания стихотворения.

Последние два стиха повторяются с изменением в поэме «Боярин Орша» («Забыл печали бытия И бурю братом назвал я») и в поэме «Мцыри» («...о, я как брат, Обняться с бурей был бы рад»).

Черны очи (стр. 551). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1910 г. в собрании сочинений под редакцией Абрамовича.

Стихотворение, по всей вероятности, относится к Е. А. Сушковой, которую называли «черноокой» (см. примечание к стихотворению «К Сушковой»). Возможно, что написано оно, как и другие стихотворения, адресованные Сушковой, в 1830 г.

К *** («Когда твой друг с пророческой тоскою», стр. 552). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1910 г. в собрании сочинений под редакцией Абрамовича.

Автограф находится на оборотной стороне листка со стихотворением «Черны очи». Возможно, что оба стихотворения написаны в одно время.

Первая строфа сходна с началом стихотворения «Не смейся над моей пророческой тоскою» (1837), начало второй строфы повторяется в стихотворениях «Он был рожден для счастья, для надежд» и «Памяти А. И. Одоевского».

Вторая строфа стихотворения имеет также соответствие по содержанию с «Эпитафией» (1830).

Гость («Кларису юноша любил», стр. 553). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1882 г. в «Русской старине».

Печатается по копии, которая сделана с автографа, находившегося у приятельницы Лермонтова А. М. Верещагиной. По всей вероятности, ей и посвящено стихотворение, написанное в начале 30-х годов.

«Non, si j'en crois mon espérance» (стр. 556). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1882 г. в «Русской старине».

Стихотворение находилось, как и предыдущее, в архиве А. М Верещагиной.

‹Н. Н. Арсеньеву› (стр. 557). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1871 г. в «Русском архиве».

Написано в альбом Николаю Николаевичу Арсеньеву — родственнику Лермонтова по матери, кавалергарду.

«Опять, народные витии» (стр. 558). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано полностью в 1859 г. в «Библиографических записках».

В автографе после стиха «Мы чужды ложного стыда» зачеркнут следующий текст:

Так нераздельны в деле славы
Народ и царь его всегда.
Веленьям власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И верим нашему царю!
И будем все стоять упорно
За честь его как за свою.

Стихотворение написано в связи с активизацией в Париже и Брюсселе в 1833—1835 гг. национально-освободительных настроений среди польских эмигрантов, участников восстания 1830 г.

Польские эмигранты во главе с известными патриотами Иоахимом Лелевелем и Станиславом Ворцелем принимали в это время деятельное участие в революционном движении Европы — в восстании французских карбонариев, во франкфуртском мятеже в Германии, в Савойском походе Мадзини. На территории Польши также вспыхнуло в 1833 г. народное партизанское движение, так называемая «экспедиция Заливского», подготовленная демократическими деятелями эмиграции — Лелевелем, Ворцелем, Адамом Мицкевичем. Западноевропейская печать взволнованно освещала эти события. Отклики на них помещались и в «Санкт-Петербургских ведомостях». Так, в корреспонденции от 20 апреля 1833 г. был приведен доклад министра внутренних дел Франции Аргу на заседании палаты депутатов о «беспорядках», произведенных польскими выходцами во Франции, в Германии и в Швейцарии. В газете сообщалось также о высылке из Парижа Лелевеля и всех членов Национального польского комитета, который он возглавлял, об аресте Ворцеля, о судьбе 50 участников нового «возмущения» в Польше (декабрь 1833 г.) и т. д. Известна была в России и политическая программа демокра-

тических польских организаций во Франции, поставивших первой своей задачей освобождение Польши путем борьбы против русского самодержавия, а также поддержку всех революционных движений в Европе.

В конце 1832 г. Национальный польский комитет обратился с воззванием «К русским друзьям», в котором содержался призыв принять участие в борьбе против царизма. Готовил это воззвание Адам Мицкевич. Оно вызвало ноту русского правительства Франции с требованием принять меры против революционной пропаганды польских политэмигрантов.

Поэзия Мицкевича этого периода, известная в России по собранию его сочинений, также была проникнута демократическими идеями и пафосом обличения русского самодержавия (ср. послание «К русским друзьям» в третьей части поэмы Мицкевича «Дзяды»).

Национально-освободительные тенденции польских демократов не нашли поддержки со стороны подавляющей части русского дворянства — даже в лице самых передовых его представителей. Пушкин, а вслед за ним и Лермонтов восприняли политическую активность поляков как посягательство на русскую национальную честь. Еще в 1831 г. Пушкин выступил с известными стихотворениями «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», в которых поэт с патриотических позиций осудил польских повстанцев. Революционная деятельность польских эмигрантов в 1833—1834 гг. также нашла осуждающий отклик в творчестве Пушкина. 10 августа 1834 г. поэт пишет стихотворение «Он между нами жил», где называет выступление Мицкевича «голосом злобным» в угоду «черни буйной» (напечатано в 1841 г.).

В дневнике Пушкина за 1834 г. есть записи, свидетельствующие о том, что польский вопрос в это время живо волновал русскую общественность. В записи от 11 апреля 1834 г. приводится выдержка из французской газеты «Journal de Francfort» («Франкфуртского журнала»), где была напечатана статья с изложением речи Лелевеля, в которой говорилось о Пушкине как о борце с николаевской монархией. Пушкин сопровождает свою выписку следующим примечанием: «Дело идет о празднике, данном в Брюсселе польскими эми-

грантами, и о речах, произнесенных Лелевелем, Пулавским, Ворцелем и другими. Праздник был дан в годовщину 14-го декабря».

Взволнованный «объятьями» Лелевеля, политических взглядов которого он не разделял, Пушкин собрался дать отповедь польским демократам, но намерения своего не осуществил.

Стихотворение Лермонтова «Опять, народные витии», по всей вероятности, является откликом на те же события, которые взволновали и Пушкина в 1834 г. По воспоминаниям современников, это стихотворение написано «незадолго перед смертью Пушкина» (А. П. Шан-Гирей); «в связи с политической тревогой на Западе, ... кажется, в 1835 году» (С. А. Раевский). Обращение Лермонтова к «народным витиям», которые «опять», «шумя», восстали за «дело падшее Литвы» на «славу гордую России», могло относиться только к широко известным политическим выступлениям Лелевеля, Ворцеля, Мицкевича и других польских патриотов в период подъема национально-освободительного движения в 1832—1834 гг. В начале 1835 г. открытое движение польских эмиссаров в Европе было подавлено международной реакцией, демократические организации в Польше продолжали свою деятельность подпольно, и польский вопрос утратил характер шумной сенсации на страницах западноевропейской прессы.

Возможно, что непосредственным поводом для написания стихотворения «Опять, народные витии» явилась та же статья о речи Лелевеля в «Франкфуртском журнале», которую приводит в своем дневнике Пушкин. Газета эта, субсидировавшаяся русским правительством, была доступна в России, и Лермонтов, не только знавший, но и разделявший отношение Пушкина к польскому восстанию 1830 г., не мог пройти мимо попыток поляков представить Пушкина своим единомышленником. Именно поэтому он начинает свое стихотворение строками, сходными с пушкинским посланием «Клеветникам России», а затем прямо напоминает о нем в стихе «Уж вас казнил могучим словом» и следующих. В черновых вариантах стихотворения упоминается «голос чуждый между нами», на который ответили враги России (ср. у Пушкина «голос злобный»

в стихотворении «Он между нами жил средь племени ему чужого. . .»).

С. А. Раевский указывает, что Лермонтов написал свое стихотворение после того, как прочел «какой-то французский журнал». При неточности сохранившихся в памяти Раевского сведений («какой-то журнал», «кажется, в 1835 году») он вполне мог назвать журналом французскую газету «Франкфуртский журнал». Если высказанное предположение верно, то стихотворение «Опять, народные витии» написано Лермонтовым в 1834 г.

«Когда надежде недоступный» (стр. 560). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1872 г. в «Русской старине».

«Ах! выше я не тот совсем» (стр. 561). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1861 г. в «Библиографических записках».

Автограф не сохранился.

Это вольный перевод пятой песни из поэмы Байрона «Мазепа».

«Расписку просишь ты, гусар» (стр. 563). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано полностью в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

По утверждению Висковатова, стихотворение обращено к товарищу Лермонтова по гусарскому полку А. Л. Потапову Написано, по всей вероятности, в юнкерской школе, где Потапов учился вместе с Лермонтовым.

«Он был в краю святом» (стр. 565). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1861 г. в «Библиографических записках».

Автограф не сохранился.

Набросок представляет собой пародию на стихотворение В А. Жуковского «Старый рыцарь» (1832). Написано, по всей вероятности, между 1832 и 1835 гг.

«Никто моим словам не внемлет... я один» (стр. 566). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1935 г. в «Литературном наследстве»

Написано в Петербурге, по всей вероятности, в 1835 или 1836 г.

«Мое грядущее в тумане» (стр. 567). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1935 г. в «Литературном наследстве».

Автограф находится на одном листке с предыдущим стихотворением. По-видимому, и написаны они в одно время.

Стихотворение не завершено. Основные мотивы его вошли в стихотворение 1837 г. «Гляжу на будущность с боязнью».

«Это случилось в последние годы могучего Рима» (стр. 568). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1845 г. в литературном сборнике «Вчера и сегодня».

Автограф не сохранился. Стихотворение не закончено.

Тиберий — римский император (14—37 гг. I в. н. э.).

«Тебе, Кавказ, суровый царь земли» (I и II, стр. 570—572). При жизни поэта не печатались. Первая редакция опубликована впервые в литературном сборнике «Молодик» на 1844 г., вторая — в 1880 г. в собрании сочинений под редакцией Ефремова.

Высказывалось предположение, что оба стихотворения являются различными редакциями посвящения к поэме «Демон». Написаны после возвращения поэта из первой кавказской ссылки (1838—1840).

«Не плачь, не плачь, мое дитя» (стр. 573). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1843 г. в «Отечественных записках».

Автограф не сохранился

Первый и последний стихи повторяются с изменениями в поэме «Демон» (первый монолог Демона). Написано стихотворение, по всей вероятности, в последние годы жизни Лермонтова.

«Quand je te vois sourire» (стр. 574). При жизни поэта не печаталось. Впервые опубликовано в 1859 г. в «Библиографических записках»

Автограф не сохранился.

Время написания стихотворения не установлено.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Песня («Что в поле за пыль пылит», стр. 577). При жизни поэта не печаталось Впервые опубликовано в 1875 г. в «Саратовском листке».

Автограф не сохранился.

Песня связана с планом поэмы о татарском нашествии и о Мстиславе Черном (см. «Планы и наброски» в т. IV настоящего издания).

Является записью распространенной народной исторической песни. имеющей много вариантов.

II

Переводы

Мрак. Тьма (стр. 579). При жизни поэта не печатался. Впервые опубликован в 1910 г. в собрании сочинений под редакцией Абрамовича.

Это перевод стихотворения Байрона «Darkness» («Тьма»). Сделан в 1830 г. Мотивы его повторяются в лирике Лермонтова этих лет (см. стихотворения «Ночь. I», «Ночь. II»)

The Giaour (стр. 581). При жизни поэта не печатался. Впервые опубликован в 1910 г. в собрании сочинений под редакцией Абрамовича.

Это перевод стихов 1—67, 103—167 и 200—223 поэмы Байрона «Гяур». Сделан в 1830 г.

Napoleon's Farewell (стр 586). Впервые опубликован в 1910 г в собрании сочинений под редакцией Абрамовича.

Это перевод стихотворения Байрона «Прощание Наполеона». Сделан в 1830 г. Отдельные мотивы этого стихотворения (слабость Франции, трагический образ брошенного соратниками Наполеона и др.) ср. в стихотворениях «Св. Елена», «Последнее новоселье».

Верро (стр. 587). Впервые опубликован в 1910 г. в собрании сочинений под редакцией Абрамовича. Это перевод первой строфы поэмы Байрона «Беппо». Сделан в 1830 г.

«Я проводил тебя со слезами» (стр. 587). Впервые опубликован в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова. Это перевод стихотворения немецкого поэта Иоганна Гермеса «Dir folgen meine Thränen». Сделан в 1831 г. Текст оригинала (с некоторыми неточностями) приведен в автографе.

III

Стихотворения, приписываемые Лермонтову

Экспромт («Три грации считались в древнем мире», стр. 588). Опубликован в «Записках» Е. А. Сушковой-Хвостовой (1870) По ее рассказу, стихотворение адресовано приехавшей в Москву соседке Лермонтова по чембарской деревне. Этот же экспромт напечатан в «Московском листке» за 1831 г., где он приписан «молодому человеку Николаю Максимовичу».

«Хвала тебе, приют лентяев» (стр. 588). Опубликовано в 1863 г в газете «День» в статье «Университетские воспоминания» Т. Головачева. Автор учился с Лермонтовым в Московском университете. По его словам, стихи Лермонтова, из которых он привел несколько строк, ходили между студентами после увольнения поэта из университета. Поэт Александр Иванович Полежаев (1804—1838), будучи студентом Московского университета, написал фривольную и отличающуюся свободомыслием поэму «Сашка» (1825), за которую был сослан на Кавказ и отдан в солдаты.

«И на театре, как на сцене света» (стр. 588). Опубликовано в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова с указанием на то, что стихотворение это, находившееся в материалах Хохрякова, получено последним от С. А. Раевского Висковатов датирует его предположительно второй половиной 30-х годов

Югельский барон (стр. 589). Опубликовано в 1844 г. в книге «Для избранных Стихотворения Варвары Анненковой» с указанием автора на то, что конец стихотворения (выделенный в тексте настоящего издания мелким шрифтом) дописан ею самой.

Стихотворение является пародией на балладу Жуковского «Смальгольмский барон». Написано по поводу

предстоящей свадьбы родственницы и приятельницы Лермонтова А. М. Верещагиной, которая в 1837 г. вышла замуж за вюртембергского министра иностранных дел барона Гюгеля (отсюда заглавие «Югельский барон»).

Анненкова Варвара Николаевна (1795—1866) — поэтесса, близкая знакомая бабушки Лермонтова.

«Когда легковерен и молод я был» (стр. 590). Опубликовано в 1877 г. в «Русском архиве» в воспоминаниях Толычевой «Исторические рассказы, анекдоты и мелочи».

Записано со слов декабриста В. М. Голицына, встречавшегося с Лермонтовым на Кавказе в 1837 г. По его сообщению, стихотворение это было послано в записке Лермонтова, когда он не явился на одну из дружеских вечеринок.

Экспромты 1841 года (стр. 591).

В 1892 г. в «Историческом вестнике» была напечатана статья П. К. Мартьянова «Последние дни жизни М. Ю. Лермонтова», в которой автор публикует собранные им в 1870 г. в Пятигорске материалы о Лермонтове, в том числе 14 следующих экспромтов, приписываемых поэту. Стихотворения эти носят легендарный характер, и если в основе их и лежит лермонтовский текст, то он сильно искажен.

«Очаровательен кавказский наш Монако» (стр. 591). Экспромт записан со слов поручика Куликовского. По его словам, был произнесен Лермонтовым на одной из пирушек в Пятигорске.

Монако — маленькое государство в Европе, на побережье Средиземного моря, являющееся международным курортом и прославившееся игорным домом.

«В игре, как лев, силен» (стр. 591); **«Милый Глебов»** (стр. 591); **«Скинь бешмет свой»** (стр. 591); **«Смело в пире жизни надо»** (стр. 592). По словам В. И. Чиляева, в доме которого Лермонтов жил в Пятигорске, эти экспромты произнесены в один из июньских вечеров 1841 г. во время игры в карты.

Первый из них относится к Льву Сергеевичу Пушкину, брату Александра Сергеевича, второй — к Михаилу Павловичу Глебову, корнету лейб-гвардии конного полка, впоследствии секунданту на дуэли Лермонтова.

Надя — Надежда Петровна Верзилина, за которой ухаживал Глебов (см. примечание к экспромту «Надежда Петровна, отчего так неровно»).

Третий экспромт адресован Николаю Соломоновичу Мартынову, впоследствии убийце Лермонтова. Лермонтов в стихах и карикатурах вышучивал франтовство и глупость Мартынова.

Четвертый экспромт адресован С. В. Трубецкому.

«Велик князь Ксандр» (стр. 592); **«Наш князь Василь»** (стр. 592). Относятся к кн. Александру Илларионовичу Васильчикову, впоследствии секунданту на дуэли Лермонтова.

«Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон» (стр. 592). Относится к Н. С. Мартынову.

Соломон — иудейский царь (1020—980 гг. до н. э.), славившийся мудростью и правосудием. Во время своего царствования построил в Иерусалиме знаменитый храм. Огромный гарем Соломона вызвал в конце его царствования возмущение единоверцев.

Шалима — искаженное еврейское имя Шеломо, т. е. Соломон.

«С лишком месяц у Мерлини» (стр. 593). Записан со слов М. П. Глебова. Относится к Екатерине Ивановне Мерлини, вдове генерала С. Д. Мерлини. Существуют данные. что она была тайным агентом жандармского отделения полиции и играла предательскую роль по отношению к Лермонтову в последние дни его жизни (см. «Литературное наследство», т. 45—46, 1948, стр. 481).

В экспромте упоминаются княгиня Эристова и П. В. Волков («верный паладин»).

«Шотландка» или «Каррас» — немецкая колония в 7 верстах от Пятигорска, где находился ресторан Рошке.

«Он метил в умники, попался в дураки» (стр. 593). По словам В. И. Чиляева, относится к калужскому помещику, приехавшему в Пятигорск с намерением выдать там замуж своих трех дочерей.

«Зачем, о счастии мечтая» (стр. 593). Относится к Эмилии Александровне Клингенберг, впоследствии Шан-Гирей (см. примечание к экспромту «За девицей Emilie»).

«Мои друзья вчерашние — враги» (стр. 594); **«Им жизнь нужна моя»** (стр. 594). По словам В. И. Чиляева, утром 12 июля 1841 г. Лермонтов и Столыпин явились к пятигорскому коменданту полковнику Ильяшенкову с просьбой продлить им курс лечения минеральными водами. Ильяшенков посоветовал Лермонтову скорее уехать из Пятигорска, где у него много врагов. Поэт ответил на это стихотворениями.

«Ну, вот теперь у вас» (стр. 594). По словам Чиляева, экспромт произнесен в доме Верзилиных после ссоры с Мартыновым и вызова на дуэль.

Миллер и Эмма — истолковываются как зашифрованные имена, в которых скрыты инициалы поэта (Ми Лер), Эмилии и Мартынова (Эм Ма) (см. примечание к экспромту «За девицей Emilie»).

«Куда, седой прелюбодей» (стр. 594). Опубликован в 1885 г. в «Ниве», где помещен «Рассказ Раевского о дуэли Лермонтова» со слов В. Желиховской. Относится к полковнику Александру Манзею, прикомандированному к Кавказскому линейному казачьему войску.

«За девицей Emilie» (стр. 595). Опубликован с небольшими разночтениями в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова.

Второй стих там читается: «Молодежь лежит в пыли», но возможно, что это — результат правки самого Висковатова, который любил устранять «резкости» Лермонтова.

Печатается по копии из письма Бартенева Ефремову от 9 марта 1873 г.

Emilie — Эмилия Александровна Клингенберг, в замужестве Шан-Гирей, падчерица генерал-майора П. С. Верзилина, дом которого в Пятигорске Лермонтов часто посещал в 1841 г.

Nadine — Надежда Петровна, дочь Верзилина.

Груша — Аграфена Петровна, вторая дочь Верзилина, невеста пристава Дикова («дикий человек»).

«Надежда Петровна, отчего так неровно» (стр. 595).

Печатается по копии из альбома Н. П. Верзилиной. К ней и относится стихотворение. С разночтениями опубликовано в 1885 г. в «Ниве» и в 1890 г. в «Русской мысли».

Написано, по воспоминаниям Э. А. Шан-Гирей, в Пятигорске, в доме Верзилиных.

«Поверю совести присяжного дьяка» (стр. 595); **«Винтовка пулю верную послала»** (стр. 595); **«Приветствую тебя я, злое море»** (стр. 596). Опубликованы в «Сборнике литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина»

Записаны со слов офицера Трофимовича, служившего на Кавказе и якобы обнаружившего при убитом Лермонтове тетрадь, где находились эти стихотворения. В 1844 г. он продиктовал их по памяти Н. Ф. Щербине. Авторство Лермонтова в этих текстах сомнительно.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

А. Д. З..... 219, *643*.
Аллах ли там среди пустыни 446, *685*.
Алябьевой 265, *652*.
Аминт твой на глупца походит 42, *618*.
Амур спросил меня однажды 176, *638*.
Ангел 239, *646*.
‹Арсеньеву Н. Н.› 557, *710*.
Арфа 278, *655*.
Атаман 205, *642*.
Ах! Анна Алексевна 451, *687*.
Ах! ныне я не тот совсем 561, *714*.
Ах! сокрылась в мрак ненастный 40, *618*.

Баллада (Берегись! берегись) 168, *637*.
Баллада (В избушке позднею порою) 258, *649*
Баллада (Из ворот выезжают) 370, *667*.
Баллада (Куда так проворно, жидовка младая) 396, *671*.
Баллада (Над морем красавица-дева сидит) 67, *622*.
Бартеневой 266, *652*.
Башилову 267, *653*.
Безумец я! вы правы, правы! 383, *669*.
Белеет парус одинокой 390, *670*
Берегись! берегись! над бургосским путем 168, *637*.
Благодарность 490, *695*.

---

[1] Цифры, выделенные курсивом, указывают страницы примечаний.

Благодарю! 152, *635*.
Благодарю! .. вчера мое признанье 152. *635*
Блистая пробегают облака 203, *641*
Бой 371, *667*.
Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья 365, *666*.
Бородино 408, *674*.
Боюсь не смерти я 135, *632*.
Будь со мною, как прежде бывала 253, *648*.
Булгакову 268, *653*.
Булевар 145, *634*.
Бухариной 264, *651*.

Валерик 497, *696*.
В альбом (Как одинокая гробница) 406, *673*.
В альбом (Нет! — я не требую вниманья) 97, *626*.
В альбом автору «Курдюковой» см. Мятлеву И П. 519, *703*.
‹В альбом Д. Ф. Ивановой› 351, *664*.
‹В альбом Н Ф. Ивановой› 350, *664*.
Вам красота, чтобы блеснуть, дана 265, *652*.
Вблизи тебя до этих пор 132, *631*.
В Большом театре я сидел 426, *681*.
Вверху одна горит звезда 270, *654*.
В глубокой теснине Дарьяла 535, *708*.
В день рождения N. N. 63, *621*.
Великий муж! Здесь нет награды 407, *673*.
Велик князь Ксандр и тонок 592, *719*.
Вельможи толпою стояли 69, *622*.
Венеция 273, *654*.
Веселый час 17. *613*.
Весна 82, *624*.
Ветка Палестины 415, *678*.
Вечер 318, *660*
Вечер после дождя 102, *627*.
Взгляни, как мой спокоен взор 160, *636*.
Взгляни на этот лик 250, *648*.
Взлелеянный на лоне вдохновенья 59, *621*.
В игре, как лев, силен 591, *718*.
Вид гор из степей Козлова 446, *685*.
Видение 210, *642*.
В избушке позднею порою 258, *649*.
Винтовка пулю верную послала 595, *721*.
В минуту жизни трудную 457. *688*.

В море царевич купает коня 545, *708*.
В неверный час, меж днем и темнотой 103, *627*.
Воет ветр и свистит пред недальной грозой 112, *628*.
Воздушный корабль 482, *693*.
Война 33, *616*.
Волны и люди 293, *658*.
Волны катятся одна за другою 293, *658*.
Воля 220, *643*.
Вот, друг, плоды моей небрежной музы 15, *613*.
В песчаных степях аравийской земли 454, *688*.
В полдневный жар в долине Дагестана 530, *706*.
В простосердечии невежды 494, *695*.
В ребячестве моем тоску любови знойной 296, *658*.
Время сердцу быть в покое 341, *662*.
В рядах стояли безмолвной толпой 402, *672*.
Всё в мире суета, он мнит 25, *614*.
Всевышний произнес свой приговор 197, *641*.
Всегда он с улыбкой веселой 25, *614*.
Всем жалко вас: вы так устали 265, *652*.
Всё тихо — полная луна 141, *633*.
В старинны годы жили-были 90, *625*.
В старинны годы люди были 92, *625*.
Встреча 66, *622*.
Всю ночь у пушек пролежали 297, *658*.
В те дни, когда уж нет надежд 166, *636*.
В теснине Кавказа я знаю скалу 550, *709*.
В уме своем я создал мир иной 34, *617*.
Вчера до самой ночи просидел 129, *631*.
В чугун печальный сторож бьет 310, *659*.
В шапке золота литого 379, *668*.
Вы мне однажды говорили 269, *653*.
Вы не знавали князь Петра 269, *653*.
Вы старшина собранья верно 267, *653*.
Выхожу один я на дорогу 543, *708*.

Где бьет волна о брег высокой 45, *618*.
Глупой красавице 176, *638*.
Глядися чаще в зеркала 62, *621*.
Гляжу в окно: уж гаснет небосклон 102, *627*.
Гляжу на будущность с боязнью 435, *682*.
Г<-ну> Павлову 265, *652*.
Горе тебе, город Казань 205, *642*.

Горные вершины 491, *695*.
Гость (Как прошлец иноплеменный) 133, *632*.
Гость (Кларису юноша любил) 553, *710*.
Графине Ростопчиной 522, *704*.
Графиня Эмилия 465, *690*.
Гроб Оссиана 127, *630*.
Гроза 98, *626*.
Гроза шумит в морях 99, *627*.
Грузинская песня 55, *620*.
Гусар 398, *671*.
Гусар! ты весел и беспечен 398, *671*.

Давно ли с зеленью радушной 138, *633*.
Дай бог, чтоб вечно вы не знали 264, *651*.
Дай бог, чтоб ты не соблазнялся 557, *710*.
Дай руку мне, склонись к груди поэта 324, *660*.
Дамон, наш врач, о друге прослезился 43, *618*.
Да охранюся я от мушек 131, *631*.
Дары Терека 458, *688*.
Да тень твою никто не порицает 106, *627*.
Два великана 379, *668*.
Два сокола 53, *620*.
Два человека в этот страшный год 162, *636*.
Девятый час; уж темно 345, *663*.
Делись со мною тем, что знаешь 73, *623*.
Дереву 138, *633*.
10 июля. (1830) 151, *634*.
Дитя в люльке 72, *622*.
Для чего я не родился 389, *670*.
Довольно любил я, чтоб вечно грустить 277, *655*.
Довольно толст, довольно тучен 25, *614*.
Договор 523, *704*.
Додо 267, *653*.
«До лучших дней!» перед прощаньем 202, *641*.
До рассвета поднявшись, перо очинил 589, *717*.
Дробись, дробись, волна ночная 123, *629*.
Дубовый листок оторвался от ветки родимой 541, *708*.
Дума 442, *684*.
Дурак и старая кокетка 20, *614*.
Душа моя должна прожить в земной неволе 313, *660*.
Душа моя мрачна 405, *673*.
«Душа телесна!» — ты всех уверяешь смело 21, *614*.

Еврейская мелодия (Душа моя мрачна) 405, *673*.
Еврейская мелодия (Я видал иногда) 101, *627*.
Если б мы не дети были 91, *625*.
Если, друг, тебе сгрустнется 95, *626*.
Есть люди странные 42, *618*.
Есть место: близ тропы глухой 195, *640*.
Есть птичка рая у меня 209, *642*.
Есть речи — значенье 474, *691*.
Есть у меня твой силуэт 260, *649*.

Жалобы турка 49, *619*.
Желание (Зачем я не птица) 199, *641*.
Желанье (Отворите мне темницу) 375, *667*.
Желтый лист о стебель бьется 254, *648*.
Жена Севера 58, *621*.
Жила грузинка молодая 55, *620*.
Журналист, читатель и писатель 475, *692*.

Заблуждение Купидона 10, *611*.
Забудь, любезный Петерсон 13, *612*.
Забудь опять 246, *647*.
Забывши волнения жизни мятежной 61, *621*.
Завещание (Есть место: близ тропы глухой) 195, *640*.
Завещание (Наедине с тобою, брат) 506, *698*.
За всё, за всё тебя благодарю я 490, *695*.
За девицей Emilie 595, *720*.
За дело общее, быть может, я паду 325, *660*.
Зажглась, друзья мои, война 33, *616*.
Закат горит огнистой полосою 179, *638*.
Зачем вы на меня, любезные друзья 17, *613*.
Зачем, о счастии мечтая 593, *719*.
Зачем семьи родной безвестный круг 143, *634*.
Зачем я не птица, не ворон степной 199, *641*.
Звезда (Вверху одна горит звезда) 270, *654*.
Звезда (Светись, светись, далекая звезда) 100, *627*.
Звуки 294, *658*.
Звуки и взор 322, *660*.
Земля и небо 323, *660*.
Зови надежду — сновиденьем 224, *644*.

‹Из альбома С. Н. Карамзиной› 521, *703*.
Из Андрея Шенье 325, *660*.
Известно, по крайней мере 587, *716*.
Из ворот выезжают три витязя в ряд 370, *667*.

Из Гёте 491, *695*.
Измученный тоскою и недугом 359, *665*.
Из Паткуля 248, *647*
Из-под таинственной холодной полумаски 518, *703*.
Им жизнь нужна моя 594, *720*.
И на театре, как на сцене света 588, *717*.
И скучно и грустно 468, *690*.
Исповедь (Я верю, обещаю верить) 208, *642*.
Источник страсти есть во мне 307, *659*.
Итак, прощай! впервые этот звук 174, *638*

К*** (Всевышний произнес свой приговор) 197, *641*.
К*** (Глядися чаще в зеркала) 62, *621*.
К*** (Дай руку мне) 324, *660*.
К* (Делись со мною тем, что знаешь) 73, *623*.
К*** (Когда к тебе молвы рассказ) 171, *637*.
К*** (Когда твой друг с пророческой тоскою) 552, *710*.
К* (Мой друг, напрасное старанье) 377, *668*.
К* (Мы случайно сведены судьбою) 366, *666*.
К*** (Мы снова встретились с тобой) 64, *621*.
К*** (Не говори: одним высоким) 76, *623*.
К... (Не говори: я трус, глупец) 155, *635*.
К*** (Не думай, чтоб я был достоин сожаленья) 136, *632*.
К*** (Не медли в дальной стороне) 326, *661*.
К..... (Не привлекай меня красой) 36, *617*.
К*** (Не ты, но судьба виновата была) 308, *659*.
К*** (О, не скрывай! ты плакала об нем) 236, *645*.
К*** (О, полно извинять разврат) 288, *656*.
К* (Оставь напрасные заботы) 369, *666*.
К* (Печаль в моих песнях) 378, *668*.
К* (Прости! — мы не встретимся боле) 380, *669*.
К... (Простите мне, что я решился к вам) 120, *628*.
К*** (Ты слишком для невинности мила) 237, *646*.
К* (Я не унижусь пред тобою) 348, *663*.
Кавказ 75, *623*.
Кавказ! далекая страна 109, *628*.
Кавказу 109, *628*.
Казачья колыбельная песня 470, *691*.
Как вас зовут? ужель поэтом 265, *652*.
Как в ночь звезды падучей пламень 347, *663*
Как? вы поэта огорчили 268, *653*.
Как дух отчаянья и зла 262, *651*.

Как землю нам больше небес не любить 323, *660*.
Как луч зари, как розы Леля 352, *664*.
Как мальчик кудрявый, резва 495, *695*.
Как небеса, твой взор блистает 437, *683*.
Как одинокая гробница 406, *673*.
Как пришлец иноплеменный 133, *632*.
Как солнце зимнее прекрасно 336, *662*.
Как страшно жизни сей оковы 96, *626*.
Как-то раз перед толпою 526, *706*
Как часто, пестрою толпою окружен 466, *690*.
Как я хотел себя уверить 312, *659*.
К Бухарову Н. И. 441, *684*.
К Гению 27, *616*.
К глупой красавице 107, *627*.
К Грузинову 44, *618*.
К Д. 253, *648*.
К Д. . . .ву 14, *613*.
К деве небесной 200, *641*.
К другу (Взлелеянный на лоне вдохновенья) 59, *621*.
К другу (Забудь опять) 246, *647*.
К другу В. Ш. 202, *641*.
К друзьям 19, *614*.
К Дуркову 277, *655*.
Кинжал 434, *682*.
К кн. Л. Г—ой 232, *645*.
К Л.— 215, *643*.
Кладбище 129, *631*.
Кларису юноша любил 553, *710*.
Клеками белый снег валится 180, *638*.
‹К М. И. Цейдлеру› 439, *683*.
К Н. И. . . . . 217, *643*.
‹К Н. И. Бухарову› 441, *684*.
К Нине 40, *618*.
К N. N.*** (Не играй моей тоской) 50, *620*.
К N. N. (Ты не хотел) 41, *618*.
К Нэере 255, *649*.
Коварной жизнью недовольный 22, *614*.
Когда б в покорности незнанья 231, *645*.
Когда бы встретил я в раю 200, *641*.
Когда бы мог весь свет узнать 126, *630*.
Когда весной разбитый лед 82, *624*.
Когда волнуется желтеющая нива 421, *679*.
Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор 27, *616*.

Когда зеленый дерн мой скроет прах 278, *655*.
Когда к тебе молвы рассказ 171, *637*.
Когда легковерен и молод я был 590, *718*.
Когда надежде недоступный 560, *714*.
Когда одни воспоминанья 508, *698*.
Когда последнее мгновенье 360, *665*.
Когда поспорить вам придется 266, *652*.
Когда Рафаэль вдохновенный 12, *611*.
Когда садится алый день 318, *660*.
Когда судьба тебя захочет обмануть 351, *664*.
Когда твой друг с пророческой тоскою 552, *710*.
Когда ты холодно внимаешь 232, *645*.
Когда я унесу в чужбину 194, *640*.
Колокол стонет 314, *660*.
К портрету 495, *695*.
‹К портрету старого гусара› 440, *684*.
К приятелю 291, *657*.
К П.....ну 13, *612*.
Крест на скале 550, *709*.
Кропоткиной 268, *653*.
К себе 312, *659*.
К Су‹шковой› 132, *631*.
Кто б ни был ты, печальный мой сосед 419, *679*.
Кто видел Кремль в час утра золотой 233, *645*.
Кто в утро зимнее, когда валит 238, *646*.
Кто муки знал когда-нибудь 52, *620*.
Кто яму для других копать трудился 137, *633*.
Куда, седой прелюбодей 594, *720*.
Куда так проворно, жидовка младая 396, *671*.
К чему ищу так славы я 316, *660*.
К чему мятежное роптанье 271, *654*.

Ласкаемый цветущими мечтами 301, *658*.
Ликует буйный Рим 403, *672*.
Ликуйте, друзья 227, *644*.
Лилейной рукой поправляя 532, *707*.
Листок 541, *708*.
Листья в поле пожелтели 9, *611*.
Лукав, завистлив, зол и страстен 25, *614*.
Любил и я в былые годы 521, *703*.
Любил с начала жизни я 79, *623*.
Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день 48, *619*.
Люблю, когда, борясь с душою 78, *623*.

Люблю отчизну я, но странною любовью 509, *699*.
Люблю тебя, булатный мой кинжал 434, *682*.
Люблю я солнце осени 306, *659*.
Люблю я цепи синих гор 334, *662*.
Любовь мертвеца 513, *700*.

Мадригал 21, *614*.
Мартыновой 266, *652*.
Мгновенно пробежав умом 261, *650*.
Между лиловых облаков 295, *658*.
Меж тем, как Франция, среди рукоплесканий 515, *701*.
Метель шумит и снег валит 226, *644*.
Милый Глебов 591, *718*.
Мне грустно потому, что я тебя люблю 489, *694*.
Мне любить до могилы творцом суждено 305, *659*.
Много звезд у летней ночи 551, *710*.
Могила бойца 177, *638*.
Мое грядущее в тумане *567*, *715*.
Мои друзья вчерашние — враги 594, *720*.
Мой демон (1829) 57, *620*.
Мой демон (1830—1831) 330, *661*.
Мой дом 300, *658*.
Мой дом везде, где есть небесный свод 300, *658*.
Мой друг, напрасное старанье 377, *668*.
Мой друг, не плачь перед разлукой 291, *657*.
Молитва (В минуту жизни трудную) 457, *688*.
Молитва (Не обвиняй меня, всесильный) 74, *623*.
Молитва (Я, матерь божия, ныне с молитвою) 422, *680*.
Молча сижу под скошком темницы 487, *694*.
Монолог (Поверь, ничтожество есть благо) 65, *622*.
Морская царевна 545, *708*
Моя душа, я помню, с детских лет 183, *639*.
Моя мать — злая кручина 220, *643*.
Моя мольба 131, *631*.
Мрак. Тьма 579, *716*.
‹Мусиной-Пушкиной Э. К.› 465, *690*.
Мы ждем тебя, спеши, Бухаров 441, *684*.
Мы пьем из чаши бытия 214, *642*.
Мы случайно сведены судьбою 366, *666*.
Мы снова встретились с тобой 64, *621*.
Мятлеву И. П. 519, *703*.

На буйном пиршестве задумчив он сидел 464, *689*.

На бурке под тенью чинары 533, *707*.
На вздор и шалости ты хват 268, *653*.
Над бездной адскою блуждая 488, *694*.
Надежда 209, *642*.
Надежда Петровна 595, *720*.
Над морем красавица-дева сидит 67, *622*.
Наедине с тобою, брат 506, *698*.
На жизнь надеяться страшась 114, *628*.
На картину Рембрандта 287, *656*.
На наших дам морозных 519, *703*.
Наполеон (В неверный час, меж днем и темнотой) 103, *627*.
Наполеон (Где бьет волна о брег высокой) 45, *618*.
Напраска врагов ядовитая злоба 248, *647*.
Нарышкиной 265, *652*.
На светские цепи 472, *691*.
На севере диком 512, *699*.
На серебряные шпоры 401, *672*.
На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты 11, *611*.
Настанет год, России черный год 140, *633*.
Настанет день — и миром осужденный 251, *648*.
На темной скале над шумящим Днепром 279, *655*.
Наш князь Василь 592, *719*.
Небо и звезды 228, *645*.
Не верь себе 452, *687*.
Не верь, не верь себе, мечтатель молодой 452, *687*.
Невинный нежною душою 37, *617*.
Не говори: одним высоким 76, *623*.
Не говори: я трус, глупец 155, *635*.
Не даром она, не даром 266, *652*.
Не дождаться мне видно свободы 485, *694*.
Не думай, чтоб я был достоин сожаленья 136, *632*.
Незабудка 92, *625*.
Не знаю, обманут ли был я 280, *655*.
Не играй моей тоской 50, *620*.
Не медли в дальной стороне 326, *661*.
Не могу на родине томиться 328, *661*.
Не обвиняй меня, всесильный 74, *623*.
Не плачь, не плачь, мое дитя 573, *715*.
Не привлекай меня красой 36, *617*.
Нередко люди и бранили 165, *636*.
Не робей, краса младая 229, *645*.
Не смейся, друг, над жертвою страстей 276, *655*.

Не смейся над моей пророческой тоскою 425, *680*.
Нет легкого дуновения воздуха 581, *716*.
Нет! мир совсем пошел не так 265, *652*.
Нет, не тебя так пылко я люблю 549, *709*.
Нет смерти здесь; и сердце вторит нет 108, *627*.
Не ты, но судьба виновата была 308, *659*.
Нет, я не Байрон, я другой 361, *665*.
Нет! — я не требую вниманья 97, *626*
Не уезжай, лезгинец молодой 338, *662*
Не чудно ль, что зовут вас Вера 264, *651*.
Никто моим словам не внемлет 566, *714*.
Никто, никто, никто не усладил 142, *633*.
Нищий 154, *635*.
Новгород 175, *638*.
‹Новогодние мадригалы и эпиграммы› 264, *651*.
Ночевала тучка золотая 525, *705*.
Ночь (В чугун печальный сторож бьет) 310, *659*.
Ночь (Один я в тишине ночной) 169, *637*.
Ночь. I (Я зрел во сне, что будто умер я) 83, *624*.
Ночь. II (Погаснул день) 87, *625*.
Ночь. III (Темно. Всё спит) 121, *628*.
Ну, вот теперь у вас для разговоров будет 594, *720*.
Ну что скажу тебе я спросту 431, *682*.
Н. Ф. И. 264, *651*.
Н. Ф. И. . . .вой 79, *623*.

Оборвана цепь жизни молодой 292, *657*.
О грезах юности томим воспоминаньем 492, *695*.
11 июля 295, *658*.
Одиночество 96, *626*.
Один я в тишине ночной 169, *637*.
Однажды женщины Эрота отодрали 10, *611*.
О! Если б дни мои текли 60, *621*.
‹Олениной А. А.› 451, *687*.
Она была прекрасна, как мечта 340, *662*.
Она не гордой красотою 384, *669*.
Она одна меж дев своих стояла 66, *622*.
Она поет — и звуки тают 438, *683*.
Он был в краю святом 565, *714*.
Он был рожден для счастья 391, *671*.
О, не скрывай! ты плакала об нем 236, *645*.
Они любили друг друга 534, *707*.
Он любимец мягкой лени 26, *614*.

Он метил в умники 593, *719*.
Он некрасив, он невысок 24, *614*.
Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон 592, *719*.
Он спит последним сном давно 177, *638*.
Опасение 77, *623*.
О, полно извинять разврат 288, *656*.
О, полно ударять рукой 322, *660*.
Оправдание 508, *698*.
Опять вы, гордые, восстали 151, *634*.
Опять, народные витии 558, *711*.
Опять, опять я видел взор твой милый 222, *643*.
Осень 9, *611*.
Оставленная пу́стынь предо мной 118, *628*.
Оставь напрасные заботы 369, *666*.
Остаться без носу — наш Маккавей боялся 430, *681*.
Ответ 52, *620*.
Отворите мне темницу (Желанье) 375, *667*.
Отворите мне темницу (Узник) 417, *679*.
Отделкой золотой блистает мой кинжал 448, *687*.
Отрывок (На жизнь надеяться страшась) 114, *628*.
Отрывок (Приметив юной девы грудь) 167, *637*.
Отрывок (Три ночи я провел без сна — в тоске) 256, *649*.
Отчего 489, *694*.
О ты, которого клеврет твой верный Павел 219, *643*.
Очарователен кавказский наш Монако 591, *718*.
Очи. N. N. 108, *627*.

Памяти А. И. О‹доевско›го 461, *689*.
Пан 48, *619*.
Парус 390, *670*.
Первая любовь 296, *658*.
Переводы 579, *716*.
Передо мной лежит листок 172, *637*.
Перчатка 69, *622*.
Песнь барда 149, *634*.
Песня (Желтый лист о стебель бьется) 254, *648*.
Песня (Колокол стонет) 314, *660*.
Песня (Ликуйте, друзья) 227, *644*.
Песня (Не знаю, обманут ли был я) 280, *655*.
Песня (Светлый призрак дней минувших) 35, *617*.
Песня (Что в поле за пыль пылит) 577, *716*.
‹Петрову А.› 431, *682*.

Печаль в моих песнях 378, *668*.
Печально я гляжу на наше поколенье 442 *684*
Пир 16, *613*.
Пир Асмодея 282, *655*.
Письмо 31, *616*.
Плачь! плачь! Израиля народ 157, *635*.
Пленный рыцарь 487, *694*.
Поверхностью морей отражена 273, *654*.
Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете 65, *622*.
Поверю ль я, чтоб вы хотели 268, *653*.
Поверю совести присяжного дьяка 595, *721*.
Погаснул день! — и тьма ночная своды 87, *625*.
Погаснул день на вышинах небесных 327, *661*.
Погиб поэт! — невольник чести 412, *675*.
Под занавесою тумана 127, *630*.
Подражание Байрону 276, *655*.
Под фирмой иностранной иноземец 511, *699*.
Покаяние 29, *616*.
Покрыта таинств легкой сеткой 58, *621*.
Поле Бородина 297, *658*.
По небу полуночи ангел летел 239, *646*.
Попался мне один рыбак 38, *617*.
По произволу дивной власти 386, *670*.
Пора уснуть последним сном 247, *647*.
Портрет 250, *648*.
Портреты 24, *614*.
  Всё в мире суета 25, *614*.
  Всегда он с улыбкой веселой 25, *614*.
  Довольно толст, довольно тучен 25, *614*.
  Лукав, завистлив, зол и страстен 25, *614*.
  Он любимец мягкой лени 26, *614*.
  Он некрасив, он невысок 24, *614*.
Посвящение. N. N. (Вот, друг, плоды моей небрежной музы) 15, *613*.
Посвящение (Прими, прими мой грустный труд) 128, *630*.
Посвящение (Тебе я некогда вверял) 130, *631*.
По синим волнам океана 482, *693*.
Последнее новоселье 515, *701*.
Послушай, быть может, когда мы покинем 368, *666*.
Послушай! вспомни обо мне 182, *639*.
Посреди небесных тел 469, *691*.
Поток 307, *659*.

Поцелуями прежде считал 367, *666*.
Почтим приветом остров одинокой 201, *641*.
Поэт (Когда Рафаэль вдохновенный) 12, *611*.
Поэт (Отделкой золотой блистает мой кинжал) 448, *687*.
Поэтом (хоть и это бремя) 42, *618*.
Пред мной готическое зданье 118, *628*.
Предсказанье 140, *633*.
Прекрасны вы, поля земли родной 225, *644*.
Прелестнице 356, *665*.
Приветствую тебя, воинственных славян 374, *667*.
Приветствую тебя я, злое море 596, *721*.
Приди ко мне, любезный друг 16, *613*.
Приметив юной девы грудь 167, *637*.
Прими, прими мой грустный труд 128, *630*.
Примите дивное посланье 385, *670*.
Пророк 547, *709*.
Прости! коль могут к небесам 122, *629*.
Прости, мой друг! .. как призрак, я лечу 111, *628*.
Прости! — мы не встретимся боле 380, *669*.
Прости! о край, где тень моей славы 586, *716*.
Прости, прости 289, *657*.
Простите мне, что я решился 120, *628*.
Прости! увидимся ль мы снова 358, *665*.
Простосердечный сын свободы 125, *629*.
Прощай, немытая Россия 524, *704*.
Прощанье (Не уезжай, лезгинец молодой) 338, *662*.
Прощанье (Прости, прости) 289, *657*.
Пускай поэта обвиняет 315, *660*.
Пускай толпа клеймит презреньем 523, *704*.
Пускай ханжа глядит с презреньем 356, *665*.
Пускай холодною землею 513, *700*.
Пусть я кого-нибудь люблю 245, *646*.

Разлука 86, *625*.
Раскаянье 271, *654*.
Расписку просишь ты, гусар 563, *714*.
Расстались мы; но твой портрет 423, *680*.
Ребенка милого рожденье 450, *687*.
Ребенку (О грезах юности томим воспоминаньем) 492, *695*.
Ревет гроза, дымятся тучи 98, *626*.
Редеют бледные туманы 181, *639*.
Родина 509, *699*.

Романс (В те дни, когда уж нет надежд) 166, *636*.
Романс (Коварной жизнью недовольный) 22, *614*.
Романс (Невинный нежною душою) 37, *617*.
Романс (Стояла серая скала на берегу морском) 355, *665*.
Романс (Ты идешь на поле битвы) 362, *666*.
Романс (Хоть бегут по струнам моим звуки веселья) 332, *661*.
Романс к И... 194, *640*.
Россию продает Фадей (I) 427, *681*.
Россию продает Фадей (II) 428, *681*.
Русалка 394, *671*.
Русалка плыла по реке голубой 394, *671*.
Русская мелодия 34, *617*.
Русская песня 180, *638*.
Русский немец белокурый 439, *683*.

Сабуровой 268, *653*.
Св. Елена 201, *641*.
Свершилось! полно ожидать 173, *638*.
Светает — вьется дикой пеленой 110, *628*.
Светись, светись, далекая звезда 100, *627*.
Светлый призрак дней минувших 35, *617*.
Свеча горит! дрожащею рукою 31, *616*.
Свиданье 537, *708*.
Се Маккавей-водопийца 429, *681*.
Сентября 28 222, *643*.
Сидел рыбак веселый 392, *671*.
Сижу я в комнате старинной 196, *640*.
Силуэт 260, *649*.
Синие горы Кавказа, приветствую вас 353, *664*.
Скажи, для чего перед нами 255, *649*.
Скажи-ка, дядя, ведь недаром 408, *674*.
Скажи мне, ветка Палестины 415, *678*.
Скажи мне: где переняла 266, *652*.
Скажу, любезный мой приятель 44, *618*.
Скинь бешмет свой, друг Мартыш 591, *718*.
Склонись ко мне, красавец молодой 343, *663*.
Слава 316, *660*.
Слепец, страданьем вдохновенный 444, *685*.
С лишком месяц у Мерлини 593, *719*.
Слова разлуки повторяя 382, *669*.
Слышу ли голос твой 436, *683*.

Смело верь тому, что вечно 373, *667*.
Смело в пире жизни надо 592, *718*.
Смерть (Закат горит огнистой полосою) 179, *638*.
Смерть (Ласкаемый цветущими мечтами) 301, *658*.
Смерть (Оборвана цепь жизни молодой) 292, *657*.
Смерть Поэта 412, *675*.
С минуту лишь с бульвара прибежав 145, *634*.
Смирновой А. О. 494, *695*.
Смотрите, как летит, отвагою пылая 440, *684*.
(С немецкого). Я проводил тебя со слезами 587, *717*.
Собранье зол его стихия (1829) 57, *620*.
Собранье зол его стихия (1830—1831) 330, *661*.
Совет 95, *626*.
Солнце 336, *662*.
Солнце осени 306, *659*.
‹Соломирской М. П.› 488, *694*.
Сон (В полдневный жар в долине Дагестана) 530, *706*.
Сон (Я видел сон) 285, *655*.
Сонет 364, *666*.
Сосед (Кто б ни был ты, печальный мой сосед) 419, *679*.
Сосед (Погаснул день на вышинах небесных) 327, *661*.
Соседка 485, *694*.
Спеша на север из далека 432, *682*.
Спи, младенец мой прекрасный 470, *691*.
Спор 526, *706*.
Стансы (Взгляни, как мой спокоен взор) 160, *636*.
Стансы (Люблю, когда, борясь с душою) 78, *623*.
Стансы (Мгновенно пробежав умом) 261, *650*.
Стансы (Мне любить до могилы творцом суждено) 305, *659*.
Стансы (Не могу на родине томиться) 328, *661*.
Стансы. К Д*** 240, *646*.
Степь синея расстилалась 53, *620*.
С тех пор как вечный судия 547, *709*.
Стояла серая скала на берегу морском 355, *665*.
Страшись любви: она пройдет 77, *623*.
Стыдить лжеца, шутить над дураком 43, *618*.
Счастлив ребенок! и в люльке просторно ему 72, *622*.
Счастливый миг 229, *645*.
Сыны небес однажды надо мною 371, *667*.
Сыны снегов, сыны славян 175, *638*.

Тамара 535, *708*.
Тебе, Кавказ, суровый царь земли, I 570, *715*.
Тебе, Кавказ, суровый царь земли, II 572, *715*.
Тебе я некогда вверял 130, *631*.
Темно. Всё спит. Лишь только жук ночной 121, *628*.
Терек воет, дик и злобен 458, *688*.
Тобой пленяться издали 107, *627*.
Толстой 266, *652*.
Тот самый человек пустой 42, *618*.
Три ведьмы 38, *617*.
Три грации считались в древнем мире 588, *717*.
30 июля. — (Париж). 1830 года 158, *636*.
Три ночи я провел без сна — в тоске 256, *649*.
Три пальмы 454, *688*.
Тростник 392, *671*.
Трубецкому 265, *652*.
Тучи 496, *696*.
Тучки небесные, вечные странники 496, *696*.
Ты знал ли дикий край, под знойными лучами 49, *619*.
Ты идешь на поле битвы 362, *666*.
Ты мог быть лучшим королем 158, *636*.
Ты молод. Цвет твоих кудрей 357, *665*.
Ты не хотел! но скоро волю рока 41, *618*.
Ты помнишь ли, как мы с тобою 81, *624*.
Ты понимал, о мрачный гений 287, *656*.
Ты слишком для невинности мила 237, *646*.
1830 год. Июля 15-го 143, *634*.
1830. Майя. 16 число 135, *632*.
1831-го июня 11 дня 183, *639*.
1831-го января 181, *639*.

У беса праздник 282, *655*.
Уваровой 269, *653*.
У врат обители святой 154, *635*.
‹Углицкой А. А.› 520, *703*.
Ужасная судьба отца и сына 243, *646*.
Уж за горой дремучею 537, *708*.
Узник 417, *679*.
Умеешь ты сердца тревожить 267, *653*.
Умирающий гладиатор 403, *672*.
У ног других не забывал 215, *643*.
Унылый колокола звон 319, *660*.

Утес 525, *705*.
Утро на Кавказе 110, *628*.

Хвала тебе, приют лентяев 588, *717*.
‹Хомутовой А. Г.› 444, *685*.
Хоть бегут по струнам моим звуки веселья 332, *661*.
Хоть давно изменила мне радость 321, *660*.
Хотя я судьбой на заре моих дней 75, *623*.

Царю небесный 400, *672*.
Цевница 11, *611*.

Чаша жизни 214, *642*.
Чего тебе, мой милый, пожелать 63, *621*.
Челнок (Воет ветр и свистит) 112, *628*.
Челнок (По произволу дивной власти) 386, *670*.
Черкешенка 51, *620*.
Черны очи 551, *710*.
Чисто вечернее небо 228, *645*.
Что в поле за пыль пылит 577, *716*.
Что за звуки! неподвижен внемлю 294, *658*.
Что может краткое свиданье 350, *664*.
Что толку жить!.. Без приключений 387, *670*.
Чума 162, *636*.
Чума в Саратове 156, *635*.
Чума явилась в наш предел 156, *635*.

Щербатовой 268, *653*.
‹Щербатовой М. А.› 472, *691*.

Экспромт 588, *717*.
‹Экспромты 1841 года› 591, *718*.
Элегия (Дробись, дробись, волна ночная) 123, *629*.
Элегия (О! Если б дни мои текли) 60, *621*.
Эпиграмма (Дурак и старая кокетка) 20, *614*.
Эпиграмма (Под фирмой иностранной иноземец) 511, *699*.
‹Эпиграмма на Н. Кукольника› 426, *681*.
‹Эпиграмма на Ф. Булгарина› (I) 427, *681*.
‹Эпиграмма на Ф. Булгарина› (II) 428, *681*.
Эпиграммы 42, *618*.
Аминт твой на глупца походит 42, *618*.
Дамон, наш врач 43, *618*.

Есть люди странные 42, *618*.
Поэтом (хоть и это бремя) 42, *618*.
Стыдить лжеца, шутить над дураком 43, *618*.
Тот самый человек пустой 42, *618*.
Эпитафия (Кто яму для других копать трудился) 137, *633*.
Эпитафия (Прости! увидимся ль мы снова) 358, *665*.
Эпитафия (Простосердечный сын свободы) 125, *629*.
Эпитафия Наполеона 106, *627*.
Это случилось в последние годы могучего Рима 568, *715*.

Югельский барон 589, *717*.
Юнкерская молитва 400, *672*.

Я верю, обещаю верить 208, *642*.
Я верю: под одной звездою 522, *704*.
Я видал иногда, как ночная звезда 101, *627*.
Я видел вас: холмы и нивы 51, *620*.
Я видел раз ее в веселом вихре бала 275, *654*.
Я видел сон, который не совсем был сон 579, *716*.
Я видел сон: прохладный гаснул день 285, *655*.
Я видел тень блаженства 234, *645*.
Я видел юношу: он был верхом 210, *642*.
Я виноват перед тобою 86, *625*.
Я долго был в чужой стране 149, *634*.
Я жить хочу! хочу печали 372, *667*.
Я знал его: мы странствовали с ним 461, *689*.
Я зрел во сне, что будто умер я 83, *624*.
Я к вам пишу 497, *696*.
Я, матерь божия, ныне с молитвою 422, *680*.
Я не для ангелов и рая 249, *648*.
Я не достоин, может быть 217, *643*.
Я не люблю тебя 263, *651*.
Я не могу ни произнесть 240, *646*.
Я не унижусь пред тобою 348, *663*.
Я не хочу, чтоб свет узнал 424, *680*.
Я оклеветан перед вами 268, *653*.
Я очень рад, что вы больны 475, *692*.
Я памятью живу с увядшими мечтами 364, *666*.
Я пришла, святой отец 29, *616*.
Я пробегал страны России 14, *613*.

Я проводил тебя со слезами 587, *717*.
Я рожден с душою пылкой 19, *614*.
Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови 337, *662*.

L'attente 531, *706*.
Beppo 587, *716*.
Farewell 122, *629*.
The Giaour 581, *716*.
Had we never loved so kindly 91, *625*.
Ma chère Alexandrine 520, *703*.
Napoleon's Farewell 586, *716*.
Non, si j'en crois mon espérance 556, *710*.
Quand je te vois sourire 574, *715*.
Sentenz 126, *630*.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Между стр

М. Ю. Лермонтов. Автопортрет. Акварель, 1837 г. Копия О. А. Кочетовой, 1880 г. Институт русской литературы АН СССР, Ленинград . . . . . 4—5

«Белеет парус одинокой». Акварель М. Ю. Лермонтова, 1828—1831 гг. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград . . . . . 392—393

В. А. Лопухина-Бахметева. Акварель М. Ю. Лермонтова 1835—1838 гг. Институт русской литературы АН СССР, Ленинград . . . 496—497

«Чета белеющих берез». Акварель М. Ю. Лермонтова, 1829—1831 гг. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград . . . . . 512—513

Дарьял. Рисунок карандашом М. Ю. Лермонтова, 1837 г. Институт русской литературы АН СССР, Ленинград . . . . . 536—537

Автограф стихотворения М. Ю. Лермонтова, напечатанного под названием «Родина» (стр. 509), 1841 г. Институт русской литературы АН СССР, Ленинград . . . . 704—705

СОДЕРЖАНИЕ

1828

Осень 9 611
Заблуждение Купидона 10 611
Девица 11 611
Поэт 12 611

1829

К П.....ну 13 612
К Д....ву 14 613
Посвящение. N. N. 15 613
Пир 16 613
Веселый час 17 613
К друзьям 19 614
Эпиграмма («Дурак и старая кокетка») . . . 20 614
Мадригал 21 614
Романс («Коварной жизнью недовольный») . 22 614
Портреты 24 614
К Гению 27 616
Покаяние 29 616
Письмо 31 616
Война 33 616
Русская мелодия 34 617
Песня («Светлый призрак дней минувших») . 35 617
К..... («Не привлекай меня красой») 36 617
Романс («Невинный нежною душою») . . . 37 617

Три ведьмы 38 617
К Нине 40 618
К N. N. («Ты не хотел! но скоро волю рока») 41 618
Эпиграммы 42 618
К Грузинову 44 618
Наполеон («Где бьет волна о брег высокой») 45 618
Пан 48 619
Жалобы турка 49 619
К N. N.*** («Не играй моей тоской») . . . 50 620
Черкешенка 51 620
Ответ 52 620
Два сокола 53 620
Грузинская песня 55 620
Мой демон 57 620
Жена Севера 58 621
К другу («Взлелеянный на лоне вдохновенья») 59 621
Элегия («О! Если б дни мои текли») . . . 60 621
«Забывши волнения жизни мятежной» . . . 61 621
К *** («Глядися чаще в зеркала») 62 621
В день рождения N. N. 63 621
К *** («Мы снова встретились с тобой») . . 64 621
Монолог 65 622
Встреча 66 622
Баллада («Над морем красавица-дева сидит») 67 622
Перчатка 69 622
Дитя в люльке 72 622
К* («Делись со мною тем, что знаешь») . . 73 623
Молитва («Не обвиняй меня, всесильный») . 74 623

1830

Кавказ 75 623
К *** («Не говори: одним высоким») . . . 76 623
Опасение 77 623
Стансы («Люблю, когда борясь с душою») . . 78 623
Н. Ф. И. . . .вой 79 623
«Ты помнишь ли, как мы с тобою» 81 624
Весна 82 624
Ночь. I 83 624
Разлука 86 625

Ночь. II 87 625
«В старинны годы жили-были» 90 625
«Had we never loved so kindly» 91 625
Незабудка 92 625
Совет 95 626
Одиночество 96 626
В альбом («Нет! — я не требую вниманья» . 97 626
Гроза 98 626
«Гроза шумит в морях с конца в конец» . . 99 627
Звезда («Светись, светись, далекая звезда») . 100 627
Еврейская мелодия («Я видал иногда») . . . 101 627
Вечер после дождя 102 627
Наполеон («В неверный час») 103 627
Эпитафия Наполеона 106 627
К глупой красавице 107 627
Очи. N. N. 108 627
Кавказу 109 628
Утро на Кавказе 110 628
«Прости, мой друг! . . как призрак, я лечу» . . 111 628
Челнок («Воет ветр и свистит») 112 628
Отрывок («На жизнь надеяться страшась») . 114 628
«Оставленная пустынь предо мной» . . . 118 628
К . . . («Простите мне, что я решился к вам») 120 628
Ночь. III 121 628
Farewell 122 629
Элегия («Дробись, дробись, волна ночная») . 123 629
Эпитафия («Простосердечный сын свободы») . 125 629
Sentenz 126 630
Гроб Оссиана 127 630
Посвящение («Прими, прими мой грустный труд») 128 630
Кладбище 129 631
Посвящение («Тебе я некогда вверял») . . . 130 631
Моя мольба 131 631
К Су‹шковой› 132 631
Гость («Как прошлец иноплеменный») . . . 133 632
1830. Майя. 16 число 135 632
К *** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья») 136 632
Эпитафия («Кто яму для других копать трудился») 137 633
Дереву 138 633
Предсказание 140 633

«Всё тихо — полная луна» 141 633
«Никто, никто, никто не усладил» 142 633
1830 год. Июля 15-го 143 634
Булевар 145 634
Песнь барда 149 634
10 июля. (1830) 151 634
Благодарю! 152 635
Нищий 154 635
К ... («Не говори: я трус, глупец») 155 635
Чума в Саратове 156 635
«Плачь! плачь! Израиля народ» 157 635
30 июля — (Париж). 1830 года 158 636
Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор») . 160 636
Чума 162 636
«Нередко люди и бранили» 165 636
Романс («В те дни, когда уж нет надежд») . 166 636
Отрывок («Приметив юной девы грудь») . 167 637
Баллада («Берегись! берегись! над бургосским путем») 168 637
Ночь («Один я в тишине ночной») 169 637
К *** («Когда к тебе молвы рассказ») . . . 171 637
«Передо мной лежит листок» 172 637
«Свершилось! полно ожидать» 173 638
«Итак, прощай! впервые этот звук» 174 638
Новгород 175 638
Глупой красавице 176 638
Могила бойца 177 638
Смерть («Закат горит огнистой полосою») . . 179 638
Русская песня 180 638

1831

1831-го января 181 639
«Послушай! вспомни обо мне» 182 639
1831-го июня 11 дня 183 639
Романс к И... . . . . 194 640
Завещание («Есть место: близ тропы глухой») 195 640
«Сижу я в комнате старинной» 196 640
К *** («Всевышний произнес свой приговор») 197 641
Желание («Зачем я не птица») 199 641
К деве небесной 200 641
Св Елена 201 641

К другу В. Ш. 202 641
«Блистая пробегают облака» 203 641
Атаман 205 642
Исповедь («Я верю, обещаю верить») . . . 208 642
Надежда 209 642
Видение 210 642
Чаша жизни 214 642
К Л.— 215 643
К Н. И. 217 643
А. Д. З. 219 643
Воля 220 643
Сентября 28 . . . . . 222 643
«Зови надежду — сновиденьем» 224 644
«Прекрасны вы, поля земли родной» 225 644
«Метель шумит и снег валит» 226 644
Песня («Ликуйте, друзья») 227 644
Небо и звезды 228 645
Счастливый миг 229 645
«Когда б в покорности незнанья» 231 645
К кн. Л. Г—ой 232 645
«Кто видел Кремль в час утра золотой» . . 233 645
«Я видел тень блаженства; но вполне» . . . 234 645
К *** («О, не скрывай! ты плакала об нем») 236 645
К *** («Ты слишком для невинности мила») 237 646
«Кто в утро зимнее, когда валит» 238 646
Ангел 239 646
Стансы. К Д*** («Я не могу ни произнесть») 240 646
«Ужасная судьба отца и сына» 243 646
«Пусть я кого-нибудь люблю» 245 646
К другу («Забудь опять») 246 647
«Пора уснуть последним сном» 247 647
Из Паткуля 248 647
«Я не для ангелов и рая» 249 648
Портрет 250 648
«Настанет день — и миром осужденный» . . 251 648
К Д. 253 648
Песня («Желтый лист о стебель бьется») . . 254 648
К Нэере 255 649
Отрывок («Три ночи я провел без сна — в тоске») 256 649
Баллада («В избушке позднею порою») . . 258 649
Силуэт 260 649
Стансы («Мгновенно пробежав умом») . . . 261 650

«Как дух отчаянья и зла» 262 651
«Я не люблю тебя; страстей» 263 651
‹Новогодние мадригалы и эпиграммы› . . . 264 651
Н. Ф. И. 264 651
Бухариной 264 651
Трубецкому 265 652
Г‹-ну› Павлову 265 652
Алябьевой 265 652
Нарышкиной 265 652
Толстой 266 652
Бартеневой 266 652
Мартыновой 266 652
Додо 267 653
Башилову 267 653
Кропоткиной 268 653
Щербатовой 268 653
Булгакову 268 653
Сабуровой 268 653
Уваровой 269 653
«Вы не знавали князь Петра» 269 653

1830—1831

Звезда («Вверху одна») 270 654
Раскаянье 271 654
Венеция 273 654
«Я видел раз ее в веселом вихре бала» . . . 275 654
Подражание Байрону 276 655
К Дурнову 277 655
Арфа 278 655
«На темной скале над шумящим Днепром» . 279 655
Песня («Не знаю, сбманут ли был я») . . . 280 655
Пир Асмодея 282 655
Сон («Я видел сон») 285 655
На картину Рембрандта 287 656
К *** («О, полно извинять разврат») . . . 288 656
Прощанье («Прости, прости!») 289 657
К приятелю 291 657
Смерть («Оборвана цепь жизни молодой») . 292 657
Волны и люди 293 658
Звуки 294 658

11 июля 295 658
Первая любовь 296 658
Поле Бородина 297 658
Мой дом 300 658
Смерть («Ласкаемый цветущими мечтами») . 301 658
Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено») 305 659
Солнце осени 306 659
Поток 307 659
К *** («Не ты, но судьба виновата была») . 308 659
Ночь («В чугун печальный сторож бьет») . . 310 659
К себе 312 659
«Душа моя должна прожить в земной неволе» 313 660
Песня («Колокол стонет») 314 660
«Пускай поэта сбвиняет» 315 660
Слава 316 660
Вечер 318 660
«Унылый колокола звон» 319 660
«Хоть давно изменила мне радость» 321 660
Звуки и взор 322 660
Земля и небо 323 660
К *** («Дай руку мне») 324 660
Из Андрея Шенье 325 660
К *** («Не медли в дальной стороне») . . . 326 661
Сосед («Погаснул день») 327 661
Стансы («Не могу на родине томиться») . . 328 661
Мой демон 330 661
Романс («Хоть бегут по струнам моим звуки веселья») 332 661

1832

«Люблю я цепи синих гор» 334 662
Солнце 336 662
«Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови» 337 662
Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой») . 338 662
«Она была прекрасна, как мечта» 340 662
«Время сердцу быть в покое» 341 662
«Склонись ко мне, красавец молодой» . . . 343 663
«Девятый час; уж темно; близ заставы» . . 345 663

«Как в ночь звезды падучей пламень» . . . 347 663
К * («Я не унижусь пред тобою») 348 663
‹В альбом Н. Ф. Ивановой› 350 664
‹В альбом Д. Ф. Ивановой› 351 664
«Как луч зари, как розы Леля» 352 664
«Синие горы Кавказа, приветствую вас» . . 353 664
Романс («Стояла серая скала») 355 665
Прелестнице 356 665
«Ты молод. Цвет твоих кудрей» 357 665
Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова») 358 665
«Измученный тоскою и недугом» 359 665
«Когда последнее мгновенье» 360 665
«Нет, я не Байрон, я другой» 361 665
Романс («Ты идешь на поле битвы») . . . 362 666
Сонет 364 666
«Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья» 365 666
К * («Мы случайно сведены судьбою») . . 366 666
«Поцелуями прежде считал» 367 666
«Послушай, быть может, когда мы покинем» . 368 666
К * («Оставь напрасные заботы») 369 666
Баллада («Из ворот выезжают») 370 667
Бой 371 667
«Я жить хочу! хочу печали» 372 667
«Смело верь тому, что вечно» 373 667
«Приветствую тебя, воинственных славян» . 374 667
Желанье («Отворите мне темницу») 375 667
К * («Мой друг, напрасное старанье») . . . 377 668
К * («Печаль в моих песнях») 378 668
Два великана 379 668
К * («Прости! — мы не встретимся боле») . 380 669
«Слова разлуки повторяя» 382 669
«Безумец я! вы правы, правы!» 383 669
«Она не гордой красотою» 384 669
«Примите дивное *посланье*» 385 670
Челнок («По произволу дивной власти») . . 386 670
«Что толку жить! . . Без приключений» . . . 387 670
«Для чего я не родился» 389 670
Парус 390 670
«Он был рожден для счастья, для надежд» . 391 671
Тростник 392 671
Русалка 394 671
Баллада («Куда так проворно») 396 671
Гусар 398 671

1833

Юнкерская молитва 400 672

1833—1834

«На серебряные шпоры» 401 672
«В рядах стояли безмолвной толпой» . . . 402 672

1836

Умирающий гладиатор 403 672
Еврейская мелодия («Душа моя мрачна») . . 405 673
В альбом («Как одинокая гробница») . . . 406 673
«Великий муж! Здесь нет награды» 407 673

1837

Бородино 408 674
Смерть Поэта 412 675
Ветка Палестины 415 678
Узник 417 679
Сосед («Кто б ни был ты, печальный мой сосед») 419 679
«Когда волнуется желтеющая нива» 421 679
Молитва («Я, матерь божия») 422 680
«Расстались мы; но твой портрет» 423 680
«Я не хочу, чтоб свет узнал» 424 680
«Не смейся над моей пророческой тоскою» . 425 680
⟨Эпиграмма на Н. Кукольника⟩ 426 681
⟨Эпиграмма на Ф. Булгарина. I⟩ 427 681
⟨Эпиграмма на Ф. Булгарина. II⟩ 428 681
«Се Маккавей-водопийца» 429 681
«Остаться без носу — наш Маккавей боялся» 430 681
⟨А. Петрову⟩ 431 682
«Спеша на север из далека» 432 682

1837—1838

Кинжал 434 682
«Гляжу на будущность с боязнью» 435 682

«Слышу ли голос твой» 436 683
«Как небеса, твой взор блистает» 437 683
«Она поет — и звуки тают» 438 683

1838

‹К М. И. Цейдлеру› 439 683
‹К портрету старого гусара› 440 684
‹К Н. И. Бухарову› 441 684
Дума 442 684
‹А. Г. Хомутовой› 444 685
Вид гор из степей Козлова 446 685
Поэт 448 687

1839

«Ребенка милого рожденье» 450 687
‹А. А. Олениной› 451 687
Не верь себе 452 687
Три пальмы 454 688
Молитва («В минуту жизни трудную») . . 457 688
Дары Терека 458 688
Памяти А. И. О‹доевско›го 461 689
«На буйном пиршестве задумчив он сидел» 464 689
‹Э. К. Мусиной-Пушкиной› 465 690

1840

«Как часто, пестрою толпою окружен» . . . 466 690
И скучно и грустно 468 690
«Посреди небесных тел» 469 691
Казачья колыбельная песня 470 691
‹М. А. Щербатовой› 472 691
«Есть речи — значенье» 474 691
Журналист, читатель и писатель 475 692
Воздушный корабль 482 693
Соседка 485 694
Пленный рыцарь 487 694
‹М. П. Соломирской› 488 694
Отчего 489 694
Благодарность 490 695

Из Гёте 491 695
Ребенку 492 695
А. О. Смирновой 494 695
К портрету 495 695
Тучи 496 696
Валерик 497 696
Завещание («Наедине с тобою, брат») . . . 506 698

1841

Оправдание 508 698
Родина 509 699
Эпиграмма («Под фирмой иностранной инозе-
мец») 511 699
«На севере диком стоит одиноко» 512 699
Любовь мертвеца 513 700
Последнее новоселье 515 701
«Из-под таинственной холодной полумаски» . 518 703
И. П. Мятлеву 519 703
‹А. А. Углицкой› 520 703
‹Из альбома С. Н. Карамзиной› 521 703
Графине Ростопчиной 522 704
Договор 523 704
«Прощай, немытая Россия» 524 704
Утес 525 705
Спор 526 706
Сон («В полдневный жар») 530 706
L'attente 531 706
«Лилейной рукой поправляя» 532 707
«На бурке под тенью чинары» 533 707
«Они любили друг друга так долго и нежно» 534 707
Тамара 535 708
Свиданье 537 708
Листок 541 708
«Выхожу один я на дорогу» 543 708
Морская царевна 545 708
Пророк 547 709
«Нет, не тебя так пылко я люблю» 549 709

Стихотворения разных годов

Крест на скале 550 709
Черны очи 551 710

К *** («Когда твой друг») 552 710
Гость («Кларису юноша любил») 553 710
«Non, si j'en crois mon espérance» 556 710
‹Н. Н. Арсеньеву› 557 710
«Опять, народные витии» 558 711
«Когда надежде недоступный» 560 714
«Ах! ныне я не тот совсем» 561 714
«Расписку просишь ты, гусар» 563 714
«Он был в краю святом» 565 714
«Никто моим словам не внемлет... я один» . 566 714
«Мое грядущее в тумане» 567 715
«Это случилось в последние годы могучего Рима» 568 715
«Тебе, Кавказ, суровый царь земли» I . . . 570 715
«Тебе, Кавказ, суровый царь земли» II . . 572 715
«Не плачь, не плачь, мое дитя» 573 715
«Quand je te vois sourire» 574 715

Приложения

Приложение I. Песня 577 716

Приложение II. Переводы 579 716

Мрак. Тьма 579 716
The Giaour 581 716
Napoleon's Farewell 586 716
Верро 587 716
(С немецкого) «Я проводил тебя со слезами» 587 717

Приложение III. Стихотворения, приписываемые Лермонтову 588 717

Экспромт («Три грации считались в древнем мире») 588 717
«Хвала тебе, приют лентяев» 588 717
«И на театре, как на сцене света» . . . 588 717
Югельский барон 589 717
Когда легковерен и молод я был» . . . 590 718
Экспромты 1841 года 591 718
«Очарователен кавказский наш Монако» 591 718

«В игре, как лев, силен» 591 718
«Милый Глебов» 591 718
«Скинь бешмет свой» 591 718
«Смело в пире жизни надо» 592 718
«Велик князь Ксандр» 592 719
«Наш князь Василь» 592 719
«Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон» 592 719
«С лишком месяц у Мерлини» 593 719
«Он метил в умники, попался в дураки» 593 719
«Зачем, о счастии мечтая» 593 719
«Мои друзья вчерашние — враги» 594 720
«Им жизнь нужна моя» 594 720
«Ну, вот теперь у вас» 594 720
«Куда, седой прелюбодей» 594 720
«За девицей Emilie» 595 720
«Надежда Петровна» 595 720
«Поверю совести присяжного дьяка» . . . 595 721
«Винтовка пулю верную послала» . . . 595 721
«Приветствую тебя я, злое море» 596 721

Примечания 597

«Стихотворения 1828—1841 гг.». . . . 599

Алфавитный указатель 722

Список иллюстраций 742

Михаил Юрьевич Лермонтов
СОЧИНЕНИЯ, т. I

*

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Академии наук СССР

*

Редактор тома *Б. В. Томашевский*
Подготовка текста, примечания и вступительная статья
Т. П. Головановой

*

Редактор издательства *А. И. Соболева*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректор *Б. Р. Флакс*

*

Сдано в набор 11/VI 1957 г. Подписано к печати 5/VIII 1961 г. РИСО АН СССР № 6—1Р.
Формат бумаги 70 × 92 1/32. Бум. л. 11 13/16.
Печ. л. 47 1/4 = 27.64 усл. печ. л. + 6 вкл.
Уч.-изд. л. 24.25 + 6 вкл. (0.16). Изд. № 682.
Тип. зак. № 179. Тираж 225 000 (1—75 000 экз.).
Цена 1 р. 25 к.
М 06208

Ленинградское отделение Издательства
Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип Издательства Академии наук СССР.
Ленинград, В-34, 9 линия, д 12.